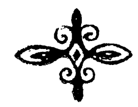

Песни Терека

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧИАССР

Песни гребенских и сунженских казаков

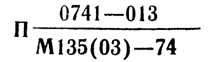

Ответственный редактор доктор
филологических наук Б. Н. ПУТИЛОВ

Публикация текстов, вступительная статья и примечания
Ю. Г. АГАДЖАНОВА

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГРОЗНЫЙ — 1974

РФ
П28

П $\frac{0741-013}{М135(03)-74}$

ПРЕДИСЛОВИЕ

Рекомендуемая читателю книга относится к весьма распространенному в наши дни типу фольклорных изданий, который можно было бы определить так: областной сборник, заключающий новое собрание старых песен.

Две главные особенности характеризуют обычно такие книги. Во-первых, песни, собранные здесь, записаны в определенном районе, имеющем свою историческую и культурно-бытовую специфику. В данном случае это — казачьи станицы Терека. Во-вторых, песни эти не впервые становятся достоянием печати, многие из них публиковались десятки раз и хорошо известны, другие встречаются реже, и лишь об очень немногих песнях можно с осторожностью сказать как о впервые печатаемых.

Может возникнуть естественный вопрос — в чем смысл, научное значение и культурная ценность таких изданий?

Разумеется, сборники этого рода не заменяют нам тщательно подготовленных сводов и антологий, включающих образцы русской народной песни в л у ч ш и х, то есть наиболее полных и художественно завершенных, текстах, которые отбираются из множества известных вариантов.

Однако дело в том, что варианты в фольклоре — это не просто разновидности некоего первичного и наиболее полного текста, а это прежде всего — конкретные, принадлежащие данному времени, определенной местности, данной певческой традиции реализации какого-либо фольклорного поэтического замысла, какой-либо художественной идеи, которые живут веками и веками же развиваются. Полнота и законченность одного песенного текста — это кажущаяся видимость. На самом деле более или менее полное и законченное представление о песне в ее развитии и многообразии художественных реализаций дает лишь сово-

купность вариантов. Вместе с тем и каждый отдельный вариант по-своему завершен и интересен, поэтому каждая новая запись и публикация какой-то старой песни дополняет наши представления о ней, вносит новое в наши знания о ее художественном содержании.

Особенную ценность представляют повторные записи песен в одной и той же местности, от тех же певцов или от их преемников, сделанные после 20—25-летнего перерыва. В этом случае появляется ощутимая возможность проследить за эволюцией песни, уловить изменения, в ней происшедшие. Когда в распоряжении фольклориста оказывается целый набор таких повторных записей, он может попытаться восстановить отдельные черты процесса изменений в песенном фольклоре данного края в целом.

В этом смысле предлагаемый сборник, безусловно, интересен, поскольку в нем есть песни, варианты которых были записаны и опубликованы четверть века назад при участии автора этих строк. Ю. Г. Агаджанову удалось подметить некоторые тенденции, характерные для фольклорного процесса на Тереке в наши дни.

Любопытно, что он, собирая песни в тех же станицах, где когда-то работала наша экспедиция, работая с теми же певцами, которых мы когда-то нашли, не только записал варианты знакомых песен (что вполне естественно), не только установил, что некоторое число песен оказалось забытым, но и обнаружил песни, которые наша экспедиция не слышала и не записала. Причем речь идет не о новых, а о старых русских песнях. Может быть, мы их просто нечаянно пропустили? Думаю, что причина здесь кроется в самих особенностях живой жизни народной песни. Любая песня может существовать «открыто» — и тогда она широко поется, легко вспоминается певцами, мимо нее собирателю не пройти, — либо находится в латентном (скрытом) состоянии, когда певцы ее не вспоминают и записать ее невозможно, пока не наступает момент, когда она вновь возвращается в открытый репертуар. Обычно это происходит под воздействием каких-то внешних обстоятельств: песня оказывается снова нужной и интересной, она отвечает каким-то настроениям и чувствам. Вот почему, я думаю, надо очень осторожно говорить об исчезновении той или другой песни из народной памяти, особенно когда это песня большого содержания, когда она не связана с исчезнувшим обрядом, не принадлежит к архаическому жанру и т. д. Народные песни имеют свойство не только забываться, но и возрождаться к новой жизни, и материалы данного сборника довольно наглядно об этом свидетельствуют. Разумеется, в фольклоре происходят и необратимые явления, например, навсегда уходят из живого бытования былины, забываются песни народного календаря и т. д.

Повторные, периодически осуществляемые, хорошо организованные экспедиции дают в итоге довольно точную картину состояния фоль-

клорной традиции, фиксируют живой репертуар, отражают динамику живого процесса, возрождают память об известных певцах и знакомят с новыми. Необходимость в такого рода экспедициях «по следам прежних собирателей» возникает всякий раз, когда проходит известное время и главное — когда изменяются исторические и культурно-бытовые условия самой жизни.

Впервые терские казачьи песни стали известны русскому обществу в середине XIX века. Заканчивалась мучительная для многих народов кавказская война. В жизни казачества назревали большие перемены, но станицы жили еще недавним прошлым; в быту, в социальных и семейных отношениях было немало патриархального. Это состояние превосходно отразил в своей повести «Казаки» Л. Н. Толстой, который был и первым собирателем терского фольклора.

Следующая волна интереса к казачьей песне поднялась в конце XIX — начале XX века. В эти десятилетия, когда под воздействием капитализма круто менялась жизнь на Тереке, собирателям удалось зафиксировать значительную часть классического песенного репертуара, в частности, записать превосходные образцы казачьей былины и сделать массу записей исторических песен.

И вот спустя много десятилетий, после довольно значительного перерыва, и главное — после пережитых казачеством величайших социально-исторических сдвигов, наша экспедиция направилась в гребенские станицы. Только что окончилась Великая Отечественная война, а в дни, когда мы работали в станицах, началась и быстро закончилась война с Японией. Много тяжелого и грустного мы увидели тогда в казачьей жизни. В станицах находились по преимуществу женщины, дети да старики. Хозяйство, особенно виноградарство, было в тяжелом состоянии. Горе не обошло ни одной хаты. До песен ли тут было? С таким вопросом, с чувством тревоги и какой-то неловкости вошли мы в станицу Старый Щедрин летним вечером 1945 года. Поздно ночью, готовясь ко сну на веранде чьего-то дома, мы услышали на другом конце станицы песню; высокий и чистый мужской голос вывел:

Уж вы, куры, вы мои кочеточки...

Через мгновение в него вплелись два женских голоса.

Эта первая встреча с казачьей песней была полна для нас большого смысла. Уже на другой день мы познакомились с удивительными женщинами, которые хранили и исполняли множество песен и для которых жизнь и песня составляли одно целое.

Годы войны, конечно же, отразились на бытовании песен. Женщины поотвыкли от них, особенно от песен веселых, плясовых, свадебных... Поначалу они запевали несмело, словно припоминая мотив и слова, нередко песню обрывали рыдания, вызванные горестными воспоминаниями, певицы должны были успокоиться...

Нас поражало, как они обнаруживали в любой песенной ситуации, для нас вполне условной, в любом поэтическом образе, для нас чисто литературном, живые ассоциации, связывали их с обстоятельствами своей жизни, с собственными переживаниями. Великая сила народного искусства по-особому открывается, когда оказываешься рядом с людьми, для которых оно — частица их собственного бытия.

Экспедиция 1945 года собрала значительный материал, освещающий состояние казачьей фольклорной традиции на рубеже исторических эпох. Годы революции, гражданской войны, социалистического строительства, Великой Отечественной войны произвели в жизни, сознании, культуре казачества, а вместе с тем — в структуре их фольклора громадные перемены. В то же время классическое фольклорное наследие обнаружило свою жизненность, оказалось близким и нужным казачеству на всех этапах его истории. В нем поэтически закрепилась память о героическом прошлом, в нем широко и полно отразился духовный мир людей труда, светлые и драматические стороны их быта.

Русская песня — один из ценнейших элементов русской национальной культуры; терские казаки и казачки, сберегшие ее, тем самым внесли свой вклад в сохранение богатств нашей культуры.

Вторичное «открытие» казачьей песни в послевоенные годы явилось событием немалого значения. Не случайно газета «Грозненский рабочий» подробно освещала результаты работы экспедиции, а сборник ее материалов увидел свет уже на следующий год. Всесоюзный дом народного творчества пригласил певцов из Старого Щедрина — Никиту Михайловича Литвина, Наталью Георгиевну Бадину и Матрену Григорьевну Павлову — в Москву, где они с успехом выступали на эстраде, в консерватории. На обратном пути они выступили перед грозненцами, в том числе в музыкальном училище и в пединституте. Помню, сколько взволнованных рассказов было о Москве, в которой тогдашним станичникам доводилось бывать очень редко, о встречах с певцами из других краев. Женщины рассказали мне, как смотрели они из окон вагона на пепелища и развалины и как сами собой родились слова причети, в которой вспоминались погибшие на фронте близкие. Причеть эта опубликована в сборнике 1946 года (под № 78) и является, кажется, единственным известным образцом этого жанра в казачьем фольклоре. К сожалению, в 40-е годы удалось сделать очень немногое для того, чтобы зафиксировать музыкальную сторону казачьих песен. Магнитофонов тогда еще в нашем распоряжении не было. Специальная бригада ВДНТ записала песни на мягкие пластинки, но они не были размножены и остались в архивах. В сборниках, вышедших в 1946 и 1948 годах, нот не было. Это тем более огорчительно, что в музыкальном отношении терские песни исключительно интересны и богаты, казачье многоголосие с его разновидностями по отдельным районам представляет собой неза-

урядное явление. Надо надеяться, что рано или поздно терские песни будут изданы с нотами, а может быть, и станут известны в записях на пластинках. Пока же можно порадоваться тому, что в настоящем сборнике читатель найдет несколько нотных образцов, которые дают известное представление о музыкальных стилях казачьей песни.

Двадцать пять лет — срок как будто небольшой, но эти годы были полны больших событий и перемен. Для судеб народной песни непосредственное значение имели особенно преобразования в экономике, быту и культуре станиц Терека. Традиционная песня занимает свое заметное место в культурной, художественной жизни станиц. На страницах настоящего сборника читатель встретит имена певцов, которые стали впервые известны благодаря экспедиции 1945 года. Увы, многих хранителей казачьей песни, с которыми мы когда-то познакомились и подружились, уже нет в живых. Но появились новые имена, и можно сказать, что преемственность в сохранении песни продолжается. Ю. Г. Агаджанов прав, когда пишет, что казачьей песне уготована долгая жизнь.

В связи с изданием настоящей книги требует своего разъяснения понятие «областной сборник». Иногда допускают ошибку, подходя к понятию «областной фольклор» по аналогии с «областной литературой». Считается, что есть литература общерусская, национальная, представленная именами Пушкина, Толстого, Достоевского и других классиков, а рядом с ней существует литература, более или менее ограниченная территориально и тематически и представленная именами второстепенных писателей, живших вдали от столиц. Если и в части литературы такое разделение может быть оспорено, то в части фольклора оно вообще не выдерживает критики. Любое произведение фольклора — сказка, песня, былина — живет в конкретных местных, «областных» формах. Например, классические былины, составляющие гордость русского национального искусства, представлены главным образом северорусскими вариантами. Говорить о них как об общерусских можно и нужно в том смысле, что они в наиболее полной и совершенной форме дают тип русского народного героического эпоса. О многих народных песнях можно говорить как общерусских, поскольку они распространены повсеместно, их знают в самых различных областях. Но при этом в каждой области они живут в своих местных вариантах, имеют свою поэтическую и музыкальную специфику. Фольклор есть сложное диалектическое единство общенационального и местного. Областные варианты, областные стили, традиции — это специфическая форма выражения общенационального в фольклоре. Кроме того, существуют действительно местные песни, которые по разным причинам не получают более широкого распространения. Было бы, вероятно, не вполне верно сравнивать отношения в фольклоре с отношениями в языке, где существуют диалекты и

национальный язык. Фольклор как национальное явление немыслим вне областных, местных форм.

Вопрос о специфике областного фольклора поэтому весьма интересен, но и чрезвычайно труден. Это в полной мере относится к песенному фольклору Терека. Перед нами — большое количество терских вариантов «общерусских» песен. Обладают ли эти варианты устойчивым набором отличий — поэтических и музыкальных, о которых можно говорить как о специфически терских или, скажем шире, специфически казачьих? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо провести серию сравнительных исследований, но для этого не всегда находится достаточно материала: ведь многие песни записаны всего в нескольких вариантах, причем записи относятся к разному времени, они разного качества и т. д. К тому же здесь нельзя ограничиться лишь собственно поэтической стороной, обязательно нужен музыковедческий анализ.

В силу указанных трудностей приходится ограничиваться, с одной стороны, наблюдениями, относящимися к отдельным песням, а с другой — некоторыми общими соображениями относительно репертуара, особенностей бытования и т. п.

Не вызывает сомнения, что песенный фольклор Терека в целом несет на себе сильнейший отпечаток традиционного, складывавшегося многими десятилетиями, во многом своеобразного казачьего образа жизни — способов хозяйствования, бытовых основ, социальных и семейных взаимоотношений, общего характера культуры. При этом не следует забывать, что традиционный казачий быт — это специфическая вариация традиционного русского крестьянского быта. Терское казачество — это русское крестьянство, силою обстоятельств попавшее в особые исторические условия, в особое окружение. Казаки трансформировали многие черты крестьянской жизни, внесли в нее немало своего, но многое и сохранили. Поэтому естественно изучать казачий фольклор как глубоко своеобразную часть русского крестьянского фольклора.

В нашей науке давно обсуждается вопрос об отношении терского казачьего фольклора к фольклору других групп казачества. Нетрудно увидеть здесь много общего в репертуаре, в жанровом и сюжетном составе, в тематике и в системе образов. Единство (в известных границах) казачьего фольклора есть в первую очередь выражение единства исторических условий и особенностей жизни казачества. Нет оснований искать истоки общности в некоем едином корне. До сих пор можно встретиться с «донской» теорией происхождения русского казачества и русского казачьего фольклора. Между тем, хотя донское казачество — самое многочисленное и мощное и одно из самых старых, все же нельзя другие группы непосредственно выводить с Дона: этому противоречат данные истории, этнографии, диалектологии и фольклористики.

Терский фольклор следует рассматривать как специфически самостоятельное образование, и истоки его надо искать не на Дону, а в тех районах южной или средней России, откуда пришли первые обитатели гребней. В этом смысле терский фольклор равноценен донскому или уральскому. Одна из научных задач заключается в том, чтобы объективно выявить специфику песенной культуры каждой казачьей группы.

Своеобразие самого терского казачества — в его исторической и этнической неоднородности, что наглядно и ощутимо проявляется в фольклоре. Ю. Г. Агаджанову удалось убедительно сказать о различиях между песенным фольклором гребенцов и сунженцев, вызванных различиями в их исторических судьбах. Разумеется, надо еще много поработать, чтобы выявить систему различий, как, впрочем, и установить характер общности.

Специального внимания заслуживает чрезвычайно важный вопрос — о взаимодействии в области фольклора казаков и горцев. О том, что казаки, живя в непосредственном соседстве и постоянно общаясь с народностями Северного Кавказа, восприняли от них немало в хозяйстве, быту, культуре, уже писалось. К сожалению, проблема эта не получила того освещения, какого она заслуживает. На страницах повести «Казаки» Л. Н. Толстой не только первый в нашей литературе показал многочисленные бытовые связи, существовавшие между казаками и горцами, но и первый сказал во весь голос о внутренней духовной близости, связывавшей их. Вопреки насаждавшейся свыше вражде, вопреки всему тому, что несла многолетняя война, казаков и горцев объединяло главное — то, что они жили и трудились на одной земле, в одних и тех же условиях.

Нашим этнографам, фольклористам, музыковедам, этнохореографам предстоит конкретно показать, какие черты кавказской горской культуры вобрало и как трансформировало терское казачество и что в свою очередь дало оно народам Кавказа. В этом взаимодействии и взаимообогащении культур — большой смысл, проявление межэтнических связей, которые в новых исторических условиях приобретают характер прочной дружбы.

Исследованиями последних десятилетий достаточно отчетливо, хотя, разумеется, и не полностью, выявлена связь песенного фольклора Терека с политической историей, с событиями, которые имели свое влияние на судьбу этого края. Установлено, в частности, какое большое место в казачьем фольклоре занимала историческая тема, особенно военно-историческая. Настоящий сборник вновь подтверждает это. Значительно слабее изучены связи народной песни с повседневным «мирным» станичным бытом, с трудовой жизнью, с обрядами и обычаями казаков. Новые материалы, представленные и описанные в сборнике, поэтому особенно интересны. Это относится к колядкам, к песням семицким, сва-

дебным. Можно пожелать, чтобы в ближайшие годы этнографические аспекты фольклористических исследований получили дальнейшее развитие. Надо иметь в виду, что фольклор, особенно фольклор песенный, возникает, живет, функционирует в реальном бытовом окружении и сам является элементом быта. Вне бытовых связей и отношений он не существует и не может быть понят. С течением времени меняется характер бытовых связей, ослабевает непосредственная функциональность песен, бытование их становится более свободным, оно менее подчинено каким-то нормам, однако сами бытовые связи остаются и во многом обусловливают систему фольклора. Поэтому изучение этнографических основ народной поэзии есть одновременно способ познания ее эстетической сущности, ее народного содержания.

Таковы некоторые научные проблемы, подсказываемые современным состоянием изучения казачьего терского фольклора и приобретающие свою актуальность в связи с появлением нового сборника. Надо надеяться, выход его будет способствовать оживлению исследовательской работы и даст материал для многих интересных тем.

Но — независимо от этих научных аспектов — книга знакомит широкого читателя с казачьими песнями, которые давно не издавались, а некоторые из них впервые появляются в печати. Встреча с настоящей народной поэзией всегда приносит истинную радость, потому что это — встреча с искусством большой правды, искренности и сильного чувства.

Б. Н. ПУТИЛОВ.
Ленинград.

ПЕСНИ ГРЕБЕНСКИХ И СУНЖЕНСКИХ КАЗАКОВ

I

Настоящий сборник является результатом многолетней собирательской работы автора, плодом длительных наблюдений за жизнью фольклора в естественных условиях терских станиц. Тщательному обследованию подверглись два притеречных района: Шелковской, в котором со стародавних времен (ни много ни мало — вот уже более 400 лет) проживают гребенские казаки, и Сунженский, основанный и заселенный полтораста лет назад, в самом начале кавказской кампании.

Выбор пал на эти два района Терека не случайно. Гребенское казачество особенно славится на Тереке большой песенной культурой, оно и «старше» других групп притеречного казачества — собственного терского, кизлярского, сунженского и др. Отсюда и вполне естественный повышенный интерес к песенному репертуару гребенских станиц. Сунженское же казачество, напротив, самое «молодое» по сравнению с другими группами. Собирая фольклор в этих двух районах, мы ставили задачу — сравнить, сопоставить их песенный репертуар с тем, чтобы определить общее и особенное, отличительное. О своих выводах по этому вопросу мы еще скажем ниже.

Обследование фольклора проводилось экспедиционным способом. Сплошная запись была произведена в станицах Старый Щедрин, Гребенская, Старогладковская, Червленная, Шелковская, Орджоникидзевская, Троицкая, Серноводская, Ассиновская и Карабулакская. Кроме того, были проведены экспедиционные разведки в станицы соседних районов — Кизлярского и Наурского.

Собирая песни, подолгу работая в станицах, мы воочию убеждались в глубокой заинтересованности местного населения в нашем деле. Всюду мы встречали радушие и гостеприимство. Как и у всякого фольклориста-собирателя, у меня было много добровольных помощников, самоотверженности и бескорыстию которых не раз приходилось удивляться.

В связи с этим хочется выразить глубокую признательность учащимся средней школы станицы Орджоникидзевской (бывшая Слепцовская) П. Рогаль и Л. Шамардиной, пенсионеру из той же станицы И. Н. Леонидову, учительнице из Старого Щедрина Т. Лисовской, пенсионеру из станицы Троицкой А. И. Чеботаеву, студентам Чечено-Ингушского государственного университета М. Арсемикову, Е. Глотовой, Г. Камбаровой и многим другим. Благодаря их участию нам удалось собрать практически весь песенный репертуар, бытующий нынче в двух крупнейших районах Терека.

Своевременность издания настоящего сборника определяется следующим:

1. Дореволюционные публикации терских казачьих песен, выполненные не всегда на достаточно профессиональном и научном уровне, разбросаны в многочисленных изданиях и практически недоступны широкому кругу читателей.

2. Сборники Б. Н. Путилова («Песни гребенских казаков». Грозный, 1946; «Исторические песни на Тереке». Грозный, 1948), являющиеся, в сущности, единственными антологиями терской казачьей песни, представляют и ныне для научной общественности огромный интерес. Но с момента фольклорных экспедиций Б. Н. Путилова прошло четверть века. Многое изменилось с тех пор в станицах. Претерпел определенные изменения и сам песенный репертуар станиц. Одни части фольклорного репертуара отмерли, другие претерпели различные изменения, возникли и новые произведения. В современных условиях фольклор живет и развивается как составной элемент социалистической культуры в целом, испытывая на себе воздействия не только новых фактов самой действительности, но и других разнообразных форм искусства советского народа. Поэтому мы стремились не только дать представление о современном состоянии традиционного поэтического фольклора на Тереке, но и, сопоставив его с ранее опубликованными материалами, выявить тенденции в его бытовании и развитии.

3. Впервые предпринимается попытка опубликовать советский фольклор Терека.

При построении сборника мы исходили из общепринятого принципа жанровой классификации и расположили материал в следующем порядке: I — обрядовая поэзия; II — былины и древние эпические песни; III — исторические песни; IV — лирические песни; V — песни советского времени.

Кроме основного отдела, в котором публикуются записанные нами тексты песен, сборник включает два приложения. В первом приложении даются былины и исторические песни, ранее бытовавшие на Тереке. Во втором — публикуются нотные записи нескольких популярных казачьих песен.

При подготовке сборника к печати мы сочли целесообразным отказаться от фонетически точной записи текстов, записи в транскрипции, ибо это только затруднило бы чтение и понимание их. В публикуемых текстах сохраняются диалектные особенности лексики («сламная», «ромно», «теперича», «испужалася» и т. п.), своеобразные падежные окончания, местные глагольные формы, синтаксические особенности. Все необычные ударения, расходящиеся с произношением в литературной речи, отмечены в тексте.

В примечаниях дается полная и точная паспортизация, приводятся сведения о певцах. Здесь же мы даем краткое сопоставление наших текстов с известными нам более ранними публикациями.

Настоящее издание осуществлено в соответствии с планом работы Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы.

II

Богат и разнообразен ныне песенный репертуар притеречных станиц, богат этот край талантливыми исполнителями русской народной песни. Песни составляют очень важную, неотъемлемую часть казачьего быта. Она ассоциируется с понятием Родины, с ее прошлым, настоящим, будущим. Песня неразрывно связана с жизнью казака, выражает его думы и чаяния, помогает в труде, сопровождает важнейшие события общественной и личной жизни. Для исполнителей народных песен поэзия и действительность слиты воедино, они как бы составляют две неразрывные стороны их бытия. «Даром-то не складут, — говорит о песне Наталья Георгиевна Бадина — песенница из станицы Старый Щедрин, человек несомненно одаренный и бесконечно влюбленный в народную поэзию. — Ведь поют про жизнь».

Четверть века назад Б. Н. Путилов отмечал, что казакам присуще остроэмоциональное восприятие песни, способность тонко чувствовать ее содержание и связывать его непосредственно с собственным настроением. В правильности этого вывода ученого мы неоднократно убеждались во время наших фольклорных экспедиций. Та же Н. Г. Бадина на нашу просьбу исполнить плач ответила:

— Ищите кого-нибудь сердцем покрепче. А у меня оно не выдержит. — Подумала малость, вздохнула и закончила: — Песней сердце свое загубила.

Песня для станичника — это и строгий судья, осуждающий бесчестие, лицемерие, ханжество и предательство; это и педагог, воспитывающий честность и бескорыстие, мужество и храбрость, любовь и человеческую красоту. Вместе с тем песня — это и добрая и нежная мать, седая, как сама история, которой можно пожаловаться на свою разне-

счастную судьбину, или просто так вот всплакнуть рядом с ней по-бабьи, поведать ей тайну, о которой дотоле никому не говорено. Наконец, песня — это бесхитростная подруженька, с которой можно скоротать вечерок-другой или посудачить о разных разностях.

Двояко отношение исполнителя к песне. Нет сомнения, что он любит ее. Идет он на свидание с ней, как ходят к любимому человеку. Удивительно, но в нашей практике не было случая, чтобы песенник начинал петь неряшливо одетым, в неприбранной комнате. Прежде чем «сдать» песню, исполнитель, как правило, надевал новое платье, наводил порядок в хате, пропускал для храбрости, а может быть, для настроя один-другой стакан великолепного терского чихиря и только после этого начинал петь. Как умеют здесь петь! Трудно передать словами «презренной прозы», какую гамму чувств вызывает, например, песня «По-над лесом лежит шлях-дороженька» в исполнении отца и сына Грицаенко (станица Карабулакская) или, скажем, песня «Ермак с казаками думает о зимовке» в исполнении Н. Варнавского (станица Ассиновская); сколько разных воспоминаний наваливается на тебя, когда слушаешь песни в исполнении четырех сестер Тишковых (станица Карабулакская). Я уж не говорю о таких мастерах, как Н. Г. Бадина, М. К. Павлова, А. Я. Широкова. О них хорошо в свое время сказал Б. Н. Путилов.

Много интересных встреч было у нас, но, пожалуй, истинным откровением явилась встреча с Евдокией Михайловной Ивановой — 102-летней казачкой из станицы Гребенской Шелковского района. Память этой великолепной песенницы вобрала репертуар нескольких столетий. Несмотря на тяжелую судьбу, выпавшую на ее долю, Е. М. Иванова сохранила до сегодняшнего дня исключительный оптимизм, желание поделиться своим песенным творчеством с людьми, убедить их своей песней, что самое большое счастье, которое получает человек, — это жизнь. На наш вопрос, какое место занимает песня в ее собственной судьбе, Евдокия Михайловна, не задумываясь, ответила: «Песней смерть пужаю!»

Эта песенница напела нам более 60 текстов, в том числе две былины. Она очень любит комментировать песню, высказывать свое отношение к ее содержанию.

Вообще у этой древней казачки очень развито чувство юмора. Она постоянно шутит и смеется. «Смерти назло старость свою забавляю», — говорит она, как бы оправдываясь. Речь у нее образная, насыщена множеством пословиц и поговорок. «Вам песню — тресни и есть не проси»,— весело упрекает она нас. Любовь к образной речи присуща и другим исполнителям народных песен. Так, песенница из той же станицы Гребенской А. И. Лиманова, когда мы восторженно отозвались об ее исполнительском мастерстве, заметила: «Всяк песню поет, да не так, как скоморох». А когда речь зашла об осени и хлопотах станичников, она как бы нечаянно обронила: «Пришла осень — на руках носим».

Все названные выше исполнители по натуре — артисты, очень любят петь в любой аудитории. Одно должно быть незыблемым — чтобы слушатель был внимательным и чутким. Если этого нет, песня «не идет», исполнитель нервничает, а зачастую вообще отказывается петь.

Однако нам доводилось встречать исполнителей, которые сами неряшливо обращались с песней: либо опускали зачин, либо обрывали песню на середине, говоря при этом, что песня долгая и ее вовсе не обязательно петь до конца, либо не вполне удачно контаминировали несколько сюжетов в один. Чаще всего это наблюдалось в Сунженском районе. Вообще здесь тексту песен не придают такого значения, как в гребенских станицах. Мотив песни, ее музыкальность выдвигаются у сунженцев на первый план. Песни здесь исполняют, как правило, в три-четыре голоса. В мимике, жестах певцов, в их манере петь отражается безмерная любовь сунженца к народной песне. Иногда песня здесь может заканчиваться совершенно неожиданным припевом, вроде этого:

Нашей песенке конец,
Кто сыграет — молодец!
Рюмочку водицы,
Рюмочку винца.
Одну рюму,
Другу рюму,
Третью — бабу на забаву,
Лет семнадцати,
Годов двадцати,
Замуж отдают,
Отдают молодушку
На чужу сторонушку.

Сольного пения на Сунже не признают. Сколько мы ни просили известных песенников исполнить хотя бы одну-две песни в одиночку, всюду слышали примерно одно и то же: «Разве ж я один сыграю? Да ты добавь мне два-три дисканта, басков, ну альт — тогда другое дело. А один... Нет, один не могу». И когда собиралось 15—20 человек, песня звучала, действительно, бесподобно. Исполнение отличается мелодичным богатством, развитым многоголосием, своеобразной композицией строфы. Отдельные звуки распеваются здесь в целую мелодическую фразу, отчего возникают внутрислоговые распевы, с присущими им словообрывами, повторами, вставками междометий, союзов и частиц. Например:

По-о-над ле-е-е-е-сом ле-жит шлях доро-о-о-о
Ге-е-е-эй, гей да шлях дороженька...

(№ 53)

У сунженцев по неписаным законам существует такое интересное разделение репертуара: исторические и военно-бытовые лирические песни исполняют преимущественно мужчины, а обрядовые, любовные и семейные лирические песни — женщины.

В гребенских же станицах предпочтение отдается сольному исполнению. Впрочем, здесь так же, как и на Сунже, почти в каждой станице есть хоровые коллективы. Но в их составе почти не встретишь песенниц старшего поколения, которые являются основными хранителями традиционного казачьего фольклора.

Главное внимание уделяют гребенцы содержанию, тексту песни. Характерный случай произошел у нас в станице Гребенской. Здесь мы встретились с очень интересным человеком и талантливой исполнительницей А. Т. Кальченко. Записали от нее несколько редких песен, тепло поблагодарили и распрощались с ней. Когда через несколько дней мы вновь оказались в Гребенской, она разыскала нас и взволнованно проговорила: «Вы знаете, в песне о Дорошенко я ведь пропустила целый куплет. Две ночи не спала. Сердце изболелось. Ходила к избачу, просила переслать вам эти строки».

Мотив у гребенцов не играет важной роли. Наиболее выдающиеся мастера выражают свое отношение к мелодии песни тем, что поют зачастую на один и тот же мотив несколько песен.

Есть некоторые различия и в репертуаре этих двух притеречных районов. Прежде всего бросается в глаза тот факт, что репертуар гребенцов гораздо обширнее и однороднее, нежели репертуар сунженцев. По-прежнему ведущее место в нем занимают традиционные песни гребенских казаков. Новых песен гребенцы почти не создают, частушек не поют.

Репертуар сунженских станиц менее однороден. Ядро его, конечно, составляет старинная казачья песня. Но с ней безболезненно сосуществуют жестокий романс, новая песня, созданная здесь в годы Советской власти, частушка, а также песня литературного происхождения.

Эти расхождения, на наш взгляд, объясняются тем, что сунженское казачество как этническая группа сложилось гораздо позднее гребенского из разношерстного в социальном и национальном отношениях люда. В основе складывавшегося здесь песенного фонда лежал не менее разношерстный репертуар, занесенный сюда из разных мест Российской империи. Гребенской же фольклор можно смело отнести генетически к южно-русскому фольклору XV—XVII веков. К моменту создания Сунженской укрепленной линии в гребенских станицах уже сложились богатейшие песенные традиции, успел выкристаллизоваться свой особый фольклорный репертуар, который ревниво сохранялся песенниками.

Однако, несмотря на то, что отдельные казачьи районы Терека отличаются чертами своего быта, культуры и поэзии, они составляют единое целое. Десятилетия жизни в одинаковых условиях, участие в одних событиях, тесные взаимные связи сблизили казаков разных районов. Поэтому можно утверждать, что уже во второй половине XIX века здесь сложилось единое в этническом отношении терское казачество и единый песенный фольклор.

III

Что же собой представляет песенный фольклор Терека в жанровом отношении?

Обрядовая поэзия. Известно, что обрядовая поэзия возникла и развилась на основе трудовой деятельности человека в глубокой древности. Обряды и связанные с ними устно-поэтические произведения призваны были воздействовать на различные силы природы с тем, чтобы содействовать жизненному благополучию крестьянина-земледельца, обеспечить хороший урожай, приплод скота, благополучие в доме и в семейных отношениях. Календарная обрядовая поэзия жила в русском народе на протяжении многих веков. Однако собиратели последних десятилетий не раз отмечали, что календарный обряд, а вместе с ним и календарная обрядовая поэзия исчезли или исчезают из живого бытования. В частности, Б. Н. Путилов отмечал четверть века назад, что длительный процесс отмирания календарной обрядности в терской станице завершился в наши дни. «Естественно, — пишет он, — что и календарная поэзия, слитая с обрядом и замкнутая в его пределах, не имеющая прочных внеобрядовых связей, тоже исчезла» [1].

Результаты наших экспедиций еще раз подтвердили справедливость этого вывода. Нам удалось записать всего лишь несколько песен, связанных с новогодним и семицко-троицким календарными обрядами. Правда, пожилые исполнители говорили нам, что накануне последней войны и в период самой войны в станицах Терека исполнялись некоторые обряды, например святки, масленица и т. д. В период святок наряженная в маскарадные костюмы молодежь ходила по домам и пела колядки. Одну из таких колядок напела нам в станице Старый Щедрин Н. Г. Бадина (см. № 1).

Исполнение колядки сопровождалось разбрасыванием по комнате хозяина зерен пшеницы, ячменя, овса и т. п.

Вторую колядку нам удалось записать в низовьях Терека (селение Раздолье Кизлярского района) со слов Э. Г. Жоховой и А. Е. Лакиенко (см. № 2 в нашем сборнике).

[1] Песни гребенских казаков. Публ. текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, стр. 18.

Старожилы говорят, что хозяева в ответ на исполнение этих песен одаривали колядующих пряниками, пирогами, выпеченными к Новому году, а также орехами, яблоками и т. п.

Уже в последние годы бытования этого обряда в станицах он утратил свой первоначальный обрядовый смысл (в древности новогодние календарные обряды должны были обеспечить хозяйственное благополучие на весь будущий год) и превратился в веселое народное «маскарадное» развлечение. В наши дни даже в таком виде обряд в станицах не бытует.

Наиболее любимым праздником на Тереке, судя по рассказам пожилых станичников, была троица. В этот день казаки украшали свой дом и двор зеленой травой, цветами, а чаще всего свежими дубовыми ветвями. Молодежь в троицын день пускала «кораблики» по Тереку. Девушки рвали цветы, завивали из них венки и бросали в воду, гадая по ним. Потонувший венок означал смерть девушки или разлуку с любимым, плывущий — любовное счастье. Это гаданье сопровождалось песнями (см. № 6).

В настоящее время обряды эти забыты, песни же некоторые еще сохранились в памяти наиболее пожилых исполнителей. На наш вопрос, почему все эти обряды ушли из живого бытования, песенники отвечали, что-де грамотнее народ стал, культурнее, поэтому перестал верить всевозможным гаданиям.

Следует заметить, однако, что на Тереке в наши дни рождаются новые праздники. Так, в станице Старый Щедрин ежегодно после уборки хлебов, фруктов и винограда проводится праздник урожая. Здесь подводят итоги трудового года, чествуют героев труда. Заканчивается праздник массовым гуляньем, песнями и плясками. Несомненно, что за этим праздником, — будущее.

Аналогично складываются судьбы свадебного обряда и свадебной обрядовой поэзии. Возникший в феодальную эпоху на основе традиционного крестьянского быта, старинный свадебный обряд в советскую эпоху, когда весь уклад народной жизни коренным образом изменился, стал быстро распадаться и исчезать во всей своей совокупности. Совершенно чуждой и ненужной стала вся его магическая сторона. Не стало уже жизненной основы и для традиционного горя невесты.

Нам удалось побывать на нескольких станичных свадьбах, и мы имели возможность лишний раз убедиться в правоте Б. Н. Путилова, который в 1946 году писал: «Сейчас уже не может быть и речи о казачьей свадьбе по всем правилам старины. Еще сохраняются некоторые элементы обряда, помнятся кое-какие детали, возможно даже возрождение некоторых, не прочно забытых, моментов свадьбы, но цельный и

стройный обряд навсегда ушел из казачьего быта, а вместе с ним — и поэзия»[1].

Пожалуй, наиболее «живучей» оказалась лишь торжественная, поздравительная функция свадебного обряда. Величальных песен, исполнявшихся, как правило, в период свадебного пира, нам удалось записать больше всего. Да и сам «свадебный пир», как часть свадебного обряда, претерпел наименьшие изменения.

Любопытный случай произошел у нас в Наурском районе. В винсовхозе «Советская Россия» автору предложили быть на свадьбе в качестве дружка-распорядителя. Согласие было дано, но с условием: «разыграть» свадьбу по всем правилам обряда. Договор состоялся, однако из этой затеи ничего не вышло. Участники «представления» не понимали своего «режиссера». Уже в ходе самой свадьбы пришлось отказаться от первоначального замысла. Станичники совершенно забыли содержание и функции каждой части свадебного ритуала. Зато некоторые обрядовые песни, сопровождавшие каждый «акт» свадьбы, они еще помнят. Нам удалось записать несколько песен, исполнявшихся в вечер помолвки, сговора. В одной из них (№ 11) невеста обращается к родному батюшке с просьбой:

Не отдавай меня, батюшка, во чужи люди,
Ой лели, ой лели́, во чужи́ люди.
Не губите моей молодости,
Ой лели, ой лели́, мою молодость,
Не губите мою русую косушку,
Ой лели, ой лели́, мою русую косушку.

В другой песне (№ 10) невеста, спасаясь на улице от дождя, бросается «ко батюшке в сени», но убеждается в том, что здесь «хлеба-соли много, а совету нету». Нет здесь и «ласкова словечка» и «весела сердечка». Сам собой напрашивается вывод, что все это девушка получит в доме жениха.

Записали мы и несколько песен, которые исполнялись на девичнике, в день, когда невеста прощалась со своими подругами и родными. В них девушка очень искренно и эмоционально, с чувством глубокой грусти и сожаления прощается со своей девичьей жизнью (см. № 13):

...Ой как вечерком свашенька приходила,
Нерадостны весточки приносила,
Нерадостны весточки приносила.
Хотят тебя свашеньки замуж дати,
Хотят тебя свашеньки замуж дати,
Хотят твою косоньку расплетати,
Хотят твою косоньку расплетати,
Хотят твою русую раздвоити,
Хотят твою русую разделити.

---

[1] Песни гребенских казаков, стр. 18.

В песнях девичника большое место занимала тема будущей жизни невесты, тема «чужой стороны», чужой семьи (см. № 12, 15, 16). «Чужая сторона» изображается, как правило, в мрачных красках. Например:

Ой чужая сторонушка прискучливая,
Ой горькою горьчицею усеянная.
Ой чужая сторонушка
Без ветру она шумит.
Ой чужой отец с матерью
Без вины они бранят.

Однако, несмотря на то, что невеста на девичнике свободно отдавалась своим грустным настроениям и неприязни к «чужой стороне», все же этот день должен был как-то сближать ее с неотвратимой судьбой, с женихом. Поэтому в песни девичника входил образ жениха как привлекательного доброго молодца. Так, в одной из песен, записанных нами, невеста печалится, что некому ее теперь рано будить. Но:

Отозвался сударь,
Сергей все Васильевич:
— Я ж тебя, я ж тебя, Леночка,
Буду рано будить,
Я ж тебя, я ж тебя, Юрьевна,
Буду рано пробуживать.

(№ 14)

Наибольшее количество свадебных песен, записанных нами, исполнялось раньше (да и теперь, пожалуй) в день свадьбы, во время свадебного пира. В некоторых из них изображается стремление жениха проникнуть в дом невесты, чтобы получить свою «су́женую Марьюшку-красавицу», и желание будущей тещи откупиться (№ 21). В других «величаются» жених и невеста (№ 25), в третьих, веселых, шуточных, песнях высмеиваются «виновники» и организаторы свадьбы — сваты (№ 31) или теща (№ 23).

Таким образом, в наши дни из быта терской станицы свадебный обряд как таковой исчез, но часть свадебной обрядовой поэзии еще бытует здесь, хотя обрядовая функция многих песен забыта исполнителями. Песни эти, постепенно перейдя в состав необрядовой лирики, очевидно, надолго еще останутся в репертуаре исполнителей терских казачьих песен.

Былины. Собиратели гребенского фольклора (Ф. Панкратов, М. Карпинский и др.) в конце XIX века зафиксировали более десяти былинных сюжетов: встреча Ильи Муромца с разбойниками; Малютка Илья Муромец; Илья Муромец на Червленном корабле; Илья Муро-

мец — слуга Амельфы Тимофеевны; Добрыня и Алеша Попович; Добрыня и Маринка; Алешенька — Догрубничек; Ставер-Лавер Тимофеевич; Дюк Степанович; Данилушка Бессчастный; богатыри на часах; женитьба Владимира Всеславича; Иванушка Гордеевич, а также несколько древних эпических песен, находящихся в неопределенных связях с былинами [1].

Через пятьдесят лет экспедиция Б. Н. Путилова записала в гребенских станицах лишь четыре былинных сюжета: о Ставре, Дюке, Илье Муромце и Соколе-корабле. Еще через четверть века нам удалось записать всего две былины: о Малютке Илье Муромце и Ставре. Кроме того, мы записали довольно хорошо сохранившиеся четыре древнейшие эпические песни. Эти былины и три эпические песни записаны в станице Гребенской со слов Е. М. Ивановой, а еще одна древняя эпическая песня записана в станице Старый Щедрин со слов А. Я. Широковой. Таким образом, из 12 былинных сюжетов, бытовавших в гребенских станицах в конце XIX века, сохранилось лишь два. Тенденция к исчезновению налицо. Совершенно очевидно, что в ближайшие годы былина как жанр исчезнет из живого бытования терских станиц.

Из всех наших записей наибольший интерес представляет былина о Малютке Илье Муромце. Прежде всего бросается в глаза не совсем обычный эпитет — «малютка». Откуда появилось это прозвище? Что оно обозначает? Богатырь — и вдруг малютка. Думается, что прозвище это не случайно попало в былину. Эпитет «малютка» свидетельствует о древности образа, о первом появлении богатыря в русском эпосе. В эпоху первобытнообщинного строя в героических песнях появляется богатырь — коло́с, отличающийся необыкновенной силой и размерами. Подобно горам возвышался он на границе своего племени, устрашая врагов своим видом. Но с изменением общественно-экономического строя изменялся и герой эпоса. На смену тяжелому, неповоротливому Святогору приходит новый богатырь, более подвижный и легкий. Перед гигантом Святогором он выглядит до смешного маленьким, малюточкой. Таким «малюткой» и попадает новый богатырь впервые в былину. В одном из сохранившихся древнейших сюжетов рассказывается о встрече Святогора с Ильей Муромцем. Последний рисуется настолько маленьким, что Святогор смог положить его в свой карман. Когда же его конь отказался везти сразу двух богатырей, Святогор посадил Ильюшеньку на ладонь и подивился: «Малютка ты, малюточка!» Так новый богатырь получил прозвище «малютка».

---

[1] Сводку записей и публикаций терской былины и обзор истории ее собирания и изучения см. в статье: Б. Н. Путилов. Русская былина на Тереке (собирание и изучение терской казачьей поэзии, особенно эпической). — Ученые записки Грозненского пединститута. Вып. 3. Грозный, 1947, стр. 5—46.

Записанный нами вариант о Малютке Илье Муромце предстает в разрушенном виде. Сохранился, по существу, зачин ранее бытовавшей довольно интересной былины. В нем повествуется о выезде Ильи Муромца из города Мурома и встрече его с черным вороном. Диалог богатыря с вороном и эпизоды его борьбы с татарами у нас опущены.

Однако, несмотря на разрушенность композиции, художественные особенности былины в нашем варианте сохранились (обилие частиц — «ой», «да»; повторение предлогов — «из того из города из Мурома»; уменьшительно-ласкательные суффиксы — «плеточка», «коник»; постоянные эпитеты — «лютый зверь», «сырой дуб», «черный ворон»; сравнения — «Малютка сидит на коне, ровно сокол на руке»; внутренние рифмы и т. п.).

В былине встречается как повествование от третьего лица, так и монолог.

Итак, образ Малютки Ильи Муромца пришел в казачий песенный репертуар из древнего общерусского эпоса. Отпечаток древности сохранился в нем лучше, чем в северных вариантах, где образ Ильи изменялся с развитием социальных взглядов крестьянства.

Исторические песни. Этот жанр занимает особое место в песенном фольклоре русского народа. Начав складываться еще в эпоху борьбы с татаро-монгольским игом (середина XIII века), он в последующие пять-шесть столетий становится одним из самых популярных жанров. Создается огромное количество исторических песен, ставших гордостью нашей национальной культуры. Песни эти своеобразно освещали важнейшие социально-политические и военные акции Русского централизованного государства, давали оригинальную, народную оценку государственным деятелям и полководцам. Максим Горький по этому поводу писал, что у народа «свое мнение о деятельности Людовика XI, Ивана Грозного, и это мнение резко различно с оценками истории, написанной специалистами, которые не очень интересовались вопросом о том, что именно вносила в жизнь трудового народа борьба монархов с феодалами»[1].

Исторические песни слагались в основном в крестьянской и солдатской среде. Особенно много их бытовало в казачьих районах. И это понятно, ибо казачество, в том числе и терское, не стояло в стороне от военных конфликтов и революционных движений, а принимало в них самое активное участие. События эти глубоко западали в сознание казачества и находили позитивное отражение в его устно-поэтическом творчестве. По приблизительным подсчетам только на Тереке насчитывалось до 150 сюжетов исторических песен.

[1] М. Горький. О литературе. Литературно-критические статьи. М., 1954, стр. 707.

Экспедиции Б. Н. Путилова удалось записать около тридцати номеров этого жанра. Нам — столько же. За двадцать с лишним лет историческая песня на Тереке почти не претерпела никаких изменений. Если раньше интенсивно шел процесс «выветривания» подробностей, отдельных деталей, имен и дат из исторических песен при сохранении сюжетной основы, то теперь песня предстает перед нами как бы в застывшем виде. Многие тексты, записанные нами, чуть ли не дословно повторяют записи многолетней давности. Процесс «выветривания» или сокращения исторических песен до пределов развернутого зачина (что также имело место прежде) в наши дни прекратился. По тому, как популярен этот жанр в терской станице, можно с уверенностью заключить, что сегодняшний репертуар продержится еще очень долго. Это объясняется тем, что в большинстве сохранившихся исторических песен наиболее сильное звучание получила тема мужества, храбрости и отваги, тема патриотизма. Жизненность этих песен объясняется также и тем, что в определенных условиях, при определенных исторических обстоятельствах может происходить переадресовка, то есть переключение содержания песни в план современности.

Исторические песни, возникшие под влиянием восстания Разина, являются самым крупным циклом этого жанра в XVII веке. Ведущее место в них занимает образ народного вождя, руководителя беднейших слоев населения. Если в песнях, отразивших первый этап движения, звучит мечта о зажиточной и привольной жизни, воспевается вольница, то песни второго этапа разинского движения, когда оно превратилось в крестьянскую войну, насыщены социальными мотивами, подчеркивают резкое классовое расслоение казачьего населения, воспевают борьбу голытьбы с воеводами. Некоторые из них наполнены глубокими переживаниями и предчувствиями чего-то трагического и неизбежного. Именно такими являются обе записанные нами песни, отразившие второй этап разинского движения. Песня о сынке Разина является одной из лучших песен цикла. В ней рассказывается о разинском лазутчике, проникшем в Астрахань и выдавшем себя за сына Стеньки Разина. «Сынок» бросает вызов губернатору города и предсказывает скорое появление в Астрахани Степана Разина.

Историки утверждают, что Разин накануне взятия того или иного города засылал туда своих агентов, которые сеяли в народе смуту. Один из таких фактов, очевидно, и нашел отражение в нашей песне.

В художественном отношении все четыре текста отличаются завершенностью сюжета, стройностью композиции, богатством изобразительных средств.

Из песен XVIII—XIX веков, записанных нами, наибольший интерес представляют те из них, которые связаны с войнами. И это не случайно.

С начала XVIII века солдатская историческая песня становится основной в русском историко-песенном фольклоре.

С этого времени Россия превращается в могучую морскую державу. Осуществляется ряд реформ, направленных на создание сильной регулярной армии. Русское государство проводит несколько блестящих военных кампаний. Они-то и нашли отражение в песнях. В солдатских исторических песнях славятся ратные успехи русской армии, в них рассказывается об отваге и мужестве солдат, о полководцах и рядовых воинах.

Освещение в этих песнях боевых героических эпизодов в сочетании с лирическим описанием тяжелой солдатской службы создает в целом реальную картину народной жизни. В художественном отношении исторические песни XVIII—XIX веков отличаются от ранних песен. Наряду с чисто эпическими чертами в них появляются и новые: по размеру песни становятся короче, а их напев приближается к походному, маршевому. Характерной особенностью поэтической формы песен об Отечественной войне 1812 года и русско-турецких войнах является использование отдельных формул, строк и целых эпизодов из ранее сложенных песен. В них больше, чем в предшествующих циклах, выражается тенденция к сближению эпических и лирических жанров.

Особенностью современного казачьего песенного репертуара является то обстоятельство, что из него исчезли ура-патриотические песни, песни казака, вооруженного нагайкой, послушно действующего по воле царского правительства. Ушли из живого бытования и песни о завоевании Кавказа.

Лирические песни. Основу современного терского фольклора, как и прежде, составляет лирическая поэзия. В репертуаре сегодняшней станицы сотни и сотни самых разнообразных в идейно-тематическом, поэтическом и музыкальном отношениях лирических песен. Они связаны крепкими нитями с повседневной жизнью станичников, помогают им в труде, незаменимы при отдыхе. Праздничные гулянья, семейные события и встречи, вечеринки молодежи, любой кратковременный досуг — все это сопровождается в народе самыми различными песнями: хороводными, плясовыми, протяжными, грустными, веселыми — в зависимости от потребностей, настроения, характера труда и отдыха.

Народные лирические песни разнообразны по тематике и изображению в них человеческих переживаний. По идейному содержанию традиционная лирика делится на два основных цикла: песни бытовые и песни с социальной тематикой. Внутри этих тематических циклов в свою очередь существует много подразделений. Из песен социально-исторического содержания на Тереке наибольшую популярность и распространение получила военно-бытовая лирическая песня. Это объясняется тем, что терское казачество, являясь форпостом России на юге страны, вы-

нуждено было на протяжении трех столетий участвовать в бесчисленном количестве больших и малых локальных войн. Война вошла в жизнь и быт казака, она во многом определила общественные, семейные и хозяйственные отношения в станичном укладе. Преломившись через призму семейно-бытовых и интимно-сердечных отношений, она нашла позитивное отражение в устно-поэтическом творчестве терского казачества.

В военно-бытовых лирических песнях воссозданы реалистические картины борьбы России с внешними врагами в различные исторические эпохи: войны XVIII века, Отечественная война 1812 года, турецкая война 1877 года, русско-японская и первая империалистическая войны. Созданные в связи с этими историческими событиями песни выразили патриотизм народа, его отрицательное отношение к врагам русской земли.

Преддверием к солдатской жизни в песнях было художественное описание рекрутства, а применительно к казачеству — призыва на военную службу. Записанные нами «провожальные» песни проникнуты глубокой грустью и горькими предчувствиями. В них нашло отражение прощание казака с родителями (№ 49), женой (№ 48). Призыв на царскую службу сплошь и рядом воспринимается как большое несчастье, так как семья лишалась кормильца на многие годы, а может быть, и навсегда, невеста лишалась дружка милого, товарищ — товарища. Вот почему горе и слезы сопутствуют проводам:

— Ой да миленькай мой, возлюбленнай ты мой,
Слышала я про твое несчастье,
Да будто ты идешь да на службицу дальну.
Да миленькай ты мой, возьми меня с собой,
Да назови меня сестрицею родной...

Значительную группу составляют песни о самой службе: о походах, учениях, сражениях. В них реалистически изображаются военные будни (№ 53, 54), тоска казака по родному краю, жене, матери или невесте (№ 55, 57), сами военные операции (№ 58). Темой многих военно-бытовых лирических песен является горькое одиночество казака на чужой стороне:

Сторона ты моя, вот моя сторонушка,
Сторона моя чужая, все чужая.
Я не сам-то зашел на тебя, сторонушка,
Не сам я зашел, заехал.
Занесла-то меня, раздоброго молодца,
Занесла меня неволя, все неволя...

(№ 55)

Не менее проникновенно в военно-бытовых песнях изображаются страдания казаков в изнурительных походах и их гибель в чужедальней стороне:

Как на горе жито,
Под горою быто,
Под белою под березой
Казачок убитый.
У этого казаченьки
Нет отца, ни матери,
Некому по нем жалковати,
Головку связати...

(№ 65)

Изображая смерть казака, народ вносил в песни поэтические символы: над умирающим воином кружит орел, а у ног его стоит добрый конь. Смертельно раненный казак отдает последние наказы родным, извещая их о смерти, как о новой «женитьбе» в чистом поле.

В казачьей среде создавались и песни о возвращении воина домой. Нам удалось записать два таких сюжета (№ 66, 67). В одной из этих песен изображается томительное ожидание молодой казачкой возлюбленного («Ты верба моя, верба»), в другой — на вопрос сестры «Какова тебе, братец, служба зимовая» только что возвратившийся с войны молодой казак отвечает:

— Зимовая служба — коню корма нету,
А мне, молодцу, кручина.
А весновая служба — коню корма много,
А мне, молодцу, веселье.

Из песен бытового цикла наибольшим распространением и популярностью пользуются любовные песни. В них во всем многообразии отразилась свободная и счастливая пора жизни станичной молодежи, связанная с весельем, гуляньем, мечтами, еще не омраченными «домостроевским» укладом жизни в патриархальной семье. Вместе с тем в песнях этих звучит и иная тема, тема разлуки, измены и смерти. В последних любовь изображается трагично. Она сопряжена с сомнениями и отчаянием, вызванными разлукой с любимым человеком. Причиной разлуки, как правило, бывает либо военная служба, либо измена. Безответная любовь, разрыв с любимым вызывают в девушке мысль о самоубийстве. В терских казачьих песнях тема любви и тема смерти звучат рядом.

Иногда грустная тема разрешается в шутливом тоне, неудовлетворенность любовного чувства осмысливается в юмористическом плане.

Продолжением темы личной судьбы девушки и молодца в необрядовой народной лирике являются семейные песни, главными действующими лицами которых выступают муж и жена. Среди них преобладают песни грустные, песни, в которых супруг или супруга сетуют на свою горькую, разнесчастную судьбину. Девушка, привыкшая к родительской ласке, попадает в чужую большую семью, чувствует себя одиноко, постоянно грустит о родном доме. Молодая женщина изображается «пташкой в клетке», которая «сизы крылушки приронила», «острый носик притупила». Она постоянно вспоминает о былом житье-бытье, о вольной волюшке. Прежняя счастливая жизнь сопоставляется с горькой, несчастной жизнью в клетке. Пташка оплакивает свой «голосочек соловейный», который она потеряла, «по чужим садам летаючи, горьку ягоду клюючи» (№ 98, 99).

Но суровая чужая семья — еще не самое тяжелое несчастье. Самое большое несчастье — это разлад между супругами. Особенно остро переживается возрастное неравенство. Во многих песнях девушка хочет иметь себе «ровню», тогда как родители по материальным или иным каким-либо соображениям выдают ее за старого, постылого человека. И она по-своему протестует, имея тайную любовь с «разудалым добрым молодцем» — молоденьким казачком.

Тема семейной жизни изображается иногда и в иронически-шутливом плане. В нашем сборнике такими являются № 142, 143 и др. В них нет сложной драматической напряженности, а есть комические ситуации, которые должны были возбуждать и возбуждали здоровое веселье, смех, жизнерадостное настроение.

К семейным песням шутливого характера по тематике примыкают народные шуточные и плясовые песни. В них ярко выражен народный оптимизм. Они вносили в народную жизнь освежающую струю бодрости и воодушевления. Нами записано несколько таких песен (№ 145, 148).

Вообще песен о несчастливой семейной жизни много в репертуаре терских станиц, но ни одной не удалось записать о счастливой, радостной и беззаботной семейной жизни в прошлом. Из этого вовсе не следует, что браки в казачьей среде всегда бывали несчастливы. Просто счастливый брак, по-видимому, в песнях не поэтизировался, о нем не пели или пели очень редко.

Особое место в народной лирике занимают песни-баллады. Их тематика совпадает с песнями бытового содержания, но для них характерен развитый сюжет и ярко выраженная повествовательность. Терские народные песни-баллады самобытны и оригинальны по содержанию и стилю. Чаще всего в них разрабатывается любовная тематика. Наиболее распространенные коллизии: поручик (либо офицерик) пытается за деньги купить любовь девушки, но получает отказ (№ 77); «парень-па-

ренечек», встретив «красну девицу» в орешничке, предлагает ей дорогой подарок за любовь и добивается своего, но когда узнает, что она сожалеет о случившемся, бросает ее во Дунай-реку (№ 113); девчоночка пускает к себе в комнату милого дружка, ласкает его, а когда он уходит, пытается скрыть его визит от служанки (№ 147).

Семейная тематика в балладах представлена двумя песнями о вдовушках (№ 119, 120).

Сюжеты некоторых баллад, записанных нами, восходят к глубокой древности: о девушке и Александре Македонском (№ 106) и о похищении казаком девушки с Дона к себе на Кавказ (№ 107), а также баллада о разбессчастном добром молодце (№ 108).

Несколько баллад посвящено военно-бытовой тематике. Они пользуются наибольшей популярностью в станице и, по всей видимости, долго еще продержатся в здешнем репертуаре. Среди них выделяются такие сюжеты: возвратившись из похода и узнав, что любимая девушка не сдержала своего слова и «другому счастье отдала», молодой казак «свернул коня направо», поскакал в чистое поле и «сам себе голову срубил» (№ 111) и др.

К балладам можно отнести и многочисленные фольклорные переделки литературных произведений.

В целом же баллада как жанр предстает в терском песенном фольклоре в достаточно разрушенном виде. Эпическая часть в них настолько сокращена, что порой трудно проследить за развитием сюжета. Наряду с этим происходит дальнейшее насыщение их лирическими элементами. Все это дает основание причислять терскую балладу в том виде, в каком она предстает сегодня перед нами, к жанру традиционной необрядовой лирики. Сами исполнители относят все записанные нами баллады к лирическим песням.

Помимо перечисленных выше тематических циклов, терская казачья лирическая песня разработала и сохранила много других мотивов. Наиболее мощное звучание среди них получила так называемая пейзажная лирика. Любовное описание «буйного Терека» (№ 122), «матушки-Волги» (№ 123), «долины-долинушки» (№ 121), «гор Кавказских» (№ 128) да «ивушки зеленой» (№ 124) не случайно. Этими песнями народ выражал свою безграничную любовь к родной природе, к Родине вообще. Некоторые из них возникли в процессе «самоопределения» зачинов, которыми так славится терская казачья песня.

К песням о природе примыкает лиро-драматический цикл, то есть хороводные песни. Таких песен на Тереке бытует много, и поют их с большим удовольствием.

Незначительную, но довольно интересную группу представляют песни-размышления, песни, в которых автор — народ, этот непревзойденный мудрец и философ, — задумывается о смысле жизни, предается

мечтам и воспоминаниям, грустит по поводу несбывшихся надежд (№ 135, 136, 137). Песни эти наполнены особым лиризмом и исполняются очень эмоционально.

Представлена в терском песенном репертуаре и «тюремная» тематика. Здесь на первый план выдвигается тоска узника по свободе и родным. Он обращается к «славному, вспышному, быстрому Тереку» с просьбой разрушить скалы и унести его с собой, к часовому — отпустить его на время домой, повидать жену и детей. Но молчит Терек, боится «ботяга» часовой, и вынужден горемыка доживать свой горький век в каменном мешке.

Сохранилось в песенном репертуаре терских станиц и множество других мотивов, которые трудно объединить в какие-либо циклы. Они существуют сами по себе, не сливаясь с известными нам темами, но и не создавая новых сколько-нибудь законченных тематических схем. Поскольку в художественном отношении они представляют определенный интерес и еще бытуют в станицах, мы включили их в настоящий сборник (№ 129, 132 и др.).

* * *

Несмотря на многочисленность и разнохарактерность циклов и тем, традиционная лирика представляет собой единый песенный слой, сформировавшийся еще в эпоху феодализма. Как особый фольклорный жанр его цементирует общность народной жизни, проявлявшаяся в одинаковых условиях труда, быта, социальных отношений, идеологии. Различные песенные группы традиционной лирики объединяет также их поэтический стиль, очень устойчивый и детально разработанный.

Жизненные явления, человеческие чувства и переживания изображаются правдоподобно и типизированно. Приемы реалистической типизации особенно наглядны в изображении лирических героев и места действия. Герои терских лирических песен немногочисленны: «красная девица», «разудалый, бравый молодец», «казак», «вдовушка». Они выражали общенародный взгляд и оценку типовых жизненных ситуаций, общенародный идеал. Традиционны в лирических песнях и места действия героев — «зеленый садочек», «тропинка звериная», «долина-долинушка», «поле чистое», «ущельюшки глубокие», «лесочек» и т. д. Они не являлись слепком с натуры, точной зарисовкой жизни, а выполняли в песнях эмоционально-психологические функции.

В композицию терских лирических песен широко вводились образы из мира природы, которые служили средством раскрытия человеческих переживаний. Одним из таких композиционных приемов является параллелизм. Примером положительного одночленного параллелизма может служить зачин песни № 79):

Светит месяц, светит ясный,
Да стал месяц померкать.
Да-й-ой любил парень да он девчоночку,
Да стал парень девку спокидать...

В терских народных песнях довольно часто встречается и отрицательный параллелизм. Например:

Не сосёнушка стоит над водою,
Да й над матушкой над быстрой рекою,
Не со света горит — вода подмывает.
На верхушечке сосны всё пчелочки вьются,
А в мальчишечки всё кудерцы вьются,
А в девчоночки всё слезочки льются...

(№ 95)

или:

Не орел под облаками
Высоко летает,
Там стандарт над казаками
Гордо, гордо развевает...

(№ 56)

Большое распространение получила в поэтическом творчестве терского казачества песенная символика. Наиболее распространенными символами для молодой девушки или невесты были «голубка», «яблонька», «грушенька», «ивушка»; для молодого казака — «сокол», «сизокрылый орел», «сизый голубь»; для жениха с невестой — «голубь с голубкой», «виноград с ягодкой» и т. д. Символами молодости, счастья, радости выступают «зеленый сад», «зеленая роща», цветы; символами горечи и печали — «засохший сад», «бел-горюч камень»; смерти и безысходного горя — «черный ворон», «ракитов куст» и др.

Огромную роль в терских казачьих песнях играли эпитеты, которые отличаются особой меткостью, поэтичностью и постоянством. Эпитеты в песнях являются средством характеристики героев («красна девица», «разудалый, бравый молодец», «сердечный друг»), их красоты («русы кудри», «ясны очи»), душевных переживаний («ретивое сердечушко», «горючая слеза»), различных явлений природы («сады зеленые», «трава шелковая», «зоренька ясная», «люты морозы», «красно солнце») и др. Бесподобны по своей поэтичности двойные названия в терских песнях — «травушка-муравушка, «бел-горюч камень» и т. п. В наших песнях довольно часта инверсия: «снега глубокие», «долюшка моя», «речка быстрая».

Наряду с эпитетами типическим средством поэтической выразительности в лирических песнях были уменьшительные и ласкательные суффиксы — «травушка», «девонюшка», «реченька», «ущельюшки» и др.

Большое значение для стиля лирических песен имели и различные другие поэтические средства: повторения в обращениях («Зазноба, зазнобушка, зазноба моя»), повторения целых строк, частицы и междометия. Повторения в обращениях сразу выделяли основной образ, заостряли на нем внимание. Повторение целых строк придавало песням особую музыкальность, способствовало их запоминанию. Поэтической особенностью лирических песен являются припевы.

Особенности художественного стиля традиционных лирических песен свидетельствуют о его самобытности и огромных поэтических богатствах.

IV

Великая Октябрьская социалистическая революция всколыхнула широкие слои терского населения, усилила потребность непосредственного выражения настроений, чувств, мыслей трудящегося люда. Поэтому в годы революции и гражданской войны устное народное творчество поднялось на новую ступень. Повсеместно в станицах создаются революционные хоры, которые исполняли не только традиционные казачьи песни, но и гимны революционного подполья, а также новые песни, рожденные в ходе классовых боев.

Тяга к поэтическому слову в годы революции и гражданской войны была необычайно велика в нашем песенном крае. Писали стихи, сочиняли песни, которые тут же, во время небольших передышек между боями, исполнялись в гуще казаков. Все они проникнуты высоким гражданским духом. Отображение суровой действительности сочетается в них с показом высокого морального духа борцов революции, их пламенной веры в победу правого дела. Все это придавало песням тех лет мобилизующую силу. Мощным голосом утверждая Великий Октябрь и пропагандируя революционные идеи, неслись эти величественные песни свободы от станицы к станице, набатом отдавались в глухих горных аулах. Они открывали перед трудящимися широкие социальные перспективы, помогали раскрыть смысл и цели борьбы за лучшее будущее человечества. Эти песни в очень доступной форме доносили до самых широких слоев обездоленного и угнетенного народа идеи марксизма-ленинизма, будили их классовое самосознание, убеждали в необходимости революционной борьбы. Популярная боевая песня, передававшаяся из уст в уста, сближалась с агитационными листовками, обобщала насущные политические задачи, конкретизировала их и направляла ход революционной борьбы.

Одним из характерных произведений устного поэтического творчества этого периода является песня «Не кукушечка в поле куковала» (№ 158). Вся центральная ее часть выдержана в духе революционных гимнов и маршей. Здесь звучит лейтмотив: не ради завоеваний вступают в бой казаки, а ради спасения революции, спасения Родины — советской Отчизны:

Ты прости, прости, станица,
Детвора и старики,
Враг пришел — с ним насмерть биться
За Советы будут казаки.

Ключом к пониманию характера народного патриотизма периода гражданской войны являются слова В. И. Ленина, обращенные им в марте 1918 года к народу: «Мы оборонцы с 25 октября 1917 г. Мы за «защиту отечества», но та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм, как отечество, за Советскую республику, как *отряд* всемирной армии социализма»[1].

В финале приведенной песни подчеркивается братская солидарность трудящихся, противостоящих классу эксплуататоров:

Мы чужой земли не тронем,
Но пускай запомнит враг:
Порох сух в любом патроне,
Шашка гибкая востра.
К скачке, к рубке мы привычны,
С вихрем спорит конь гнедой.
На знаменах на станичных
Серп и Молот со звездой.

Всем своим содержанием песня утверждает единство борьбы рабочего класса и беднейших слоев казачества, показывая руководящую роль пролетариата в этой борьбе.

Ведущие идеи песен гражданской войны хорошо прослеживаются в песне «Делла» (№ 157), записанной в станице Орджоникидзевской. В начале песни повествуется о мрачном прошлом трудового казачества:

Долго мутили нас атаманы
Вольностью темной и славой обманной.

Но вот приходит прозрение, приходит не само собой, а благодаря русскому рабочему:

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 36, стр. 82.

Русский рабочий дал нам понятье,
Где наша вольность и доблести счастье.

И в песне страстно звучит мысль о непримиримости классовых интересов, ненависть к гнету и порабощению:

Гей, атаманы, белое знамя,
Горе вам, если вы встретитесь с нами!

В песенном творчестве этой поры появляется образ красного командира, неразрывно связанного с трудящимися массами, понятного им и близкого. Такими песенными героями на Тереке и Сунже были К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, Н. Гикало, А. Шерипов. Преданность революционному долгу, личное мужество и удаль, отвага и решительность — вот те качества, которыми отмечены в песенном творчестве любимые народные герои (№ 159, 160, 162).

Песенный репертуар станиц в 20—30-х годах пополнился целым рядом новых песен. В тематическом отношении их можно разбить на три цикла. К первому циклу относятся песни, в которых осмысливаются героические события недавнего прошлого — революции и гражданской войны. Многие песни так и начинаются с воспоминания о тех легендарных годах:

Вспомним, терцы, как бывало
Мы в поход ходили,
Генералов белой банды
Били и рубили.

Ко второй группе относятся песни, в которых трудящееся казачество со всей определенностью выражает свое отношение к колхозному движению, к политике партии в деревне. В одной из песен («Под горами тучи вьются») на вопрос Семена Буденного «Как живете, казаки?» терцы отвечают:

Эх, братцы, хорошо теперь живем!
Наши хаты и амбары
Переполнены зерном.
Сыты ходят наши кони
Эх, братцы, по колхозным по полям,
Если надо — в бой готовы,
Лишь махни рукою нам.

Колхозная жизнь рождает новые отношения между людьми, воспитывает уважение к труду, общественной собственности, преданность социалистическому Отечеству. Советская песня Терека и Сунжи воспевает радостную и счастливую, свободную и зажиточную колхозную жизнь,

славит лучших людей колхозных полей, поет о любви, дружбе и многом другом. Гордостью за победу колхозного строя, горячей любовью к Советской стране проникнута песня «Казачья колхозная»:

Гей ты радость колхозная наша,
Наша слава казачья и честь,
Нет на свете республики краше,
У которой сокровищ не счесть!

(№ 164)

С особой любовью исполняли и исполняют теперь песенники «Колхозный марш», созданный в годы коллективизации. В этой песне советские казаки выражают чувства огромной благодарности партии за радость и достаток, которые входят в каждый дом:

Растет страна стальных Советов,
Жить стало вольно и легко.
Вниманьем партии согрета
Семья колхозных казаков.
Дома на месте ветхих хаток,
Обилье хлеба по дворам.
За волю, радость и достаток
Родимой партии — ура!

(№ 163)

В песнях 30-х годов, постепенно усиливаясь, начинает звучать и третья тема — «Если завтра война...» Богатство и счастье не пришли сами собой. Их дала казакам Советская власть и колхозный строй. Поэтому, если понадобится, казаки защитят свои завоевания. И в песне они уверенно заявляют:

Если буря зловещая грянет
И поля задымятся вдали,
Все казаки колхозные встанут
На защиту советской земли.

Народ хорошо понимал, что большой войны вряд ли избежать, что враг рано или поздно может обрушить на Отчизну «потоки огня» и что надо держать порох сухим. Поэтому в своих песнях он призывает к бдительности и готовности в любую минуту выступить на защиту Родины. Эти песни имели огромное мобилизующее значение. Они готовили психологически и морально наш народ к тяжелым испытаниям, которые обрушились на него в скором будущем.

Следует отметить, что думы и чаяния терских казаков, нашедшие отражение в их песенном творчестве 20—30-х годов, не носили локального характера. Этими же идеями проникнуто творчество казачества Дона и Кубани, эти же проблемы волновали всех советских людей.

Песни, сложенные в годы войны, выражали глубокие чувства и мысли казаков, охватившие их в дни Великой Отечественной войны. Здесь и беспредельная любовь казака к своему краю, и всепобеждающая вера в свои силы, в правоту своего дела и в скорую победу. Они пронизаны жизнеутверждающим пафосом. В них — спокойная уверенность в победе, казачий задор, лихость, храбрость и отвага.

В идейном и морально-психологическом плане казачий фольклор периода Великой Отечественной войны существенным образом отличается от фольклора дореволюционного. Казачьи песни XVIII—XIX веков о войнах полны тоски, жалоб на одиночество, сознания бессмысленности и неоправданности жертв. Герой же песен периода войны с фашизмом воплощает начало активное, творческое. Это явилось отражением иного положения народных масс в обществе.

Лиризмом и обостренным чувством Родины отличается песня «Привет», созданная в те суровые годы в станице Ассиновской:

Тучки, тучки, вихрем буйным
Мчитесь в дальние края,
Где в лесах под песни бури
Партизан костры горят.
Милый там внимает соснам,
Лишь померкнет солнца свет,
Бой врагу готовит грозный,
С вами шлю ему привет...

(№ 170)

Эта песня в свое время была разучена хором русской народной песни под управлением А. В. Рудневой и исполнена по Всесоюзному радио, а в 1950 году вошла в изданный Музгизом сборник песен участников художественной самодеятельности.

На первом плане в казачьем фольклоре периода Великой Отечественной войны выступает героическое начало, но героическое здесь предстает не как исключительное свойство немногих избранных личностей, героев, а как свойство народного характера, как поведение миллионов. Поэтому прекрасное воплощается в них не в романтически идеализированных образах, а средствами реалистической характеристики персонажей.

Надо сказать, что во время войны не только создавались новые песни, но и многие произведения традиционного фольклора воспринимались как вполне современные, они актуализировались, наполнялись новым историческим смыслом, подвергались большим или меньшим творческим изменениям. Из богатейшего фольклорного наследия народ отобрал и взял на вооружение в годы войны все то, что помогало ему в трудных испытаниях и борьбе.

В художественном отношении казачий фольклор 1941—1945 годов во многом перекликается с традиционным гребенским фольклором. Здесь часто встречаются устоявшиеся сравнения, эпитеты, метафоры. Вместе с тем фольклор социалистической эпохи многое взял и от профессионального искусства. Народное творчество периода Великой Отечественной войны неизбежно должно было обратиться к профессиональному искусству, заимствовать оттуда все лучшее, что отвечало возросшим потребностям, вкусам и запросам трудящихся масс Советского государства. Однако это не изменяет творческой природы фольклора, который как в прошлом, так и теперь остается коллективным, массовым художественным творчеством народа.

В послевоенное время репертуар станиц интенсивно пополнялся новыми песнями. Особенно много песен родилось на Сунже. В них воспевается свободный труд и герои труда (№ 177), счастье обновленной станицы (№ 180, 181), дружба и братство различных народов, населяющих Терек (№ 179, 184), славится партия и ее дела. Песни и сегодня помогают станичникам строить новую счастливую жизнь:

У нив золотистых чудесных,
У синих ликующих гор
Мы взяли слова этой песни,
И песня несется в простор.
Все дальше она улетает,
Нет в мире для песни преград,
Поля ее в путь провожают,
Сады ей в дорогу шумят.
Под солнцем родимого края,
Со всею Советской страной,
Цвети, наша Сунжа, цвети, трудовая,
Мы вправе гордиться тобой!

(№ 182)

V

Собиратели терских казачьих песен не раз отмечали, что в них старые русские традиции сочетаются с кавказскими элементами, что казачья песня, которая по тексту является типичной скоморошиной, исполняется под лезгинку и сопровождается соответствующими выкриками,

что во многих песнях русский текст безболезненно сосуществует с текстом инородной языковой культуры. Факты эти сами по себе весьма интересны, поэтому на них стоит остановиться подробнее.

Тема русско-кавказских связей уходит своими корнями в глубь веков. Уже нартский эпос упоминает о «светловолосом юноше», пришедшем на помощь голодающим горцам. Позднее дружба чечено-ингушского народа с русским нашла отражение в народной песне-сказании «Ахмад Автуринский», где повествуется о том, как перед смертным поединком станичный казак предлагает горскому герою свою дружбу. В конце песни говорится:

Так казак станичный
Предложил джигиту,
И, подумав малость,
Дал свое согласье
Ахмад Автуринский.
И, обнявшись крепко,
Кунаками стали
Два героя наших [1].

Еще более выразительно воспевается дружба в песне-сказании «Эли, сын Умаров, из Акки», где русский молодец отбивает у царских властей горца [2].

Проблемами русско-кавказских фольклорных связей, как известно, занимались еще В. Ф. Миллер, Н. С. Трубецкой, Л. Г. Лопатинский и др. Однако они абсолютизировали влияние более развитой культуры на менее развитую и подавляющее число своеобразных явлений в последней рассматривали как чистое «заимствование». Совершенно очевидно, что это явная натяжка. Русский народ, веками близко соприкасавшийся со своими соседями — кавказцами, не только щедро обогащал их материальную и духовную культуру, но и охотно перенимал у них многое в области экономики и культуры. Взять, к примеру, припев «делла», который использовался терскими песенниками в своем творчестве. Интересным представляется то, что казаки, исполняющие песни с таким припевом, так и называют их полюбившимся словом «Делла» (№ 157), хотя, что оно обозначает в переводе на русский язык, объяснить не могут. Припев этот проник в казачий фольклор из чеченских народных песен, в которых он довольно часто встречается.

Чрезвычайно любопытной представляется «Застольная казачья песня», записанная нами в станице Орджоникидзевской (вариант см. в нашем сборнике, № 140):

---

[1] Поэзия Чечено-Ингушетии. М., ГИХЛ, 1959, стр. 38—40.
[2] См. там же, стр. 27—37.

Нам каждый гость дарован богом,
Какой бы ни был он среды,
Хотя бы в рубище убогом.
Алла верды!
Мы выпьем рог за этот дом,
За здравие хозяина.
Мравальжамиера...

и. т. д.

В этой песне имеется два совершенно разных припева — «алла верды» ногайского или кумыкского происхождения и «мравальжамиера» грузинского происхождения.

Даже в текст былины об Илье Муромце песенники Терека вставили припев, заимствованный из кумыкских песен:

Ай вана най дысин,
Ай вана най [1].

Большой интерес представляет песня, повествующая о горькой доле горцев при царизме. Запев песни очень лиричен и звучит минорно, однако припев («Алла-гу, алла-гу! Смерть врагу, смерть врагу!») резко контрастирует с запевом, создает определенный диссонанс в песне. Если в запеве звучит надломленность и обреченность, даже некоторое смирение перед силой и судьбой, то в припеве этого нет. Больше того, здесь как бы включается другой голос, возражающий первому, то есть запеву. Однако песня от этого в целом не разрушается. Напротив, сквозь ткань слов и мелодии песни как бы проглядывает сама трагическая судьба горца, побежденного физически, но не сломленного морально [2].

То, что в русских казачьих песнях оказались припевы, заимствованные из чеченских, кумыкских, грузинских, ногайских народных песен, не является случайностью.

Сношения северокавказских горцев с русским народом в XVI—XVIII веках протекали в напряженной международной обстановке. Это был период, когда Иран и Турция стремились установить свое господство на всем Кавказе и когда на этой почве оба государства втягивали горцев в бесконечные кровопролитные войны. В борьбе против ирано-турецкой агрессии активное участие принимало донское, кубанское и терское казачество.

Широкое распространение получает куначество. Многие казачьи фамилии роднятся с горцами. Все это дает основание предполагать, что

[1] Песни гребенских казаков, стр. 61.

[2] См.: Ю. Г. Агаджанов. К вопросу об исторических связях терского фольклора. — Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Т. 5. Вып. 3, литературоведение. Грозный, Чечено-Ингушское книжное издательство, 1968.

часто на празднествах, в военных походах против персов и крымцев, а также на свадьбах распевались как казачьи, так и горские песни. В такой обстановке могли возникнуть казачьи песни с припевами горцев и, наоборот, кумыкские, чеченские и ингушские песни с традиционными русскими элементами. И это вполне закономерно. Трудовое и боевое содружество народов не могло не отразиться на их психологии и их чувствах, которые находили позитивное отображение в песнях. Взаимопроникновение и сосуществование инородных слов в казачьих и горских песнях не следует считать случайными еще и потому, что фольклор в своем существе консервативен, здесь огромная роль принадлежит традиции; и всякое случайное, искусственное, наносное в нем не живет. Народ сохраняет в памяти своей и передает из поколения в поколение только то, что ему дорого и близко, все остальное он отметает прочь.

Л. Н. Толстой в повести «Казаки» пишет: «Живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе обычай, образ жизни, нравы горцев... Молодец казак щеголяет знанием татарского языка и, разгулявшись, даже со своим братом говорит по-татарски».

Надо полагать, что под «татарским» Л. Н. Толстой разумел чеченский язык, потому что казаки «перероднились» с чеченцами, как пишет он сам. В повести писатель часто напоминает о том, что дед Ерошка любил распевать Оленину горские песни. Пел он их вдохновенно и трогательно, сопровождая свое пение игрой на балалайке. Эта любовь Ерошки к песням соседних народов представляет собой характерное и типичное явление, подмеченное великим писателем, который писал: «Особенно трогательна была для него одна тавлинская песня. Слов в ней было мало, но вся прелесть ее заключалась в печальном припеве: «Ай! Дай! Далалай!»[2]

Несколько слов хочется сказать о семантике этих припевов-путешественников. На раннем этапе существования в казачьих песнях они, по всей вероятности, несут на себе определенную смысловую нагрузку, то есть имеют более или менее точный перевод на русский язык. Однако с течением времени смысловая сторона этих слов постепенно утрачивается, и остаются они в песнях по традиции как простое звукоподражание сопроводительному музыкальному инструменту или как замена его, когда песня исполняется без сопровождения. Интересной с этой точки зрения представляется одна мысль И. В. Трескова. Он говорит, что в черкесских свадебных песнях распространенным является припев «уоредэ, уоредэ, уореддэ махо». Этот же припев часто встречается и в русских свадебных песнях, хотя в несколько иных звуковых вариа-

---

[1] Л. Н. Толстой. Собр. соч. в 20-ти т. Т. 3. М., 1964, стр. 176—177.
[2] Там же, стр. 277.

циях — «ой-редиди», «уряди» и пр. Из этого Тресков заключает, что «проникновение припевов шло к русским от черкесов через казаков». Черкесское «уоредэ» берет начало от богатыря Редеди, хвалу которому воздают черкесы в своих свадебных песнях. Русские люди, распевая сейчас на свадьбах «ой-редиди» или «уряди», никакого конкретного смысла в них не вкладывают. Ибо, независимо от того, к чему генетически восходит этот припев — к богатырю Редеде или к языческому божеству — рядовые исполнители этих песен, конечно, ничего не ведают о них и не соотносят его ни с первым, ни со вторым [1].

Точно так же чеченское «делла» (бог), равно как и другие горские припевы, в казачьих песнях сейчас не имеют смысловой нагрузки. Указанные припевы в русских народных песнях выполняют функцию настройки голоса певца и его внутреннего душевного состояния. Это своеобразный камертон, определяющий настроение исполнителя, а возможно, и слушателя песни.

Многие песни, придя на Терек из других областей России, подвергаются здесь коренной переделке. Вместо общерусской «шапки» появляется «кабардиночка», вместо русского «кафтана» и «шубы» — «чекменик, бешметик да черная бурка». Эти слова настолько прочно вошли в речь казака, что представляются ему родными и близкими. Характерной в этом отношении является песня «Полно вам, снежочки, на талой земле лежать» (№ 51 нашего сборника). При объяснении этого явления в терской песне необходимо обратиться к самой жизни. Тогда сразу станет ясно, что не только слова, но и сами эти предметы казаки охотно перенимали от окружающих горцев и широко использовали в своем быту.

Большое распространение в казачьей песне получили такие слова, как бердaночка, черкесочка, якшаться, уздени, наиб, баста, арчак, шашка-атага, чумбур, хашал и многие другие. Сейчас трудно установить, откуда пришли эти слова. В устах русского человека некоторые из них могли деформироваться. Тем более, что терцы никогда не отличались особой точностью даже в произношении слов родной речи, не говоря уже о чужой. Глубоко прав был собиратель казачьего фольклора П. Востриков, когда писал: «В произношении слов иногда встречаются большие изменения; в данном случае наурцы, как нельзя лучше, оправдывают свою всегдашнюю поговорку: «Язык — не бык: как захочешь, так и поворотишь» [2]. Поэтому выяснить настоящее произношение и начертание

---

[1] См.: И. В. Тресков. Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик, 1963, стр. 216—217.

[2] Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. Тифлис, 1908, отд. II, стр. 2.

этих слов порой невозможно, а следовательно, невозможно установить и семантики этих слов. Но это в конечном итоге не так уж важно. Важно другое. Тот факт, что в казачьих песнях широко представлена картина сосуществования русского текста с инородными словами, не следует расценивать как акт насильственного внедрения или случайность: нельзя забывать, что фольклор в своей основе консервативен, здесь огромная роль принадлежит традиции, и все наносное в нем не живет.

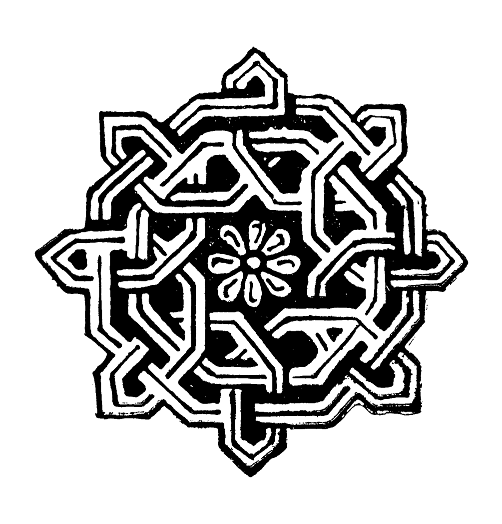
Но воздействие фольклора горцев на русскую песню не ограничивалось этим. Оно шло широким фронтом. Казаки, например, часто использовали в своем творчестве систему образов, заимствованную из горского фольклора. Так, в одной из песен, записанных нами, храбрый генерал сравнивается с серым волком.

Нет сомнения, что образ этот пришел в казачью песню от горцев, в творчестве которых он используется довольно часто и ассоциируется с такими понятиями, как мужество, храбрость и отвага.

Воздействие народного творчества горцев на русскую песню шло и в музыкальном плане. Известно, например, что казаки переняли от своих соседей музыкальные инструменты — зурну, двухструнную балалайку, барабан. Терцы восприняли от горцев не только мелодии песен, их припевы, но даже формы танца — лезгинки. Многие казачьи плясовые песни заканчиваются именно лезгинкой, а не другим каким-либо танцем. Не случайно в песнях можно встретить такие, например, слова:

...А потом лезгинку хватски
Мы под музыку свою
Отхватаем азиатски,
Вспомним службицу свою.

Вполне понятно, что широким фронтом шло и обратное явление, то есть воздействие русской культуры на жизнь и творчество горцев. Но это уже другая сторона одного большого вопроса — вопроса о взаимосвязи и взаимовлиянии братских культур. Вопрос этот приобретает особо важное значение сейчас, когда наша многонациональная Родина строит светлое коммунистическое общество. Мы должны всегда помнить, что чувство великой дружбы, которое связывает все народы нашей страны, не пришло само собой, что истоки сегодняшнего совершенно нового содружества наших народов своими корнями уходят в далекое прошлое. И потому нет такой силы, которая могла бы подсечь корни нашего единства и дружбы.

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

ПЕСНИ КАЛЕНДАРНЫХ ОБРЯДОВ

№ 1

Сею, вею, посеваю,
С Новым годом проздравляю!
Уродися, боже, на всякую долю
И горох, и чечевица, и пшеница.

№ 2

Маланька ходила,
Васильку носила.
«Василька, мой батька,
Пусти меня в хатку.

Я жати не жала —
В руках серп держала.
Воробей летит,
Хвостом вертит.
А вы, люди, знайте,
Копеечку дайте,
Открывайте сундучки,
Вынимайте пятачки».

№ 3

Уж вы, гостюшки, гости милые,
Вы придите-ка, побеседуйте,
Побеседуйте да вы у меня.
Расскажу я вам всю историю,
Всю историю, всю комедию.
Свинья на дубу гнездо совила,
Гнездо совила, детей вывела,
Малых деточек, поросяточек.
По веточкам ходют, желудя едят,
Желудя едят, на людей глядят.

№ 4

На леску леску да на желтом песку,
Святой вечер, святой вечер,
На желтом песку да стоит дерево,
Святой вечер, святой вечер,
Корнем глубока, тонка, высока,
Святой вечер, святой вечер,
Корнем глубока, листом широка,
Святой вечер, святой вечер.

На той дереве сам сокол сидит,
Святой вечер, святой вечер,
Сам сокол сидит, далеко глядит,
Святой вечер, святой вечер,
Далеко глядит да во чисто поле,
Святой вечер, святой вечер,
Во чисто полю, во синю море,
Святой вечер, святой вечер.
Во синем море корабель плывет,
Святой вечер, святой вечер,
Как на етим корабле девица сидит,
Святой вечер, святой вечер,
Девица сидит да рубашечку шьет,
Святой вечер, святой вечер,
Рубашечку шьет да шириночку ткет,
Святой вечер, святой вечер,
Своему женишку Сереженьке,
Святой вечер, святой вечер.
Заря во дворе да кури поют,
Святой вечер, святой вечер.

№ 5

Ты, грушица, грушица моя,
Грушица зелена, садо́ва,
Почто ты не зе́лена стоишь,
Почто не лазорево цветешь?
«Да как же зеленой быть,
Как груше лазоревой цвести:
С вершинушки солнышко печет,
Со из-поду ключья вода бьет».
Под грушицею светлица стоит,
Во светлице девица сидит,
Разумные речи говорит:
«У нас нонича такие времена,
Сушат жен хорошие мужья,
А у девушек все дальние друзья.
Дальний друг велика сухота,
Ближний друг всегда ли навсегда.

Выйду я во зе́лена луга,
Сорву я травушки цветочек,
Совью на головушку веночек.
Тонет ли, не тонет мой веночек,
Тужит ли, не тужит мой дружочек?
Да стал мой веночек восплывать,
Да стал меня милый забывать,
На чужой на дальней стороне,
Во матушке каменной Москве,
Во матушке во Рассеюшке».

№ 6

Мы по полюшку гуляли да
Доли... да долиною да,
Мы цветочки сорывали
Доли... да долиною да.
Мы на берег уходили да
Доли... да долиною да,
Мы под вербами стояли да
Доли... да долиною да.
Мы веночки совивали
Доли... да долиною да,
Вдоль по Тереку пущали да
Доли... да долиною да.
«Поплыви-ка, мой веночек, да
Доли... да долиною да,
В Старогладский городочек
Доли... да долиною да.
Старогладсковски девчаточки,
Доли... да долиною да,
Возьмите наши веночки да
Доли... да долиною да».

№ 7

За яром, яром сенница нова,
Сенница нова и холодная вода.
А там девчонка водицу брала,
Водицу брала, умывалася,
Шелковым платком утиралася.
Приутершись, пришла в зе́лен сад,
Пришла в зе́лен сад, нарвала цветов,
Нарвала цветов, совила венок,
Пустила его вдоль по речушке,
Вдоль по речушке, вдоль по быстрой:
«Кто поймает — дружина моя».
А тама коня казак наповал.
Привязал коня ко березоньке,
А сам он пошел веночек ловить.
Первый раз ступнул — по коленочки,
Второй раз ступнул — по белы груди,
Третий раз ступнул — шапка поплыла.
Три раза вынырял, три слова сказал:
«Отвяжись ты, конь, от березоньки,
Да бежи ты, конь, к отцу, матери,
Расскажи ты, конь, что я женился.
Женила меня речка быстрая,
Венчала меня вода чистая».

№ 8

Ай ве́снушка-весна,
Ай ве́снушка-весна,
Весна воздухом полна,
Весна воздухом полна.
А на ухожих местах,
Во зеленых лугах
Ой и цветы цветут.
Одна девка рвет цветочки,
А другая вьет веночки.

Через речушку мосточек
Мой милай идет.
Под ним мостик обломился,
Упал милый на́ воду
На мою горе-беду.

№ 9

Ой да на венках девки гадали,
Венки в воду побросали.
Чей венок потонет,
Значит, милый обманет.
Одна девка росту небольшого
Крепким голосом кричала:
«Мой венок потонул —
Значит, милый обманул,
Мой венок потонул —
Значит, милый обманул».

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

№ 10

Силенек, меленек на улице дождик,
Да ой люли, люли, на улице дождик.
Он ситечком сеет, ведром поливает,
И ой люли, люли, ведром поливает.
Ведром поливает, девчоночку мочит,
И да ой люли, ой люли, девчоночку мочит.
Девчоночка плачет: «Куда мене деться?
Да ой люли, люли, куда мене деться?
Куда мене деться, куда схорониться,
Да ой люли, люли, куда схорониться?
Я кинуся, брошуся ко батюшке в сени,
Да ой люли, люли, ко батюшке в сени.
У батюшки в сени хлеба-соли много,
Хлеба-соли много, а совету нету,

Да ой люли, люли, а совету нету.
Совету-привету, ласкова словечка,
Да ой люли, люли, ласкова словечка,
Ласкова словечка, весела сердечка».

№ 11

Растопилася да банюшка,
Ой лели, ой лели, да банюшка.
Разгорелися да каменья,
Ой лели, ой лели, да каменья.
Как расплакалась красна девица,
Ой лели, да ой лели, красна девица:
«Не отдавай меня, батюшка, во чужи люди,
Ой лели, ой лели, во чужи люди,
Не губите моей молодости,
Ой лели, ой лели, мою молодость,
Не губите мою русую косушку,
Ой лели, ой лели, мою русую косушку».

№ 12

Калина-смородина
Рано в поле расцвела.
Не в эту ли порушку
Меня маменька родила,
Ой не собравшись разумом,
Рано замуж отдала.
Ой не буду я к маменьке
Три года я к ней ходити,
На четвертом годе
Вольной пташкой залечу.
Ой сяду у батюшки
Во зеленом во саду,

Ой на сладкую яблоньку,
На отхожую ветвь.
Ой буду куковати я
Горькою кукушечкой.
«Ой да не моя ли деточка
У меня в саду?
Ой не моя ли родная
С чужой дальней стороны?
Ой чужая сторонушка прискучливая,
Ой горькою горчицею усеянная.
Ой чужая сторонушка
Без ветру она шумит,
Ой чужой отец с матерью
Без вины они бранят».

№ 13

Соходит Пелагеюшка со двора,
Соходит Пелагеюшка со двора,
Соходит Павловна с широка,
Соходит Павловна с широка,
Соводит Иван со двора,
Соводит-то Яковлевич.
Да ой сломили у грушицы вершиночку,
Ой сломили у грушицы вершиночку.
Ты стой, расти, грушица, без верха,
Ты стой, расти, грушица, без верха,
Живи, моя маменька, без меня,
Без моей буйной головы,
Без моей русой косы.
Ой как вечерком свашенька приходила,
Нерадостны весточки приносила,
Нерадостны весточки приносила.
Хотят тебя свашеньки замуж дати,
Хотят тебя свашеньки замуж дати,
Хотят твою косоньку расплетати,
Хотят твою косоньку расплетати,
Хотят твою русую раздвоити,
Хотят твою русую разделити.

№ 14

Не было гостей,
Не было гостей,
Понаехало коней-саней,
Понаехало, понаехало гостей.
Обломили, обломили сани новые,
Выпугнули, выпугнули соловья в саду.
«Ой свет ты мой, зеленой, молодой,
Кто ж меня будет рано будить?»
Отозвался сударь,
Сергей все Васильевич:
«Я ж тебя, я ж тебя, Леночка,
Буду рано будить,
Я ж тебя, я ж тебя, Юрьевна,
Буду рано пробуживать».

№ 15

Уж ты пташечка, пташечка,
Вольна пташечка-перепелочка,
С синя моря переплывала,
Частешенько перепорхивала.
Насадилася пташечка, насадилася вольная
Середи моря, моря на камешке,
Она слушала песенки.
По заре девушка плакала,
На заре пташечка слушала,
Она слушала песенки:
«Воля, воля, волюшка,
Кому воля, кому нет воли гулять.
Воля красным девушкам гулять,
А молодушкам нет волюшки гулять.
Нет им волюшки, мужья им не велят,
Не велят им, не приказывают.
Иха воля миновалася гулять,
Красота с лица скаталася,
Черной грязью замаралась,
Черной грязью, замороженной землей.

Да и что же за милый за такой,
Да уж сердце, за душечка мое!
Часто ходишь мимо моего двора,
Мимо моего высока терема,
Ты не зайдешь, не отведаешь меня,
Да не спросишь про здоровьице мою,
Ты не скажешь про несчастьице свое.
Ты здорова ли, сударушка, живешь?
Можешь ли, любезная, гулять?»

№ 16

Не река ли моя речушка да,
Не река ли моя быстрая да,
Течет речка не вшолыхнется да,
Сидит девица не влыбнется да,
Говорит речи не всмихнется да.
Все сошлися, все посъехалися,
Все сошлися, все посъехалися да,
Только нету мово гостюшка да,
Только нету мово гостюшка да,
Мово гостюшка любимого да,
Мово гостюшка любимого да,
Мово батюшки родимого да.
Уж ты, братец, ты мой да,
Уж ты, братец, ты мой да,
Старшой ли меньшой да,
Как пойди ты во конюшеньку да,
Как пойди ты во конюшеньку да,
Да й возьми узду невладанную,
Да й возьми узду невладанную,
Забратай коня неезженного да,
Забратай коня неезженного да,
Поезжай-ка во собор-церкви да,
Да й ударь же во большой колокол да,
Да й ударь же во большой колокол да,
Разбуди ж ты мово гостюшка,

Мово гостюшка любимого,
Мово батюшку родимого да;
Благословит мне во чужие люди,
Благословит мне во чужие люди.

№ 17

Как на дубчике два голубчика
Целовалися, миловалися,
Целовалися, ах, миловалися,
Сизыми крылушками обнималися,
Сизыми крылушками обнималися.
И отколь взялся вор орел,
И отколь взялся вор сизой.
Он ушиб, убил голуба сизого,
Он ушиб, убил голуба сизого,
Голуба сизого, сизокрылого.
Тут восплакалась голубка сизая,
Голубка сизая, сизокрылая.
«Полетим с тобой во чисто поле,
Пригоню тебе стадо голубей,
Выбирай себе голуба сизого,
Голуба сизого, сизокрылого,
Голуба сизого, друга милого».
«Он мне не дружечка, он не подружечка,
А малым деточкам не родный батюшка».

№ 18

Что ни рожь, ни пшеничка
Сильно уродилась,
Почто сильно уродилась,
Все люди дивились.
Со вечера ко девушке,

Со вечера ко девушке
Прилетал голубчик.
Да он сизенький голубчик —
Из полка поручик.
Он шелкует, голубует
Над моим окошком,
Над моим ясным окошком,
Против моей спальни.
Девчоночка пробудилась,
К окну подбежала,
К окошечку подбежала,
Голубя пускала.
Она голубя пускала,
За столик сажала,
За столичек посадила,
Чаем угостила.

№ 19

Ой на горе, на горе да,
Ой на горе, на горе да,
На той на высокой красоте да,
Висел колыбель золотой,
Висел колыбель золотой,
Поцепочки шелковые,
Поцепочки шелковые да,
Варварки серебряные да,
Варварки серебряные да,
Во той колыбели золотой,
Во той колыбели золотой да,
Во той колыбели золотой да,
Лежал удал добрый молодец да,
Федор Евдокимович-душа да,
Федор Евдокимович-душа да,
Качают родимые сестрицы,
Качают родимые сестрицы,
А третия тетушка его да,
А третия тетушка его да.
«Качайте повыше меня да,

Увижу Анютушку свою да,
Увижу Лукьяновну да.
Вот моя Анютушка идет да,
Вот моя Лукьяновна да,
В руках конопелюшек несет да,
Шелкову шириночку шьет да,
Своему да милому дружку
Федор Евдокимовичу да».

№ 20

Как со вечера дождь,
Со полуночи мороз,
Как по етом по морозу
Трое саночек бежат.
Двое санок с козырями,
Третий с вырезами.
Как во етих во санях
По семи бояр сидят,
По семи бояр сидят,
Одну речь говорят,
Одну речь говорят,
Приворачивать велят:
«Приворачуйте, ребята,
Вы к Ивану-казаку,
У Ивана-казака
Много пива и вина,
Много пива и вина,
Хвалют дочь хороша,
Хвалют дочь хороша,
Все ей Манечка-душа».
Она по саду ходила,
Сладки яблочки рвала,
Все на блюдице клала,
А с блюдица на поднос,
Всё и Ване подала.
А Ванюша не берет,
Всё отказывает,
Всё приказывает:
«Кушай, Манюшка-душа,
Чтоб была ты хороша!»

№ 21

Не Волга-река, ой Волга-река разливается,
А зять у ворот, а зять у ворот увивается:
«Вы дайте мое, вы дайте мое,
Мое со́женое и дороженое».
Вывели ему, вывели ему коня с седлом.
«Это не мое, это не мое,
Не мое со́женое и дороженое».
Вынесли ему, вынесли ему сундук с добром,
Сундук с добром, с золотым замком.
«Это не мое, это не мое,
Не мое со́женое и дороженое.
Вы дайте мое, мое со́женое и дороженое».
Вывели ему, вывели ему Марьюшку-красавицу.
«Вот это мое, мое со́женое и дороженое».

№ 22

Налитой купе́ли зеленого вина,
Плавала чара серебряная,
Ой, да плавала чара серебряная.
Ой никто-то за чару не примется,
Не примется, да примется
Иван-господин свет Михайлович.
Да наливал чару зеленого вина,
Да подносил чару сударушке своей Танюшке,
Сударушке своей душе Васильевне:
«Выпей-ка, выпей-ка, радость моя,
Выкушай, выкушай, веселие мое».
«Не плавана радость не хочется.
Вечо́р мне мале́ньку, мале́ньку спало́сь;
Мале́ньку спалось, во сне виделось:
Да будто у нас на широкием дворе
Да выросла травушка шелко́вая,
Она шелко́вая да полушелковая.
Да ходит по цветочкам сизый паве́л,

Сизый павéл все Иван-господин,
Сизая павушка — ты у меня,
Золоты крылушки — детки у нас,
Да белые лебедушки — слуги при нас».

№ 23

Да почто же, ребятушки,
Да не женитеся,
Красные девушки
Замуж не идут?
Задумала девица
Замуж пойти,
Теща для дома
Приудобрилася:
Соли, муки —
На четыре рубля,
Сахару, изюму —
На восемь рублей.
Стал пирог теще
Двенадцать рублей.
В закромах месили,
На солнце пекли,
На солнце пекли,
Всей тройкой везли.
Пирог небольшой,
Сам в ворота не прошел.
Думали, гадали —
Семерым пирог не съесть,
Зять-то пришел,
За один присест
Пирог съел.
Теща по горнице
Похаживает,
Косо на зятюшку
Поглядывает.
«Как тебя, зятюшка,
Не разорвало?»
«Разорви, разорви

Тещу мою,
Тещу мою,
Все свояченицу.
Приходи ко мне, теща,
На масленицу,
Угощу тебя, теща,
Дубинушкою.
Как четыре дубинушки
Дубовенькие,
Пятая дубинушка
С вида призавялена».
Били тещу
Семнадцать рук,
Вырвалась теща
Из зятевых рук.
Бежала теща,
Приупыхалась,
Села на печку,
Призадыхалась.
«Гляньте в окно,
Не идет ли кто,
Не идет ли зять
На похмель меня звать,
На похмель меня звать
Да похмель выбивать».

№ 24

Мимо груши, мимо зелена сада
Пролегла туда дороженька торна, добита до песка.
Ох торна, торна, торна, торна, торна,
До того песка Саратовского,
До того песка Саратовского,
До уезда до Макаровского.
Знаю, знаю, кто дорожку проторил,
Это Коленька до Наденьки ходил.
Он не так ходил-похаживал,
Он подарочек понашивал,
Подарочек — сладкий пряничек,
Ореховый один зернышек.

Ох ты батюшка со матушкой,
Во с любови вам невестушка,
Без белила набеленная,
Без румяна нарумянена,
Без чернила брови черные,
Брови черны, развеселые глаза,
Спородила ее матушка родна́.

№ 25

Виноград в саду цветет,
Виноград в саду цветет,
А ягодка, а ягодка поспевает,
А ягодка, а ягодка поспевает.
Виноград — сударь Ванюшка,
Виноград — сударь Ванюшка,
А ягодка, а ягодка — свет Марьюшка,
А ягодка, а ягодка — свет Марьюшка.
Им люди дивовалися,
Им люди дивовалися,
Что хороши да пригожи уродилися,
Что хороши да пригожи уродилися.
Виноград в саду цветет,
Виноград в саду цветет,
А ягодка, а ягодка поспевает,
А ягодка, а ягодка поспевает.

№ 26

Ой да ты сокол жа да со-я-количек,
Что и Жора да Игнатиевич.
Он вскочил да и в беседушку да,
Он схватил жа да лебедушку,
Лебедушку да лебедушку,
Да ле... лебедь белаю,
Да что ой и Катюшку Ми... Михайловну.

№ 27

Соловей, соловей мой, отлетная пташечка,
Громышная кокушка,
Ой лели, ой лели, лели, ой лели,
Сколь далече летала, далече летала?
Ой лели, ой лели, лели, ой лели.
Ой далече от саду до саду,
До прекрасной солнышки,
Ой, лели, ой лели, лели, ой лели,
До прекрасной солнышки, до белого камушка,
Ой лели, ой лели, лели, ой лели,
Вырастала травушка, травушка-муравушка,
Ой лели, ой лели, лели, ой лели.
Ой ты Ваня бел-кудряв,
Куда кони оседлал?
«В Слепцовскую станицу,
Под красную девицу,
Девицу Аннушку, Аннушку-голубушку».

№ 28

Как у нас на улице, как у нас на широкой,
Да вой люли, люли, у нас на широкой,
Там гуляли девушки, шутили молодушки.
Между этих девушек удал добрый молодец,
Да вой люли, люли, удал добрый молодец.
Да он пишет грамоту родимому батюшке,
Да вой люли, люли, родимому батюшке:
«Родимый мой батюшка, жениться мне хочется,
Родимый мой батюшка, жениться мне хочется,
Да вой люли, люли, жениться мне хочется».
«Женись, моя деточка, женись, чадо милое,
Да вой люли, люли, женись, чадо милое.
Возьми себе девушку, ближнюю соседушку,
Да вой люли, люли, ближнюю соседушку.
Ближнюю соседушку Анну Ивановну,
Да вой люли, люли, Анну Ивановну.
Она и помощница, она и работница,
Да вой люли, люли, она и работница».

№ 29

Не заря ли моя зоренька,
Не заря ли моя зоренька,
Заря утрення, вечерняя,
Заря утрення, вечерняя.
Высоко заря высхаживала,
Высоко заря высхаживала,
Выше лесу, выше темненького,
Выше садичку зелененького.
Не по улице, не по улице,
Вдоль по широкой,
Тут бежит детинушка,
Что детинушка казачий сын,
Что казачий сын —
Алексей-господин.
Он бежит, бежит ко девушке,
Что ко девушке Настасьюшке,
Что ко девушке Ивановне.
Он бежит не стряхнется,
Черны кудри не шелохнутся.
Шелохнулись черны кудри по плечам,
Как увидела Настасьюшка его,
Своего ли дружка милого,
Алексея Петровича.

№ 30

Что не во саду, во садику,
Во зеленом винограднику,
Там выросла яблонька.
Эта яблонька садовенькая,
Что садовенька, медовенькая,
Да вой люли, да вой люли, вой люли,
Что медовая, анисовая.

Да сломилася веточка,
Раскатилися два яблочка,
Что и Виктор Александрович,
А второй-то этот яблочек,
Да Людмила Ивановна.
Они по саду погуливали,
Перевозчика заискивали.
Перевозчик он недорого берет —
Со правой руки колечко золото!

№ 31

Сват сватался,
Сват схвалился:
«Того, сего много».
Поехали посмотрели —
Одна лошаденка,
Одна лошаденка
И та без хвостенка.
Сбилась, сколотилась,
По двору гоняючи,
По двору гоняючи,
Хозяина искаючи.
А хозяин, а хозяин
В погреб завалился,
А хозяйка, а хозяйка
Кочергой выгребает.
«Зайди, дружко, в клетку,
В онучах, в отрепках,
Во лаптях, в осметках,
Мешком подпоясан,
Гвоздем застегнутый,
Из соломы борода сшита,
Обручем голова сбита».

№ 32

Протеки, Волга-речка, вдоль по бережкам,
По крутым по бережкам, по желтым пескам,
По крутым по бережкам, по желтым пескам.
Тебе, Волга-речка, да й не долго течь,
Сы вясны, сы вясны, да й до осени,
Сы вясны, сы вясны, да й до осени.
Придут на тя, придут на тя люты морозы,
Лютыя морозы, все крещенскаи,
Лютыя морозы, все крещенскаи,
Скрепят Волгу-речку с крутым бережком.

№ 33

Как из улицы в конец
Шел удалый молодец.
Ай Дунай ли мой, Дунай,
Сын Иванович Дунай.

Шибко громко просвистал,
В терем голос подавал.
Ай Дунай ли мой, Дунай,
Сын Иванович Дунай.

Несет шляпу на ухе
С алой ленточкою.
Ай Дунай ли мой, Дунай,
Сын Иванович Дунай.

С алой ленточкою,
С позументочкою.
Ай Дунай ли мой, Дунай,
Сын Иванович Дунай.

Уж как звали молодца,
Позывали молодца.
Ай Дунай ли мой, Дунай,
Сын Иванович Дунай.

Ваню беленького,
Дружка миленького.
Ай Дунай ли мой, Дунай,
Сын Иванович Дунай.

Что во терем пировать,
Во беседушке сидеть.
Ай Дунай ли мой, Дунай,
Сын Иванович Дунай.

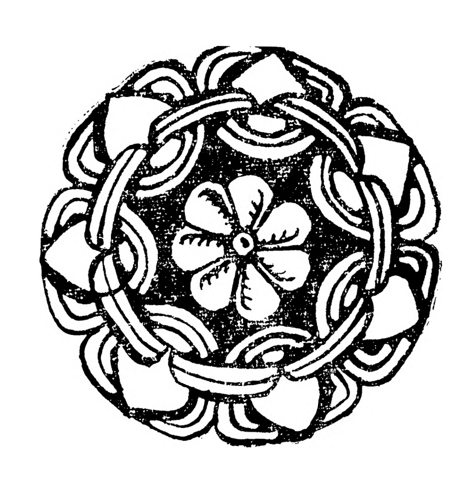
Упросили молодца,
Посадили молодца.
Ай Дунай ли мой, Дунай,
Сын Иванович Дунай.

№ 34

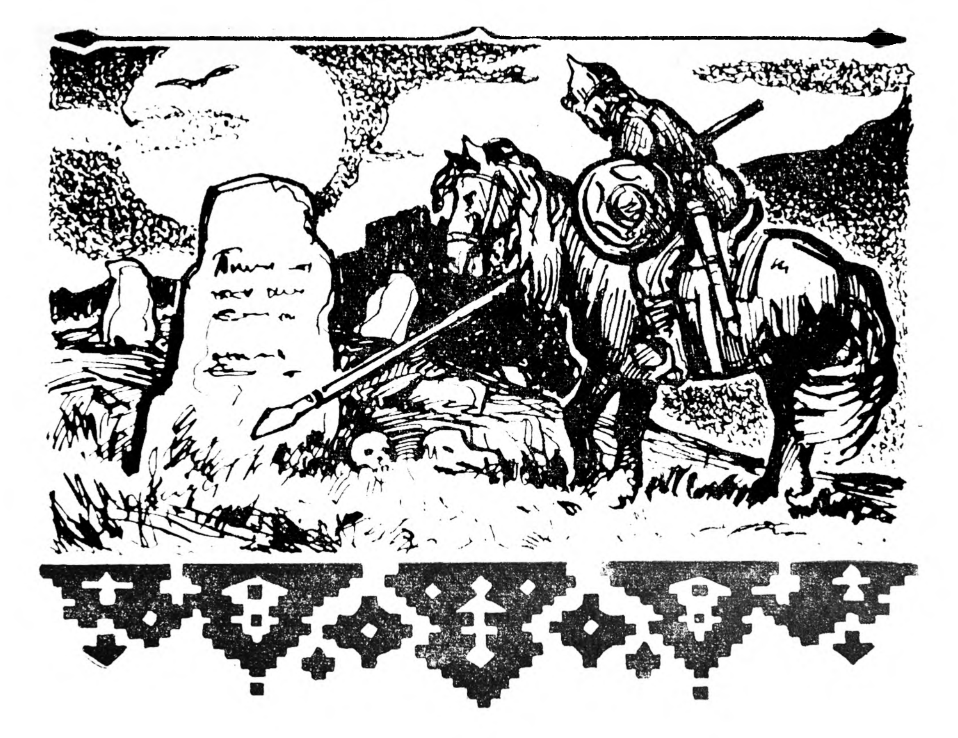
Посеяли девки лен,
Посеяли девки лен,
Ладо, ладо, девки лен,
Ладо, ладо, девки лен.
Посеяли, пололи,
Белы руки кололи,
Ладо, ладо, девки лен,
Ладо, ладо, девки лен.
Во этот во ленок
Повадился паренек,
Ладо, ладо, девки лен,
Ладо, ладо, девки лен.
Он леночек весь примял,
В Дунай-речку побросал,
Ладо, ладо, девки лен,
Ладо, ладо, девки лен.
Дунай-речка не примает,
Ко бережку прибивает,
Ладо, ладо, девки лен,
Ладо, ладо, девки лен.

Ко бережку, ко юрку,
Ко ракитову кусту,
Ладо, ладо, девки лен,
Ладо, ладо, девки лен.

БЫЛИНЫ И ДРЕВНИЕ ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

№ 35

Ой да ты Малютка, Малютка,
Малютка, Илья Мурович-душа.
Ой да выезжает наш Малютка
Ой из городу,
Ой из того ой да из Мурома,
И еще из того из города из Мурома.
Ой да как Малютка сидит на коне,
Ровно сокол на руке.
Уж он плеточкой машет,
Под ним коник пляшет,
Ровно лютый зверь.
Подъезжает Малютка ко сырому дубу,
На сыром дубу сидит черный ворон,
Как Малютка хочет его убить.
«Малюта ты, Малютка, не убивай меня,
Убьешь меня — не утешишь сам себя»,

№ 36

Как по морю, морю синему,
Ой как по морю, ой да по морю,
Да по морюшку.
Ай на синем-та море и от-та
Было по сине-и-и-ю, синему,
Ой как бежали они да только возбежали,
Возбеживали их да они три стружочка.
Ай как во-первает бежит да три он,
Бежит стружочек,
Да бежит и со войском.
Ой на второй-та бежит да он,
Бежит стружочек,
Их да бежит атаманской.
Ой как на третий бежит да он,
Бежит стружочек,
Их да бежит развеселой казаченька.
Ой как добегают да они да
Змеей да Змеевой.
«Ай как позволь-ка, позволь-ка да тебе,
Горушка Змее... ой да Змеевая,
Ой как позволь, как позволь да нам
Ноченьку ночева... и-ой ночевати».
«Ой как ночуйте-ка да ее не убо...
Ой не убойся.
Ой как постелюшка вам да раздобрым мо...
Ой молодцам да
В поле ковыл-тра... и-ей травушка.
На одельнице вам да раздобрым мо...
Ой молодцам
Да частые они зве... ой часты звездочки.
Ой под головицы вам да раздобрым мо...
Ой да молодцам
Ой белы ру... ой белы рученьки».

№ 37

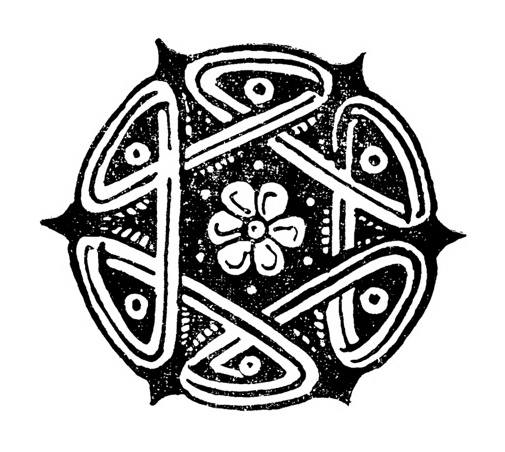
Не во дали было во далечушке,
Там-то ходил, гулял молодой охотничек,
Он ходил, гулял с весны вплоть до осени.
Не осенней темной ноченькой
Ходил до белой заре.
Захватили молодца жары жаркие,
Захватили молодца петровского.
Захватили молодца дождички осенние,
Дождички сильные, осенние.
Захватили молодца морозушки лютые,
Снегушки глубокие.
Он ходил, гулял не стежкою, не дорожкою,
А тропиною все звериною.

№ 38

Ай как не по морю было,
По морюшку было, морю синему,
И-и было морю синему.
Ой да как по синему было по морюшку,
Было по Хвалынскому,
Было по Хвалынскому.
Было ромно тридцать кораблей.
Ой да там бежали они возбежали,
Было ромно тридцать кораблей,
Ой да как подошел-та, выходил
Червон корабличек.
Да он наперед резво́ бежит,
Да он наперед резво́ бежит.
Да он изукрашен, да он изукрашен да
Ой да красным бархатом-та червон корабль,
Да он изувешен да, да он изувешен
Ой мелким жемчугом и тот червон корабль,
Да изусеян он, да изусеян он.
Ой с гор погодка она чуть потягивала,

Она чуть потягивала,
Легки мачтушки ломала,
Она тонки парушки рвала,
Легки мачтушки ломала,
Она тонки парушки рвала.
Ой да заносила да он тот червон корабль,
Он да тот корабль во иную его землю,
Во иную его землю.
Ой да как во этой во иной земелюшке
Нету ни царя, ни короля,
Нету ни царя, ни короля.
Ой да там циреет, королеет
Вот да красна девушка,
Вот да красна девушка.
«Ой да ты войди-ка, сестра Маринушка,
Во наш во червон корабль,
Во наш во червон корабль,
Ой да посмотри-ка ты, сестра Маринушка,
Наши сукна, бархаты».

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

№ 39

Как на реченьке, братцы,
Было, было на Камышинке.
Эх как сбирались, съезжалися
Они, они люди вольные,
Собиралися, съезжалися да
Они, они люди вольные,
Ой все донские, гребенские казаки,
Они, они все яицкие.
Все донские, гребенские казаки да,
Они, они все яицкие.
Эх атаманом был у них
Ермак Ти-и-и... Ермак да он Тимофеевич,
Атаманом был у них, братцы,
Эх Ермак да он Тимофеевич.
Эх да как он речи говорил,

Эх, братцы, ромно да он в трубу трубил,
Как он речи говорил,
Эх, братцы, ромно да он в трубу трубил:
«Эх проходит у нас, братцы, лето теплое,
Наступит зимушка холодная,
Проходит у нас, братцы, лето теплое да,
Наступит зимушка холодная,
Где ж мы будем эту зимушку зимовать?
На Яик-город пойдем, будем зимовать».

№ 40

Не во городе было
Во Саратове,
Во Саратове было
Да во Астрахани.
Тут явился, появился
Незнакомый человек,
Незнакомый, незнакомый,
Удалый добрый молодец.
Он по городу по Астрахани
Похаживает,
Он козловые сапожки
На босу ногу носил,
А шелковенький бешметик
На растяжечку носил.
Уж он штабам, офицерам
Почтенья не давал,
А Астраханскому губернатору
И не кланялся.
Как заметил его губернатор
Со двора его молодца,
Как кричал и звенчал
Своим громким голосом:
«Ой вы слуги, мои слуги,
Слуги верные мои,
Ой вы пойдите, приведите
Удалого молодца».
Ой как ведут его молодца
К губернатору на глаза.

Ой как стал губернатор
Все расспрашивать его:
«Ты откуда, молодец,
И роду-племени ты чей?»
«Я со матушки со Волги,
Стеньки Разина я сын».

№ 41

Ох чтой-то молодцу мало мне спалося,
Во сне много видел я.
Ой как подули разбойные ветры
Ой да с восточной, братцы, стороны.

Ох как подули разбойные ветры
Ой да с восточной, братцы, стороны.
Ой они сдули черную шапчонку
С моей буйной, братцы, головы.

Ох они сдули черную шапчонку
С моей буйной, братцы, головы.
Ой оборвался лук да звончатый
С моего левого, братцы, плеча.

Ох оборвался лук да звончатый
С моего левого, братцы, плеча.
Ой рассыпáлись каленаи стрелы
Врозь по матушке сырой земле.

Ох рассыпáлись каленаи стрелы
Врозь по матушке сырой земле.
Ой будто конь мой вороной да
Разыгрался да он подо мной.

Ох будто конь мой вороной да
Разыгрался да он подо мной.
Ой разыгрался, да он расплясался
Под удалым, бравым молодцом.

Ой разыгрался, да он расплясался
Под удалым, бравым молодцом.
Ой кабы кто бы да этого знал бы,
Этот сон бы отгадал.

Ох кабы кто бы да этого знал бы,
Этот сон бы отгадал.
Ой отозвалася старая старушка,
Родная маменька была моя.

Ох отозвалася старая старушка,
Родная маменька была моя.
«Ой его нечего гадати,
Его можно так и рассказать.

Ох его нечего гадати,
Его можно так и рассказать.
Ой а тебе-то, мой сыночек,
Быть убитому.

Ох а тебе-то, мой сыночек,
Быть убитому,
Ой а твому-то коню вороному
Быть подстреленному.

Ох а твому-то коню вороному
Быть подстреленному.
Ой а жене-то твоей молодой
Быть ей вдовушкою».

№ 42

Ой на гори жнецы жито жнут,
А по-пид горою яром-долыною казаки идут,
Эй долыною, эй широкою казаки идут.

Попереди Дорошенко
Ведэ свое вийско, вийско запорожско, хорошенько,
Эй долыною, эй широкою, хорошенько.

А позади Сагайдачный,
Шо променяв жинку за тютюнь, за люльку неудачно,
Эй долыною, эй широкою, неудачно.

«Сагайдачный, ты вернися,
Возьми свою жинку, отдай мою люльку, не журыся,
Эй долыною, эй широкою, не журыся».

«Мэни, мэни с жинкой не возиться,
А тютюнь да люлька казаку в дорозе пригодится,
Эй долыною, эй широкою, пригодится.

Кто там, кто там в лесе, отзовися,
Да выкресим о́гня, да закурим люльку, не журыся,
Эй долыною, эй широкою, не журыся».

№ 43

Не дорого наше пиво пьяное,
Ой да дорогая наша пир-беседушка,
Беседа наша смиренная,
Ой все смиренная, беседа смиренная.
И-ой во беседе-то сидят люди все,
Люди они хорошия, ой все хорошия.
И-ой у них речь-то ли зашла
Во етой беседушке
Про матушку каменну Москву.
Ой отчего же ли она, ета каменна Москва,
Она только загоралася,
Ой загоралася Москва.
Загоралася Москва
Ой да не от ветру ли она,
Было ли не от ветру то ль,
Ой солнышка красного,
Солнца красного, солнца красного.
Ой да загоралася она
От молодой вдовушки,
От горькой сиротушки,
Ой все сиротушки.

Ой да выходила ли она,
Молодая вдовушка,
За пороховы ходы,
Ой все за выходы,
Всё за выходы.
Ой да выносила ли она,
Молодая вдовушка,
Свечу воску ярова,
Ой воску ярова свечу,
Воску ярова свечу.
Ой уронила ли она,
Молодая вдовушка,
Она только огню искору,
Ой огню искору,
Только огню искору.
Ой от того же ли она,
Ета каменна Москва,
Она только загоралася,
Ой загоралася Москва.
Загоралася Москва
От молодой вдовушки,
От горькой сиротушки,
Все сиротушки.

№ 44

Ой да во святой-то ли Руси,
Эй да во святой-то ли Руси
Было в каменной Москве,
Было в каменной Москве,
Было в каменной-то ли Москве,
На часах казачок стоял,
Крепко призадумался, крепко призадумался.
Ой да призадумался казак, слезно призаплакался.
Слезно призаплакамши, во правой-то руке
Держал шашку вострую, держал шашку вострую.
Ой да во левой ли руке держал строевую ружье,
Держал строевую ружье.
Ой да как ударил казак во мать во сырую землю,

Во мать во сырую землю:
«Ты рассыпься, да разойдися, мать-сыра земля,
Да ты мать-сыра земля.
Ой да разойдись, да ты разойдись, да ты раскались,
Да ты гробовая доска, да ты гробовая доска.
Ой да ты восстань да поднимись, да ты родна матушка,
Ой да родна матушка, душа Катеринушка.
Э-ой да родна матушка, душа Катеринушка,
Ой да без тебя, родна мать, жизнь похужела».

№ 45

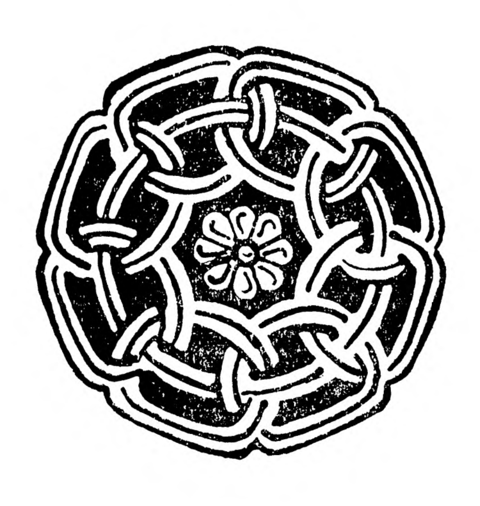
Не под славным было городочком,
Было, братцы, под Виндером.
Собиралися они, соезжалися
Не сламные они казаченьки.
Они билися, братцы, рубилися
С утра, день до вечера,
Они осеннюю темную ноченьку,
Они до белой зари.
Что ни грех от, то беда,
Что у нашей армеюшки
Несчастьице у них сочинилося,
Как убили у той нашей армеюшки
Славного у нас урядничка,
Как убил-то его хивинец молодой,
Попадал-то его в белы груди.

№ 46

Вечер поздний, непогожий,
По ущельям и скалам
Ветерок веял холодный,
Шел дождь со снегом пополам,
Ветерок веял холодный,
Шел дождь со снегом пополам.

Той дорожкой проезжали
На полк братцы-казаки,
Бурки черные мелькали
И белелись башлычки.
Бурки черные мелькали
И белелись башлычки.
Вдруг догнал казак с приказом,
Он догнал и передал,
Чтоб в морозы сотню разом
Шиштопинский полк собрал,
Чтоб в морозы сотню разом
Шиштопинский полк собрал.
Мы собрались перед светом,
Не прошла ночная тьма,
Только с вечеру с рассветом
Наш полковник Маломат,
Только с вечеру с рассветом
Наш полковник Маломат.
Турки все беспечно спали,
Им не снилося во сне,
А проснувшись, увидали,
Очутилися в плену,
А проснувшись, увидали,
Очутилися в плену.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

№ 47

Уж ты сад, да мой сад,
Сад зелененький,
Почему ж ты, мой сад,
Призасох, призавял?
Ты далече, мой миленький друг,
Ой да собираешься?
Ты со всеми людьми,
Друг, прощаешься,
А со мной, молодой,
Все ругаешься.
Не ругай, не брани,
Ты прощай, ой да,
Скажи: «Милая, прости!
Раскрасавица моя,
Красота твоя, ой да,

Мне очень нравится.
Ой да разлучается,
Разлучила, развела
Чужа, дальня сторона.
На чужой стороне
Все цветы расцвели,
А на нашей стороне
Все бугры да пески».

№ 48

Да девушка да по садичку ходила,
Да девушка да крапивушку жала,
Будто кажется немножечко нажала,
Да будто бы ли я да ни с кем не стояла.
Да толечко стояла с возлюбленным со дружком,
Да речинки я д говаривала:
«Ой да миленькай мой, возлюбленнай ты мой,
Слышала я про твое несчастье,
Да будто ты идешь да на службицу дальну.
Да миленькай ты мой, возьми меня с собой,
Да назови меня сестрицею родной».
«Да какая жа ты да ты глупая жа девица,
Да все-то в полках полковнички все знают,
Да все-то старшие старинушки все знают,
Да что нет да сестрицы-девушки,
А есть у меня молодая жена».

№ 49

Последний нонешний денечек
Гуляю с вами я, друзья,
А завтра рано чуть светочек
Заплачет вся моя семья.

Заплачут братья мои, сестры,
Заплачут мать, отец родной,
Еще заплачет дорогая,
С которой три года гулял.

Гулял я с вечера до ночи,
А с ночи до бело́го дня.
И вот коляска подкатилась
К мому парадному крыльцу.

С коляски голос раздается:
«Готовьте сына своего».
Крестьянский сын давно готовый,
Семья вся замертво лежит.

А жены, жены снаряжены,
Готовы мужа проводить,
А сумка, сумка с сухарями
Давно уж за спиной висит.

№ 50

Грусть, досада, печаль одолела,
Не могу ее снести,
Куда служба молодца отзывает,
Туда должен я идти.

Должен да должен я непременно
Сказать: — Милая, прощай!
Ты прощай, прощай, моя милая,
Прощай, жизнь, радость моя.

Жизнь проходит она поневоле
Молодому казаку.
Я бы счастья себе пожелал бы
Иметь крылышки себе.

Я бы взвился, полетел бы
К государушке своей,
Уж я сел да посидел бы
На ее правом плече.

Целовал бы, миловал бы
В ее сахарны уста,
Расспросил бы да разузнал бы
Про ее житье-бытье.

Рассказал бы да расписал бы
Про свою дальнюю службу.

№ 51

Полно вам, снежочки, на талой земле лежать.
Полно вам, казаченьки, горе горевать.
Есть у нас, ребята, крупа и мука,
Кашицы наварим, мягких хлебов напечем,
Сложимся по денежке, пошлем за винцом.
Выпьем мы по рюмочке, позавтракаем,
Выпьем по другой, разговоры заведем,
Выпьем мы по третьей, с горя песни запоем.
Мы поем, поем про казачье житье,
Казачье житье право лучше всего.
Ходя поедим, стоя выспимся,
Встанем поутру, росой умоемся.
У казака домик — черна бурочка,
Жена молодая — винтовочка.
Вздумаю про женку — на винтовку погляжу,
Чтоб она была чисто смазанная,
Мелким порошочком заряженная,
Нашему начальничку показанная.

№ 52

По-над лесом лежит шлях доро... гей, шлях дороженька,
Ой да широкая, пылью приуби... ой приубитая,
Широкая, пылью приуби... гей, приубитая,
Ой да слезоньками она приули... ой приулитая,

Слезоньками она приули... гей, приулитая.
Ой да никто по ней, братцы, не проха... ой не прохаживал,
Никто по ней, братцы, не проха... гей, не прохаживал.
Ой да только шло, прошло по ней три полка, ой три полка казаков.

№ 53

Любим драться мы с врагами,
Пуле пулей отвечать,
И за яркими кострами
На биваках пировать.

Припев:

Пей, друзья, покуда пьется,
Пей, ума не пропивай,
И покуда сердце бьется,
О врагах не забывай.
Трай-ля-ля-ля,
Трай-ля-ля-ля,
Трай-ля-ля, ля-ля-ля.
И покуда сердце бьется,
О врагах не забывай.

Любим шумное веселье,
Да за чашей круговой
Любит чашу в час безделья
Казаченька строевой.

Припев.

Может, завтра в чистом поле
Громы битвы прогремят,
Ядра с шумом, пули с свистом
К нам в траншеи полетят.

Припев.

Может, завтра с поля битвы
Нас на бурках понесут,
Но друзья, за чашей стоя,
Нас со славой помянут.

Припев.

№ 54

Ты, неволюшка моя,
Проневолила предобра молодца
Распрекрасна кавказска землюшка.
Тут ишел, прошел полка гребенской казак.
Попереди едет молодой майор,
Майор едет да он.восхваляется.
Под ним коник да он спотыкается.
«Почему ж ты, конь мой, спотыкаешься?
Или сбруя на тебе чижелая?
Или надоела тебе царска службушка?»

№ 55

Сторона ты моя, вот моя сторонушка,
Сторона моя чужая, все чужая.
Я не сам-то зашел на тебя, сторонушка,
Не сам я зашел, заехал.
Занесла-то меня, раздоброго молодца,
Занесла меня неволя, все неволя.
Вот неволен я был, молодец, во кручинушке,
И во кручине да никто про мою кручинушку,
Никто про нее не знает, все не знает.
Что ни брат, ни сестра, уж родная матушка,
Ни брат, ни старша сестра.
Только знает одна вот моя сердечушка,
Знает сердце ретивое, ретивое.

№ 56

Не орел под облаками
Высоко летает,
Там стандарт над казаками
Гордо, гордо развевает,
Там стандарт над казаками

Гордо, гордо развевает.
С ним казак несокрушимый
Бури не боится,
Он привык неутомимый
По сте... по степям носиться,
Он привык неутомимый
По сте... по степям носиться.
Головы не преклоняет
Конь его ретивый,
С седоком, как вихрь, летает,
Разве... развевает гривой,
С седоком, как вихрь, летает,
Разве... развевает гривой.
Нипочем ему мороз трескучий,
Нипочем бураны,
Что ему песок сыпучий
Или, или ураганы,
Что ему песок сыпучий
Или, или ураганы.
Слышим песню роковую,
Он зовет нас к бою,
За народ, за Русь святую
Ляжем, ляжем головою,
За народ, за Русь святую
Ляжем, ляжем головою.

№ 57

«О чем, служивый, призадумал,
О чем болеешь, удалой?
Иль тебе служба надоела,
Иль заболел твой добрый конь?»
«Мой конь болезни не боится,
Копытом грозно землю бьет,
Ему на месте не стоится,
Весел он, громко ржет».
«Скажи, служивый, здесь нас двое,
Скажи, в кого ты влюблен был,
Или в девчонку, иль в молодку,
Или в красотку молоду?»

«Я не в красотку, не в девчонку
И не в молодку молоду,
Люблю страну свою родную,
Летел бы я душой туда.
Во той сторонке есть избушка,
Во той избушке мать моя».

№ 58

Из-под горки все туман, все туман,
Из тумана серый конь, серый конь,
На коне-то командир наш боевой, боевой.
Он скомандовал: «Казаки, все за мной, все за мной!»
Ведет сотню казаков за собой, за собой:
«За мной, братцы, не робей, не робей,
Опрокинем всех врагов поскорей, поскорей!»

№ 59

Седлайся вновь, конь верный мой,
Затеем снова жизнь степную,
Мне уж постылел дом родной,
Я в нем безмолвно лишь тоскую.

Слыву наездником лихим,
Меня зовут Ходжи-Омаром,
И шашкой-лезвием крутым
Не рассекал я воздух даром.

Земли не заливал свинцом,
На ветер пороху не тратил,
Не мчался робким беглецом,
Но вечно с недругом не ладил.

Один бог вспомнит обо мне.
И я уйду в степя широки
На кабардинском скакуне.
В раздумьях дум я был глубоких.

№ 60

Как во тереме, как у нас во тереме,
Как у нас во высоком тереме,
Ой лели, лели да лелюшки,
Там стояли, там стояли,
Там стояли столы новые,
Ой лели, лели да лелюшки,
Столы новые дубовые.
Шитье скатерти разостланные,
Ой лели, лели да лелюшки,
Скатерти разостланные,
Бутылочки расстановленные.
Ой лели, лели да лелюшки,
Стаканчики походя говорят,
Винтовочки разговаривают,
Ой лели, лели да лелюшки,
Винтовочки разговаривают,
С тобой, Саня, речь ведут.

№ 61

Ой да как за речкой, за рекой
Жил да й гусарик молодой.
Камыш-травушку рвал,
На огонечек раскладал,
Ключевую воду грел,
Свои да раны промывал.
«Да уж вы, да мои раны,
Раны да вы бо́льные,
Ой да вы кровью сошли,
К мому да сердцу подошли».
Да стал да казак умирать,
Стал да коню приказывать:
«Уж ты, конь, мой конь,
Друг-товарищ дорогой,
Да отвяжися, мой конь,
От березоньки сухой.

Да й бежи ж ты, мой конь,
Конь по дороженьке столбовой.
Да не давайся, да мой конь,
Неприятелю мому,
А ты да дайся тому,
Кто близко к сердцу мому,
Отцу, матери родной.
А жене-то моей
На словах расскажи:
Хочет — замуж идет,
Хочет — вдовушкой живет».

№ 62

Уж мне, матушка, да ой мне, сударушка, грустненько,
Ой ли уж мне есть и пить не хочется.
Мне гульба на ум не идет,
Мне гульба на ум не идет,
Лишь сердечный дружок со ума не идет,
Со ума не идет, ой со крепкого моего разуму,
Моего разуму, ой со крепкой моей со думушки, думушки.
Уж я выйду, млада, на свое красно крылечко,
Посмотрю я вдоль по улице в конец,
Вдоль по улице в конец.
Да ведь все да братья, друзья, товарищи,
Они только из походу идут, из походу идут,
Ой моего дружка коня ведут, вот коня ведут.
Ой в тороках они рубашечку,
Да ой ведь рубашечку кровавую несут,
Да боевую да кровавую, вот кровавую.
Ой да велел миленький, приказывал,
Честь-лестью милый уговаривал, уговаривал,
Да ой велел вымыть эту рубашечку
Ой не на речке ее не на Тереке, не на Тереке,
Да ой велел вымыть эту рубашечку
Горючими слезами да сиротскими, да сиротскими,
Велел высушить эту рубашечку
Не на ветре, не на солнышке, не на солнышке,
Да ой велел сушить эту рубашечку
На своих грудях ее сиротских.

№ 63

Вы, туманушки, что сподымитися
Ой да выше леса темного,
А-а-а-а леса темного да,
Ой да что выше морюшка,
Ой да моря синего,
Да что выше садичка,
Ой да сад зеленого, сад зеленого.
Да что мне малым-то ли спалося,
Во сне много виделось,
Во сне много виделось.
Да что будто я-то
Лежу-то во дикой степи,
Во дикой степи,
Во крумской земле да,
Во крумской земле.
Будто я лежу да,
Ишо и головушка моя да
Прочь отрубленная да,
Прочь отрубленная да.
Ишо скрость те рубашек моих да,
Скрость те частыих,
Скрость те частыих-то
Порастала ли трава да,
Ишо порастала ли трава да,
Трава шелковая,
Трава шелковая да.
Ишо расцветали ли цветы да,
Цветички лазоревыя.

№ 64

Жала, жала бабеночка
Шелковую траву,
Она жала, мужа ждала.
Ложилася спать одна.
Поутру рано вставала,
Известия получала:
Умер, умер казаченька
Своей скорой смертью.
Тело несут, коня ведут,

Конь голову клонит.
Клони, клони, конь, голову
До самого гроба.

№ 65

Как на горке жито,
Под горою быто.
Под белою под березой
Казачок убитый,
Под белою под березой
Казачок убитый.
У этого казаченьки
Нет отца, ни матери,
У этого казаченьки
Нет отца, ни матери.
Некому по нем жалковати,
Головку связати,
Некому по нем жалковати,
Головку связати.
Приходит девчонка
С черными бровями,
Приходит девчонка
С черными бровями.
Она по нем жалковала,
Головку связала,
Она по нем жалковала,
Головку связала.
Другая такая,
Совсем не такая,
Другая такая,
Совсем не такая.
Приподняла китаечку
Да и по краечку
Да поцеловала.

№ 66

А еще что сестра а та ли братца,
От братца встречала,
Еще за повода коня,
Ай да коня принимала.
Еще что сестра та ли братца,
Братца встречала,
Я да братца встречала,
Еще за дубовые столы
Сестра братца сажала.
Еще что брату я сестра,
Братцу расстилала,
Зеленого вина
Сестра братцу наливала.
Еще сестра-то братца спросила:
«Братец ты мой родимый,
Сродничек приближенный,
Какова тебе, мой братец, служба,
Служба зимовая?»
«Зимовая служба—коню корма нету,
А мне, молодцу, кручина.
А весновая служба — коню корма
много,
А мне, молодцу, веселье».

№ 67

«Ты, верба моя, верба,
Верба листовая,
Ты, верба моя, верба,
Верба листовая.
Ты, верба, верба, росла,
Когда выросла?
Ты, верба, верба, росла,
Когда выросла?»
«Я весною взошла,
Летом выросла,
Я весною взошла,
Летом выросла».

Вырастала верба
На крутые берега,
Вырастала верба
На крутые берега.
На крутые берега,
На зеленые луга,
На крутые берега,
На зеленые луга.
Там стояла молода
Вплоть до вечеру одна,
Там стояла молода
Вплоть до вечеру одна.
Ожидала молода
Из походу казака,
Ожидала молода
Из походу казака.
Постучит, погремит
Молодушечка,
Постучит, погремит
Молодушечка.
И стучит, и гремит
По дороженьке,
И стучит, и гремит
По дороженьке
Моя душенька.

№ 68

Над озером чаечка вьется,
Ей негде, бедняжечке, сесть.
Слетай ты в Кубань, край далекий,
Свези ты печальную весть.
Во лесах во дремучих
Наш полк, окруженный врагом,
Патроны у нас на исходе,
Снарядов давно уже нет.
А там под кустом под ракитой
Наш терский казак умирал,
Накрытый он серой шинелью,
Тихонько он что-то шептал:

«Прощайте, папаша, мамаша,
Прощайте вы, верные друзья,
Но помочи нет ниоткуда,
И здесь мне придется умереть.
Слетайтеся чайки над морем,
Снесите печальную весть».
А дома отец во кручине,
И с ним, пригорюнившись, мать,
И с ними жена молодая,
Качает детей на руках.
Как вырастут детки-сиротки
И спросят, где наш отец,
А мать со слезами отвечает:
«Отец ваш убит на войне.
В могиле никто не узнает
Защитника русской земли».

№ 69

«Куда летишь, кукушечка, ку-ку,
Куда летишь, кукушечка?
Ку-ку, ку-ку-ку-ку, ку-ку-ку-ку».
«Лечу, лечу, куда схочу, ку-ку,
Лечу, лечу, куда схочу,
Ку-ку, ку-ку-ку-ку, ку-ку-ку-ку.
Лечу, лечу я в темный лес, ку-ку,
Лечу, лечу я в темный лес,
Ку-ку, ку-ку-ку-ку, ку-ку-ку-ку.
А в том лесу есть зеленай сад, ку-ку,
А в том лесу есть зеленай сад,
Ку-ку, ку-ку-ку-ку, ку-ку-ку-ку.
А в том саду есть горница, ку-ку,
А в том саду есть горница,
Ку-ку, ку-ку-ку-ку, ку-ку-ку-ку.
А в горнице есть светлица, ку-ку,
А в горнице есть светлица,
Ку-ку, ку-ку-ку-ку, ку-ку-ку-ку.
А в светлицы есть девица, ку-ку,
А в светлицы есть девица,
Ку-ку, ку-ку-ку-ку, ку-ку-ку-ку.

Эта девица есть изменница, ку-ку,
Эта девица есть изменница,
Ку-ку, ку-ку-ку-ку, ку-ку-ку-ку.
Вчерась клялась та й божилася, ку-ку,
Вчерась клялась та й божилася,
Ку-ку, ку-ку-ку-ку, ку-ку-ку-ку.
А нонича ты не так поешь, ку-ку,
А нонича ты не так поешь,
Ку-ку, ку-ку-ку-ку, ку-ку-ку-ку».

№ 70

Парень холост, не женат
По саду гуляет.
Парень по саду гулял,
Всю и травушку примял,
Муравушку притоптал,
Где окошечки низки,
Переулки узки,
Где было бы постоять,
Сударушку целовать.
Постоял бы я подольше,
Я живу в неволе,
Вошел бы я в горенку,
Девушек не смею,
Промолвил бы словечушку,
Верно, не умею.
С тоски-грусти девонюшка —
Полны груди на кровать,
Стала плакать и рыдать,
Любезного вспоминать:
«Спородила меня мать,
Не дала мне доли,
Только дала мати доли —
Одни черны брови.
Да мне горе со бровями,
Горе со черными».

№ 71

И-ей ты темная, ты осенняя,
Ноченька ты глухая.
Ты глупая, неразумная да девчонка
Полюбила да молодчика да бравого.
Да взяла его за рученьку пьяного,
А повела его да во горницу да во темную,
Ох посадила на тесовую да на кровать,
А сама пошла во зелененький сад гулять,
Да забыла да соловьюшку приказать:
«А ты соловьюшек — перелетна пташечка,
А ты не пой, не пой поутру рано на зарю,
Ох и не буди ты моего милого пьяного.
А он спить не спить, да шелко́вую плеть плететь,
Как эта плеточка да шелкова».

№ 72

Посадила калинушку
На крут бережок.
«Ты стой, расти, калинушка,
Расти, не шатайся,
Живи, моя сударушка,
Живи, не печалься.
Придет тоска-кручинушка,
Пойди разгуляйся,
Пойди, пойди разгуляйся,
С милым повидайся».
Прислал милый поклон верный,
Коня вороного,
Коня, коня вороного,
Седелице ново.
На седелице попона
Зеленого шелку.
Гребенского полку,
Щедринской станицы
Купил ноговицы.

№ 73

Я сегодняшнюю темную ноченьку,
Младешенька, мало спала,
Ой мало спала, мало спала.
Да по новым сеням да я по решетчатым
Всю ноченьку проходи... ой проходила.
Проходила, да на правой руке да я ясного сокола
Да я, младешенька, проноси... ой проносила.
Проносила, да ко белой заре
Да я ко рассветичку, да младешенька,
Чуть засну... ой чуть заснула.
Чуть заснула да со правой руки
Да я ясного сокола да его
Да я выпусти... ой выпустила.
Выпустила, да выпустивши самого сокола,
Да теперь его не пойма... ой не поймаю.
Не поймаю, да громким голосом я ему кричала да,
Мой миленький ой не слыши... ой не слышит.
Он не слышит да, правой рученькой я ему бросала,
Да мой миленький он не види... ой он не видит.
Он не видит, да ретивым сердцем да я воздохнула да,
Мой миленький оглянулся, ой оглянулся,
Оглянулся да со пути,
Да мой друг со... со дороженьки ко мне.
Миленький, он верну... ой он вернулся,
Он вернулся да не я со мною,
Да он с младененькой да со мною,
Милый, он прости... ой он простился.
Он простился, да как прощался,
Белая рыбица да в море она со водо... ой со водою.
Со водою да, да я так же, мой друг разлюбезный,
Со мной да он с молодой, да я с молодой.
С молодою да, я пойду, пойду да я молодешенька да,
Пойду я вдоль база... ой вдоль базару,
Вдоль базару, да я куплю, куплю,
Да я молодешенька да куплю
Гербой лист бума... ой все бумаги,
И бумаги, да я спишу, спишу да я гористую да милого
Да я лицо бе... ой лицо белу,

Лицо белу, да я прибью, прибью да я молодешенька да,
Прибью в горнице на сте... ой все ю на стенку.
Все на стенку, да как стомнится да мне молодешеньке да,
Сниму его, поцелу... ой поцелую.

№ 74

Зазноба, зазнобушка,
Зазноба моя,
Зазнобил сердечушку
Свою и мою.
Невозможно моему сердцу
Без печали жить,
Да кто кого верно любит,
Нельзя не тужить.
Любила я своего дружка,
Лучше его нет,
Стала расставаться я,
Не мил белый свет.
Со горя я, со кручины
Пойду, млада, в лесик я,
Пойду, млада, в лесик я,
Разгуляюся,
Со милым со дружком
Повидаюся.
В лесу да у веточек
Листочки шумят,
Всяки деревечушки
Печально стоят.
Печально стоят
Да печально говорят,
Уж мне, красной девушке,
Сушиться велят.
Сушит-крушит девонюшка
По милому дружку,
По милому дружку,
По сердешному.

№ 75

Все бы я в трубеньку трубила,
Все бы с милым говорила.
«Кавалер мой, кавалер мой,
«Кавалер мой, кавалер мой,
Кавалер мой чернобровый,
Кавалер мой чернобровый,
Чернобровый, чернобровый,
Чернобровый, чернобровый,
Чернобровый, черноглазый,
Чернобровый, черноглазый,
Не садися, не садися,
Не садися, не садися,
Не садися против меня,
Не садися против меня.
Люди скажут, люди скажут,
Люди скажут, люди скажут,
Люди скажут: любишь меня,
Люди скажут: любишь меня,
Если любишь, если любишь,
Если любишь, так любися,
А не любишь, а не любишь,
А не любишь, а не любишь,
А не любишь, откажися,
А не любишь, откажися.
Уж я роду, уж я роду,
Уж я роду, уж я роду,
Уж я роду не простого,
Уж я роду не простого,
Не простого, не простого,
Не простого, не простого,
Не простого, княжеского,
Не простого, княжеского».
Княжески сын, княжеский сын,
Княжески сын, княжеский сын,
Княжеский сын роль играет,
Княжеский сын роль играет.
Он играет, он играет,
Он играет, он играет,

Он играет, забавляет,
Он играет, забавляет,
Забавляет, забавляет,
Забавляет, забавляет,
Забавляет красну девицу.

№ 76

Ой да голубь, ты да мой голубочек,
И-ой уж ты сизонькой ты мой,
Ой сизокрылай воркуночек,
Сизокрылай воркуночек.
И-ой да али ты же, мой голуб,
Почто в гости, в гости ко мне не летаешь,
В гости ко мне не летаешь?
И-ой да али ты же, мой голуб,
Горя моего не знаешь?
Ой да али буйные ветры,
Ой буйные ветры не доносят,
Буйные ветры не доносят,
Али сильные дожди крылья мочут?
Ой да прилетай, мой голуб,
Ой как с вечеру ко мне позднешенько.
С вечеру ко мне позднешенько.
И-ой уж ты сядь ко мне, мой голуб,
Над моей спальной окошки,
Над моей спальной окошки.
И-ой да прокукуй, проворкуй
Да ты мне жалобненько.

№ 77

Как в Червленном жила-была вдовушка,
У вдовушки дочь хорошая была,
Лицом бела и румяна, как заря.
К этой Дуне офицерик стал ходить,
Стал Дуняше таки речи говорить:

«Возьми, Дуня, рублей двести от меня,
Только, Дуня, согласись любить меня».
Дуня-роза, Дуня умная была,
Она ему ответ такой отдала:
«Я казачка, я простая для тебя,
Честь велика дорогая для меня.
Не ходи, подлец, по улице моей,
Не считай меня любовницей своей».
«Буду, буду я по улице ходить,
Тебя, подлую, на слезы наводить».
«Я со тех слез пойду я в темный лес,
В темном лесе и травушка не растет,
На травушке алы цветы не цветут».

№ 78

«Селезень мой, селезень,
Почто же ты, а ты селезень,
Невеселенький сидишь?»
«Ой да как же мне, селезню,
Веселому да мне быть?
Ой с вечеру позднешенько
Утица со мной была,
А поутру ранешенько
Слышу — подстреленная.
И вой не жалко подстрелена
Если на воде,
И вой а жалко подстрелена
На шелковой траве».
И вой травушка-муравушка,
Лазоревыя цветы.
И вой как во етих цветичках
Разбит бел шатер,
Вой под шотричком
Расстелен бел ковер.
Вой как на етим ковричке
Стоял столик дубовый,
Вой за етим столиком
Сидел парень молодой.
Вой почто жа а ты, молодец,

Невеселенький сидишь?
«Вой да как же а мне, молодцу,
Веселому быть?
Вой с вечеру позднешенько
Девица со мной была,
А вой поутру ранешенько,
Слышу — просватанная.
Не жалко, просватана
Если девка за меня,
А жалко, просватана
Она за злодея моего».

№ 79

Светит месяц, светит ясный,
Да стал месяц промеркать.
Да-й-ой любил парень да он девчоночку,
Да стал парень девку спокидать.
«Да-й-ой вспомни, моя любезная,
Вспомни прежнюю нашу любовь,
Да-й-ой как мы с тобой, моя любезная,
Да-й-ой как мы с тобой погуливали,
Да-й-ой все темныя осенния ноченьки
С тобой не сыпывали,
И-да-и-ой все тайныя, секретныя реченьки
С тобой говаривали».
«Да-й-ой тебе, друг мой, не жениться,
А мне, девке, замуж не идти.
И-да-и-ой женись ты, мой разлюбезнай,
А я сама девка замуж пойду».

№ 80

Офицерик молодой,
Под ним коник вороной,
Да весь уборик золотой.
Перед ним стоит девчонка,
Улыбается да усмехается.

«Ты здорова, кумушка,
Здорова, голубушка,
Здорова, красавица?»
«Сама собой здорова,
Да болит моя голова.
Чем головушку лечить,
Ой болит, болит,
Я не знаю, как мне быть,
Чем головушку лечить.
Пойду я во полюшку,
Сорву травки, горошку,
Попарю головушку.
Я парила ее, парила,
Ее пар и не берет,
Ее пар и не берет,
Бог здоровья не дает.
Нарублю я сырых дров,
Затоплю я печку вновь,
Затоплю и подожгу,
Сама по воду пойду
На самую на реку.
Как на самой на реке
Гуси-лебеди сидят,
Глубоко воду мутят.
Размахну я широко,
Зачерпну я глубоко.
Уж ты, Ванька Лебедин,
Подойди ко мне один,
Я бы рада тебя поднять,
Да со страны люди глядят,
Хочут Ванюшку поднять».

№ 81

Очи голубые,
Как вы хороши,
Очи огневые,
Как вы хороши!
К вам ли, прелесть-очи,

Мысль летит моя
И во мраке ночи,
И при свете дня.
Когда повстречаюсь,
Взглянет дорогой,
Сердце заиграет
Радостью живой.
Есть у ночи звезды,
А в лузьях — цветы.
Ах вы, милы очи,
Как вы хороши!

№ 82

Я по цветикам ходила,
Я по аленьким,
Я по цветикам ходила,
Я по аленьким,
Не нашла цвета я алого
Супротив своего милого,
Не нашла цвета я алого
Супротив своего милого.
Да мой милый друг хорош,
Чернобров душа, пригож.
Чернобров душа, пригож,
Подарочек мне принес,
Подарочек дорогой,
С руки перстень золотой,
Подарочек дорогой,
С руки перстень золотой.
Мне не дорог твой подарок,
Дорога твоя любовь,
Мне не дорог твой подарок,
Дорога твоя любовь.
Не хочу перстень носить,
Лучше скинуть, положить,
Не хочу перстень носить,
Лучше скинуть, положить.
Буду так тебя любить,
На кроватушку ходить,

Буду так тебя любить,
На кроватушку ходить,
На кроватку тесовую,
На перину пуховую,
На кроватку тесовую,
На перину пуховую.
Сколь до вечера мой милый
Убирается,
Во которую сторонку
Снаряжается.
Во которую сторонку
Снаряжается,
Во козловые сапожки
Обувается.
Во козловые сапожки
Обувается,
Коноватую шубу
Надевает на себя,
Коноватую шубу
Надевает на себя.
Давай сядем, посидим,
Друг на друга поглядим,
Давай сядем, посидим,
Друг на друга поглядим.
Куда речушка течет,
Туда милый мой идет,
Куда речушка течет,
Туда милый мой идет.

№ 83

«Да какой ты мой друг,
Когда любишь всех подруг?»
«Я б тебя бы не любил,
Гулять с тобою не ходил,
Гулять с тобою не ходил да,
Алы цветочки не рвал,
Алы цветочки не рвал

И веночки не плетал».
Задумаю, загадаю,
За что милый любит,
Да за что ж милый любит,
За что ж почитает.
Не я девка, не я красна,
Не я черноброва,
Только я красна девица
С личику беленька,
Я со личику беленька,
Хожу веселенька.
У мово ли у милого
Три сада зеленых.
Во первом во садочке
Росла трава-просо.
Да за то ж милый любит,
Что я сердцем про́ста.
Во втором во садочке
Росла трава-мята.
Да за то ж милый любит,
Что я не богата.
Во третьем во садочке
Росла трава-лебеда.
Да за то ж милый любит,
Что не ябеда.
У богатой, у проклятой
Три ноченьки ночевал,
У бедненькой у меня
Одну ночку простоял.
Одну ночку ночевал,
На рученьке пролежал.
Права рученька твоя,
Верно любишь ты меня.
«Я бы тебя не любил,
Гулять с тобой не ходил,
Гулять с тобой не ходил,
Алы цветички не рвал,
Кому шубку, кому юбку,
Кому бумажные чулки».

№ 84

Катись, катись, яблочко,
Куда котишься,
Отдай меня, маменька,
За кого мне хочется.
Ой да не за старого,
Не за малого,
Ой да за казаченьку
Разудалого.
Ой да мне за старым жить —
Сухота моя,
Ой да за казаком жить —
Красота моя.

№ 85

На заре было на зореньке,
На заре было на утренней.
Там девчонка коровушку доила,
Скрозь платочку молочко цедила,
Процедивши, душу Ваню поила,
Напоивши, уговаривала:
«Не женись, душа Ванюшка,
Когда женишься, переменишься,
Да между девок, между баб молодых,
Между вдовушек-молодушек».

№ 86

Ой, дубочек, мой дубочек,
Дубчик кучерявый.
Мальчишечка был кудрявый,
Словом, неприятный,
Мальчишечка был кудрявый,
Словом, неприятный.
Любил парень девчоночку,
Как голубь голубку,

Слова ее ласковые,
Хорошие думки.
Пролетала голубица
Во чистое поле,
Что во чистое поле,
Во синюю морю.
Летающи говорила:
«Вот горе мне, горе,
Да мне горе со бровями,
Горе со черными,
Нельзя, нельзя девонюшке,
На улицу девке выйти,
С людьми постояти,
Речи говорити».

№ 87

Ой, утушка моя луговая,
Ой, утушка моя луговая,
Ой люли, люли, люли, моя луговая,
Ой люли, люли, люли, моя луговая.

Авдотьюшка молодая,
Авдотьюшка молодая,
Ой люли, люли, люли, молодая,
Ой люли, люли, люли, молодая.

Так где ж ты была, ночку пробывала,
Так где ж ты была, ночку пробывала,
Ой люли, люли, люли, ночку пробывала,
Ой люли, люли, люли, ночку пробывала?

Пробывала ночку да я во лесочку,
Пробывала ночку да я во лесочку,
Ой люли, люли, люли, да я во лесочку,
Ой люли, люли, люли, да я во лесочку.

Под ракитовым кусточком,
Под ракитовым кусточком,
Ой, люли, люли, люли, под кусточком,
Ой, люли, люли, люли, под кусточком.

Донцы-братцы трое удалые,
Донцы-братцы трое удалые,
Ой люли, люли, люли, трое удалые,
Ой люли, люли, люли, трое удалые.

Ребятушки молодые,
Ребятушки молодые,
Ой люли, люли, люли, молодые,
Ой люли, люли, люли, молодые.

Разрезали себе по кусточку,
Разрезали себе по кусточку,
Ой люли, люли, люли, себе по кусточку,
Ой люли, люли, люли, себе по кусточку.

Да сделали себе по гудочку,
Да сделали себе по гудочку,
Ой люли, люли, люли, себе по гудочку,
Ой люли, люли, люли себе по гудочку.

№ 88

Волга-реченька глубока,
Прихожу я к тебе с тоской,
Мой сердечный друг, друг далеко,
Ты беги к нему волной.

Ты беги к нему, стремися,
Другу весть скорей снеси,
Как стрела, к нему спустися
И словечко донеси.

Ты скажи, как я страдаю,
Как я мучаюсь по нем,
Говорю — сама рыдаю,
Слезы катятся ручьем.

Дуют ветры, Волга стонет,
А я рвуся злой тоской,
Сердце ноет, ноет, ноет
И твердит: где милый мой?

Где мой милый, где отрада,
Где дружок мой дорогой,
Жить без его тогда я не рада,
Во слезах иду домой.

№ 89

Катя Катерина,
Купеческая дочь,
Где ж ты, Катя, ходишь
Всю темную ночь?
А поутру Катя
Ложилася спать,
А поутру к Кате
Приходила мать.
«Вставай, вставай, Катя,
Будет тебе спать,
Пришли пароходы,
Хотят Катю взять».
Один парход белый,
Другой — голубой,
Один матрос старый,
Другой — молодой.
«Садись, садись, Катя,
Поедем со мной».
Везут, везут Катю
Всю темную ночь.

№ 90

Скрылось солнце за веконцем,
Спал зеленый сад.
Пригласила девка парня
В садик погулять.
Расстелила белу простынь,
Сположила спать,

Сама села в край постели,
Зажурилася.
«Не журися, девка мила,
Ты ж будешь со мной.
Есть у ме́не бочка пива,
А друга — вина,
Есть у ме́не конь воро́ный,
Сбруя золота».

№ 91

Уж я с вечер свово дружка милого ай провожала,
А я его далеко, далеко.
А ишо поутру я жа рано вставала,
Ай убирала его хорошо.
Ай ишо до тех пор его провожала,
Ай где скончалась у нас с милым любовь.
А ишо с милым расставалась,
Сказала за ето ты какой жа
Мой верный любитель.
А ты хоть сделал сердцу мому вред,
А ты рассыпал жар по сердцу.
А из личика стало выступать,
Стала девица она плакать и рыдать.
«Да ишо ты о чем, девица, ты плачешь,
А о чем, красна девушка, ты слезы горьки льешь,
Слезы горьки льешь?»
«Как мне, девице, да не плакать,
Ай как мне, девушке, да мне слез горьких не лить?
Как один был зелен садочек,
Ай да и тот стал да и садик засыхать,
Был миленький дружочек,
Как один был милый дружочек,
Да и тот стал спокидать».

№ 92

Казак отъезжает,
А дивчина плачет:

«Куда едешь, казаче,
Казаче-соколик,
Возьмешь меня с собой?»
«На Украину далеку,
Ой далеку, девчоночка милая.
Что будем робыти
На Украине далекой?»
«Будем шити, пряти,
Зеленое жито рвати,
Твое сердце ой кохати».
«Девчоночка милая,
Что будем ести
На Украине далекой?»
«Сухари с водой,
Абы сердце с тобой,
Мы с тобою, ой казаче».
«Девчоночка милая,
Ой где будем спати?»
«На степу под вербою,
Абы сердце с тобою,
Мы с тобою, ой казаче».
«Девчоночка милая,
А что будем стлати
На Украине далекой?»
«Постелим мы бурку,
Полягаем мы в курку,
Мы с тобой, ой казаче».
«Девчоночка милая,
А чем будем укрываться?»
«Тебя укроет хмара,
А меня людская слава,
Мы с тобою, ой казаче».

№ 93

У бережка Дуная, Дуная, Дуная
Перевоз Дуня держала, держала, держала.
Эх роща, калина, темно, не видно,
Соловушки не поют,
Эх роща, калина, темно, не видно,
Соловушки не поют.

Пришел к Дуне батюшка, батюшка, батюшка:
«Первези меня, Дуняша, Дуняша, Дуняша».
Эх роща, калина, темно, не видно,
Соловушки не поют,
Эх роща, калина, темно, не видно,
Соловушки не поют.

А я его не узнала, не узнала, не узнала,
Перевозчика не наняла, не наняла, не наняла.
Эх роща, калина, темно, не видно,
Соловушки не поют,
Эх роща, калина, темно, не видно,
Соловушки не поют.

Пришла к Дуне матушка, матушка, матушка:
«Первези меня, Дуняша, Дуняша, Дуняша».
Эх роща, калина, темно, не видно,
Соловушки не поют,
Эх роща, калина, темно, не видно,
Соловушки не поют.

А я ее не узнала, не узнала, не узнала,
Перевозчика не наняла, не наняла, не наняла.
Эх роща, калина, темно, не видно,
Соловушки не поют,
Эх роща, калина, темно, не видно,
Соловушки не поют.

Пришел к Дуне милый друг, милый друг, милый друг:
«Первези меня, Дуняша, Дуняша, Дуняша».
Эх роща, калина, темно, не видно,
Соловушки не поют,
Эх роща, калина, темно, не видно,
Соловушки не поют.

А я его узнала, узнала, узнала,
Перевозчичка наняла, наняла, наняла.
Эх роща, калина, все стало видно,
Соловушки все поют,
Эх роща, калина, все стало видно,
Соловушки все поют.

№ 94

Белолица, круглолица, красная девица,
При долинушке стояла, калину ломала.
Я калинушку ломала, во пучки вязала,
Я в пучки ее вязала, в дорожку бросала,
Я в дороженьку бросала, друга возвращала:
«Воротись, моя надежда, воротися, сердце!
Не воротишься, надежда, то хоть оглянися,
Не оглянешься, надежда, махни черной шапкой.
Загадаю я загадку, изволь отгадати.
С чего кудри завивались, с чего развивались,
С чего кудри завивались, с чего развивались?
С радости-то кудри вьются, с горести секутся».

№ 95

Не сосенушка стоит над водою,
Да й над матушкой над быстрой рекою,
Да й над матушкой над быстрой рекою,
Не со света горит, вода подмывает.
На верхушечке сосны все пчелочки вьются,
На верхушечке сосны все пчелочки вьются,
А в мальчишечки все кудерцы вьются.
А в девчоночки все слезочки льются,
А в девчоночки все слезочки льются.
Не плачь, девица, да ты не плачь, красна,
Не теряй слезы, слезы понапрасно,
Не теряй слезы, слезы понапрасно,
Эти слезы тебе они пригодятся.
Отдадут девку в дальнюю деревню,
Отдадут девку в дальнюю деревню,
В дальнюю деревню, во большую семью.
Как большая семья будет нападаться,
Как большая семья будет нападаться,
Вот тогда девке слезы пригодятся.

№ 96

За лесом, за рощей, в зеленом саду,
Ох за речкой за быстрой, на том берегу,
За речкой за быстрой, на том берегу,
Ох там есть ручеечек с ключевой водой.
Там есть ручеечек с ключевой водой,
Ох там-то мы гуляли с миленьким весной.
Там-то мы гуляли с миленьким весной,
Ох там теперь тропинка заросла травой.
Там теперь тропинка заросла травой,
Ох там у горькой осинки мы расстались с тобой.

№ 97

Эх да разгуляйся, молодой молодчик,
Эх да разгуляйся, молодой молодчик,
Как твоя-то сила на свободу хочет,
Как твоя-то удаль вольной воли просит.
Разгуляйся ветром, расходись метелью,
Покажи ты удаль, покажи ты силу.
Эх играй звончее, эх спляши дружнее,
Чтоб у девок красных сердце защемило.
Чтоб твоей-то силе все удивлялись,
Чтоб тобой, красавцем, все любовались.
Ой гуляй, гуляй на воле, пока сердцу горячо.
Али с ума нейдет кручина лютая?
Аль все в душе зазнобушка, зазнобушка неверная?
Ой да ты тряхни, тряхни кудрями,
Ой да ты гуляй же, разгуляйся.
Ой гуляй, гуляй на воле, на честном народе,
Ой гуляй, ты гуляй, добрый молодец, гуляй,
Ой гуляй, гуляй, гуляй, гуляй, гуляй, гуляй!

№ 98

Потеряла, потеряла
Я свой голосочек,
Потеряла, потеряла
Я свой соловейный,
По чужим садам,
Садам летучи,
По чужим, чужим садам да летаючи,
Ой горьку ягоду клюючи,
Горькую ягоду,
Ягоду-калину,
Горькую ягоду,
Ягоду-калину.
Ой я по батюшке плачуши,
Ой я по родному плачуши,
Плачуши, плачуши,
Плачу вечерами,
Ой я по матушке
Утренней зарею,
Ой я по родной
Утренней зарею.
Ой по милому дружку плачуши,
По милому дружку по Ванюше,
Ой всю ноченьку
Да я не спала,
Ой всю темную
Да я не спала.

№ 99

Вьется птичка, сидя в клетке,
Жаль ей воли дорогой,
Лучше быть мне на зеленой ветке,
Чем мне в клетке сидеть золотой.
Клетка золотом горела,
Птичка прыгала по ней,
В ней пшеничка даже с водичкой
Все нетронуто стоит.
Вот летит другая птичка,
С удивленья говорит:

«Что ж ты, милый друг мой, приуныла,
Что ж ты песню не поешь?»
«Уж я пела да распевала,
Пела летом и весной,
А теперь же я в клеточку попала,
Потеряла свой покой».

№ 100

Соловей мой, пташка, что ж ты не весел,
Да й повесил головку, зерна не клюешь,
Повесил головку, ой зерна не клюешь?

«Да й клевал бы я зерна, да й зернышка нет,
Спевал бы я песню, да й голосу нет,
Золотая клетка ссушила меня».

Молода девчонка в саду гуляла,
В садочку гуляла, сделалась больна,
Гукала, кричала, доктора звала.

Идет, идет доктор, парень молодой.
«Скажи, скажи, девчонка, чем же ты больна?»
«Да й болят ручки, ножки, болит голова».

«Да й довольно, девчонка, доктора дурить,
Не пора ли тебе, девка, сына спородить,
Не пора ли тебе, девка, сына спородить?»

№ 101

Я пойду, млада, по солнышку,
Наберу хмеля по зернушку,
Наварю я пива пьяного,
Напою я мужа старого.
Напою я мужа старого,
Что за старого, ремнивого,
Что ремнивого, журливого.
Уж я выйду я на улицу,
Закричу я громким голосом:

«Уж вы люди, люди добрые,
Не видали, откель тучушка шла,
Не слыхали, откель гром прогремел?
Убил моего мужа старого,
Мужа старого, ремнивого,
Что ремнивого, журливого».

№ 102

Уж вы куры, ей да,
Куры да вы кочето... ой кочеточки,
Е-е-ой да золотые ей да, куры,
У вас гребешо... гребешочки,
Золотые ей да, куры,
У вас гребешо... гребешочки.
Э-ой да вы почто же да, куры,
Рано прокрича... прокричали,
Вы почто же ей да, куры,
Рано прокрича... прокричали,
Ий-ой да моему милому, куры,
Спать вы не дава... не давали?
Моему милому, куры,
Спать вы не дава... не давали?
Э-ой да как со вечеру милый
Да он кудри че... кудри чешет.
Как со вечеру милый
Да он кудри че.. кудри чешет.
Ой да со полуночи милой
Он гулять ухо... он уходит,
Со полуночи милой
Он гулять ухо... он уходит.
Ой ко белой заре милой
Он домой прихо... он приходит,
Ко белой заре милой
Он домой прихо... он приходит.
Э-ой да он стучит милой
Да он в око... в окошку,
Он стучит да мой милой
Он в око... в окошку.
«Ой да отворяй-ка, да жена,

Вот воро... вот вороти,
Ой да отворяй-ка, да жена,
Вот воро... вот вороти.
Ой да принимай-ка, да жена,
Да ты да мужа со добы... со добычей,
Ой да принимай-ка, да жена,
Да ты да мужа со добы... со добычей,
Ой да со добычей
Ой ты да от красной деви... от
девицы».

№ 103

Прошло лето, прошла осень,
Прошла весна красная,
Наступай-то злая время,
Мать холодная зима.
Да все речушки застыли,
Да и тропочки не текут.
Да все пташечки замолкли,
Соловьюшки не поют.
Одна пташечка запела
Да отлетела в темный лес.
Она села на кусточек,
Стала речи говорить:
— Вы послушайте, ребяты,
Что я буду говорить,
Не женитесь вы, ребяты,
Холостому легче жить.
Холостой ходит, гуляет,
Как сокол в поле летает.
Женатому, проклятому,
Ни в чем воли ему нет.
Куды хочет он пройтиться,
И жена с детьми тащится.
Продам юбку, продам таз,
Куплю милому тарантас,
Продам медные тазы,
Куплю милому часы.
Продам карточек десяток,
Куплю милому перчаток.

№ 104

Не заря ли моя зоренька,
Ой заря утренняя нахолодная,
Заря утренняя нахолодная,
Ой а мне маменька она неродная.
А мне маменька она неродная,
Ой мне неродная, она нежалостливая,
Ой поздно кладет,
Рано младу збуживает,
Рано младу збуживает.
Посылает рано младу по воду,
Посылает рано младу по воду,
Ой всю разутую, да ой всю раздетую.
Ой через матушкин да через батюшкин двор,
Через батюшкин да через матушкин двор.
Да он мой батюшка да на балконе стоит,
А мой батюшка на балконе стоит,
А моя маменька сквозь стеколице глядит,
Моя маменька сквозь стеколице глядит:
«Ой, не дитя ли, моя детинька,
Чадо мое милое?»

№ 105

Выйду за ворота,
Выйду за новые,
Где лужочки зеленые,
Выйду за новые да,
За, за зеленые,
Лужки зеленые,
Не мое ли сердце ноет,
Лужки зеленые.
Не мое ли сердце ноет,
Ой ноет, спонывает,
Что милого дома не мает,
Ноет, спонывает,
Что милого дома не мает.
Ой лужки зеленые,

Да идет ли мой миленький,
Мой миленький,
Да идет ли мой миленький?
Ой на порог ступает,
Черну шапочку скинает.
На порог ступает,
Черну шапочку скинает,
Ой на второй ступает,
Чижалешенько вздыхает.
Ой на третий ступает,
Жена правдыньку спытает,
На третий ступает,
Жена правдыньку спытает.

№ 106

Соезжалися к моему ко родному батюшке
Князья да бояре.
Как влюбился в его дочь
Царь Македонский.
Как спородила на красна девушка
На молодого юношу.
Как журит-то на родный батюшка
На красну девушку,
Журит-то и со двора гонит.
«Как снеси-то, снеси эту худую славушку
С моего широкого двора».
Как взяла-то на красная девушка
На молодого юношу,
Как взвернула его красная девушка,
Его во шириночку.
Как пошла-то красная девушка
Не стежкою, не дорожкою,
Тропинкою звериною.
Как навстречу-то ей
Молодой охотничек.
«Куда ты, куда, красна девушка,
Куда путь держишь?»

№ 107

«Ой, Дунаюшек, да сламный, тихонький,
Веселый мой Дунай, веселый мой Дунай,
Сказали про тебя, да сламный мой Дунаюшек,
Да ты светлешенек, Дунаюшек, течешь,
Дунаюшек течешь.
А теперича ей да, сламный мой Дунаюшек,
Да замутнел ты, да во всем свете нет,
Во всем свете нет».
Да как ответ-то держал да сламный мой Дунаюшка,
Да человеческим да умом-разумом,
Умом-разумом да человеческим,
Да гулким голосом да молодеческим.
«Да ведь как жаль мне да сламного Дунаюшку,
Да не светлешенек Дунаюшку течь, ге-ге-ой течь.
Да как всереди да меня, да сламного да Дунаюшка,
Да земляные ключи они воду бьют,
Они воду бьют.
Да посереди меня, да сламного Дунаюшка,
Белая рыбица и да и воду мутит,
И воду мутит да.
Да поширь да меня, да сламного Дунаюшка,
Да на три партии да сила перешла,
Сила перешла да.
Как на первыя сила, да во первой прошла партия
Царя белого, да нашего царя,
Нашего царя.
Да вторая шла да вот вторая прошла партия,
Да все-то прусского да его короля,
Его короля.
Да вот и третья шла, да вот третья прошла партия,
Да парень девушку да со Дону,
С Дону перевез да.
Он сманил, сговорил да он красную девушку
Да со Тихого Дону ее на Кавказ,
Ее на Кавказ.
Да как в погонь да вот за добрым молодцем да
Вот да донские казаки».

№ 108

Разбессчастный добрый молодец-душа,
Бесталанная головушка твоя.
Ни в чем счастья молодцу нетути-ка,
Ни в лодочков, ни в корабличков,
Ни в торговлев, ни в товарищев.
Сосылают с корабля младца долой:
«Сойди, сойди с корабля, младец, долой,
Из тебя ли, разбессчастненького,
Синя море взволновалася,
Волны-реки разыгралися,
Кораблички разбежалися.
Мы причалим те кораблички
Ко тому кусту ракитову,
Ко желту песку рассыпчату.
Уж мы вырежем по жеребу,
Кинем, бросим во синю морю,
Что счастливому по верху воды».

№ 109

А да тут ишли — прошли ребята молодые,
А да тут ишли — прошли ребята молодые,
Что за ними идут матушки родные,
Да что за ними идут матушки родные,
Во слезах пути-дороженьки не вижут,
Во слезах пути-дороженьки не вижут,
Во с рыданьица словечка не промолвют,
Да во с рыданьица словечка не промолвют,
Что никто-то майора не проводит,
Что никто-то майора не проводит.
Провожала майора красна девка,
Провожала майора красна девка,
Говорила майору таки речи,
И-да говорила майору таки речи:
«Кабы я была младенька лебеденька,
Ой да кабы я была младенька лебеденька,
Кабы были у младешеньки сизы крылья,
И да кабы были у младешеньки сизы крылья,
И взвилась бы я, младешенька, полетела,

Ах да и взвилась бы я, младешенька, полетела,
Все казачии походы рассмотрела,
Ах да все казачии рассмотрела,
Молодого майора поглядела,
Ах да молодого майора поглядела.
Молодой майор в палатушке гуляет,
Их да молодой майор в палатушке гуляет,
Молодых музыкантов собирает,
Да молодых музыкантов собирает.
Музыкантушки музыкушку играют,
Да музыкантушки музыкушку играют,
Молодого майора забавляют,
Да молодого майора забавляют,
Да меня, красну девку, перльщают,
Да меня ли, красну девку, перльщают.
Перлестился мой батюшка на богатство,
Ай да перлестился мой батюшка на богатство,
Что на тех было высокие хоромы,
Ах что на тех было высокие хоромы,
Что на тех было касачатые гусли,
Их да что на тех было касачатые гусли,
Да на тех было хрустальные стеколки.
Их да на тех было хрустальные стеколки.
Отдает меня батюшка замуж,
Отдает меня батюшка замуж
Что за милого ребенка-недороска,
Что за милого ребенка-недороска.
Я не знаю, с недороском куды деться.
А да я не знаю, с недороском куды деться.
Повезу я недороска в чисто поле,
Да повезу я недороска в чисто поле,
Да сниму я с недороска шелков пояс,
Да сниму я с недороска шелков пояс,
Привяжу я недороска ко березе,
Привяжу я недороска ко березе,
Оставлю недороска в чистом поле,
Оставлю недороска в чистом поле».

№ 110

Ой ты, калинушка, размалинушка,
Ой да ты не стой, не стой
Над рекой быстрой.
Ой да не стой, не стой
Над рекой быстрой.
Ой да не спущай лист густой
Во синюю морю.
Ой да во синем морю
Корабель плывет,
Как во этим во корабле
Три полка казак.
Ой да как во этим во корабле
Три полка казак,
Ой да три полка казак,
Молодых ребят,
Три полка казаков,
Молодых ребят.
Ой да офицеры да майоры
Богу молятся,
Ой да рядовой казачок
Домой просится:
«Ой да офицер да майор,
Отпусти меня домой,
Отпусти меня домой,
К жене молодой,
К жене молодой,
Малым деточкам».

№ 111

Скакал казак через долину,
Через кавказские поля,
Скакал он садиком зеленым,
Кольцо блестело на руке.

Кольцо казачка подарила,
Когда казак пошел в поход.
Она дарила, говорила,
Что через год буду твоя.

Вот год прошел, казак вернулся,
В село родное прискакал,
Навстречу старая старушка
Шутила ласковы слова:

«Напрасно ты, казак, стремишься,
Напрасно мучаешь коня,
Твоя девчонка изменила,
Другому счастье отдала».

Казак свернул коня направо
И в чисто поле поскакал,
Он вынул шашку тонку, востру
И себе голову срубил.

№ 112

Садилось солнце ясное
За темные леса,
Где пели мелки пташечки
На разны голоса.
Под деревом ветвистым
Стояла там изба,
Во этой во избушке
Там вдовушка жила.
Однажды два героя
Просились ночевать:
«Пусти, пусти, хозяюшка,
Пусти перночевать».
«Я рада б вас пустить бы,
Да дома не была,
Я печку не топила,
Гостей я не ждала».
Один герой заходит,
Садится он за стол.
Другой герой заходит,
Заводит разговор:

«Скажи, скажи, хозяюшка,
С каких ты пор вдова?»
«Я мужа и сыночка
В солдаты отдала».
«Так вот признай, хозяюшка,
Ты мужа своего.
Еще признай, хозяюшка,
Ты сына своего».
«Я мужа не узнала,
Какой он стал седой!
А сына не узнала,
Какой он стал герой!»

№ 113

Чия это девчоночка, чия это хорошая,
Ай она в лесе орешничком брела?
Да ходил парень-паренечек,
Искал себе квартерушку.
Он не нашел себе квартерушку,
Не нашел себе квартеру,
Нашел себе красну девицу.
«Ай здравствуй, здравствуй,
Здравствуй, ты девица,
Здравствуй, здравствуй, красавица.
Ай я бы дал бы ей дальяру,
Дал бы, дал бы ей дальяру,
Подарил бы золотого,
Ой чтоб она меня, младца,
Стала целовать, младца целовать».
«Не хочу я твоего дальяру,
Не хочу я твоего золотого,

Я и так младца тебя
Стану целовать».
Одну ноченьку ночевали,
И другу ночевали,
Ай как на третью ночку
Стали ночевать,
Ай стала девица
Слезно плакать и ридать,
Плакать и ридать.
«Ты о чем же, девка, плачешь,
О чем, красная, ридаешь?
Аль головушка у тебя больна болит,
Головушка заболела, сердечушко закипело,
Аль стало жаль тебе отца с матерю?»
«Мне не жалко отца, мать,
А мне жалко своего молодца».
Ухватил он девку он за боки
Да закинул ее во Дунай-реку.
Стала девица потопати,
Стала речушку вымолвляти:
«Ой вы паны же, вы мои паночки,
Золотые гребешочки,
Не пущайте своих красных девицев
Поздно с вечеру гулять,
Поздно с вечеру гулять,
С ребятами стоять».

№ 114

Контора, конторушка да,
Контора сударыня,
Как во ентой во конторе
За дубовым столом,
За скатертью шелковой
Сидел писарь молодой.
Писарь, писарь пербирал
Государевы дела,
Конторушка растворилась,
Красна девица вошла.
Она богу помолилась и

На все стороны чела,
Молоду писаречку
Поклон низкий отдала.
Поклон низкий отдала,
Из конторы вон пошла.
Скоро писарь догадался,
Он за девушкой погнался.
Он догнал, догнал девицу
В середи ее пути,
В середи ее пути,
На дорожке столбовой,
На широкой далевой.
«Ты скажи, скажи, девица,
Чия роду, красоты?»
«Да я роду, красоты,
Да за кого я в саду.
Темна ноченька застигла
У милого у двора,
Да крутая гора
У мила у двора».

№ 115

Я вставала раненько,
Умывалась беленько,
Эй умывалась беленько,
Убиралась чепурненько.
Умывалась беленько,
Убиралась чепурненько,
Ой и садилась в край иконца,
Ожидала черноморца.
Ой черноморец едет, едет
Да семеро коней ведет,
Черноморец едет, едет
Ой да семеро коней ведет.
Ой на восьмом он вороном
В кафтанике голубом,
На восьмом он вороном
В кафтанике голубом.
Ой я думала он до мене,
А он едет до Дунаю,

Я думала он до мене,
А он вовсе до Дунаю.
Стала вода прибывати,
Стал он коней наповати,
Стала вода прибывати,
Стал он коней наповати.
Ой пока коник напился,
Черноморец утопился,
Пока коник напился,
Черноморец утопился.
«Ой ратуй, ратуй, моя мила,
Коли верно любила,
Ратуй, ратуй, моя мила,
Коли верно любила».
«Ой я бы рада ратовати,
Не умею восплывати,
Я бы рада ратовати,
Не умею восплывати».
«Ой побежи-ка ты по людем,
Может, жаль кому будет,
Побежи-ка ты по людем,
Может, жаль кому будет».
Ой пока люди собежались,
Черноморец утопился,
Пока люди собежались,
Черноморец утопился.
Ой только плавала подушка,
Утопилась моя душка,
Только плавала подушка,
Утопилась моя душка,
Ой только плавало сидельце,
Утопилось мое сердце,
Только плавало сидельце,
Утопилось мое сердце.

№ 116

«Ишо почему, моя дитя-дитятко,
Ходишь ни бел, ни румян?»
Ишо ответ ты держал

На родной матушке:
«Уж я был, служил
Во Крымской земле.
Полюбил-то я, младец,
Крымчининскую дочь.
Ишо велела мне, младцу,
Придтить поздным-поздно.
Я не дождался,
Раздобрый-ит молодец,
Той поры-времечки,
И сам ко девушке пошел,
Сам ко девушке пошел.
Как увидел меня
Крымчанинский отец,
Погнал-то меня, молодца,
Вдоль по улице,
Догнал-то меня у ее окна.
Как схватил-то меня,
Раздоброго молодца,
Против сердца-живота,
Как поднял-то меня, молодца,
Выше буйной головы,
Как ударил меня, молодца,
Об матушку об сыру землю.
С той поры-то, родимая матушка,
Хожу я ни бел, ни румян».

№ 117

Ой ты, вишенка, ты, черешенка,
Ой ты когда взошла, когда выросла,
Ты когда взошла, когда выросла?
Ой я весною взошла, летом выросла.
Ой там сидела млада ой да с вечеру она,
Там сидела млада ой да с вечеру она,
Ой дожидала млада дружка милого.
Ой он стучит-то, гремит он в окошечко,
Он стучит-то, гремит он в окошечко:
«Ой отворись, отопрись, моя милая.

Ой я не вор-то пришел, не разбойничек,
Я не вор-то пришел не разбойничек,
Ой а пришел-то к тебе полюбовничек».

№ 118

Скрылось солнце под горою,
Стоит казачка у ворот,
И в дальний путь глядит с тоскою,
И слезы льются из очей,
И в дальний путь глядит с тоскою,
И слезы льются из очей.
«О чем, о чем, казачка, плачешь,
О чем, голубушка, грустишь?»
«Одна беда всему виною:
Велят мне милого забыть.
Ах нет, его я не забуду,
Он к нам на родину придет,
В живых меня он не застанет,
В могилу хладную снесут».
А мать казачку утешала:
«Не плачь, родная дочь моя,
Ты женихом будешь счастлива,
Ты будешь в золоте ходить.
А он собой богат, красивый,
И ты должна его любить».
«Я буду, маменька, покорна
И все исполню для тебя.
Тогда ты будешь виновата,
Несчастье сделавши со мной».
Поутру с горькими слезами
Ведут казачку под венец,
Она дрожащими устами
Произнесла: «Судьбе конец».
Казачку в землю опускали,
И гроб усыпали цвета,
И долго, долго горевали,
Поплакали, домой пошли.
Казак умчался в чисто поле
На своем вороном коне,

С другой казачкой обручился
В своей родимой стороне.

№ 119

Что ни по лугу, лужочку,
По зеленому садочку,
Ходила, гуляла вдовушка,
Она вдова молодая.
Ходила, гуляла вдовушка,
Она вдова молодая,
Ходила она, смотрела
На свои высокие хоромы.
Ходила она, смотрела
На свои высокие хоромы.
«Ох хоромы мои, хоромушки,
Развеселые мои теремушки,
Ох хоромы мои, хоромушки,
Развеселые мои теремушки,
Почему, мои хоромушки,
Распокрытые долго стоите?
Али у вас, мои хоромушки,
Хозяина во доме нету?»
Тут явился, проявился
Разудалый, бравый молодчик.
«Хоромы, мои хоромушки,
Я у вас в доме хозяином буду,
Хоромы, мои хоромушки,
Я у вас хозяином в доме буду».

№ 120

Обошел я, раздобрый молодец,
Матушку Расею, да Расеюшку,
Не нашел я, раздобрый молодец,
Милей отца с матерью,
Да отца с матерью.
Не нашел я, раздобрый молодец,

Глупей женского разуму,
Да я разуму.
Как чужа жена чужого мужа
Назвала надежей, ой да ой надежею.
«Ты надежа, ты моя надеженька,
Надежа великая, ой да надежа великая».
Как сманил-сговорил он бедную вдовушку,
Что я не женат, парень холостой.
Как сманил-сговорил он меня,
Бедную вдовушку,
Со тихого Дона на Кубань.
Как подвозил меня, бедную вдовушку,
К своему широкому двору.
Как выходит его молодая жена
Она с малыми детьми,
С малыми детьми.
Да сказала я, бедная вдовушка,
На чужой стороне, на сторонушке:
«Как ледочек зимою был обламчивый,
Такой чужой муж да обманчивый».

№ 121

Долина моя, долинушка,
Долина моя широкая,
Ой да степь широкая.
Ге-э-эй, гей, гей!
Долина моя широкая,
Ой да степь широкая.
Как с-под этой с-под долинушки
Ге-э-эй, гей, гей!
Туман, братцы, расстилается,
Ой да туман расстилается.
Как с-под этого тумана
Ге-э-эй, гей, гей!
Заря бела занимается,
Ой заря бела занимается.
Как с-под этой ясной зореньки
Ге-э-эй, гей, гей!
Красно солнце выкаталося,

Ой да выкаталося ж оно.
Как с-под этой красной солнушки
Ге-э-эй, гей, гей!
Красна девка убиралася,
Ой да убиралася она.

№ 122

Между серыми камнями,
По ущелью, среди скал
Серебристыми волнами
Буйный Терек протекал.

Начинаясь у Казбека,
На вершине средь снегов,
Он уж больше, чем три века,
Поит терских казаков.

И вспоенный ледяною,
Буйной теречной водой,
Казак сердцем и душою
Любит Терек свой родной.

Заповедали нам деды
Сберегать славу и честь,
Ради славы и победы
Своей жизни не беречь.

№ 123

Вниз по матушке по Волге,
По широкому раздолью,
По широкому раздолью
Разыгралася погода.
Разыгралася погода,
Погодушка небольшая,
Небольшая, вихровая,
Ничего в волнах не видно.

Ничего в волнах не видно,
Только лодочка чернеет,
Только лодочка чернеет,
На ней паруса белеют.
На ней паруса белеют,
На гребцах шляпы чернеют.

№ 124

Ивушка, ивушка, зеленая моя,
Что же ты, ивушка, невесела стоишь?
Ого, го, го, го, го, го, ого, го, го, гей!
Что же ты, ивушка, невесела стоишь?

Ехали бояре с Новгорода,
Срубили ивушку под самый корешок.
Ого, го, го, го, го, го, ого, го, го, гей!
Срубили ивушку под самый корешок.

Сделали с ивушки два весла,
Два весла, третью лодочку.
Ого, го, го, го, го, го, ого, го, го, гей!
Два весла, третью лодочку.

№ 125

Ой листочек мой бумажный,
Как с тобой расстаться,
Ой, люли, ай ли люли,
Как с тобой расстаться?
Как расстаться, как расстаться,
Да еще разлучаться,
Ой люли, ай ли люли,
Да еще разлучаться?
Разлучат нас, разлучат нас
Все буйные ветры,
Ой люли, ай ли люли,

Все буйные ветры.
Буйны ветры, буйны ветры,
Морозы лютые,
Ой люли, ай ли люли,
Морозы лютые.
Морозы лютые, морозы лютые,
Снега глубокие,
Ой люли, ай ли люли,
Снега глубокие.

№ 126

А ишо во пору порошица выпадала,
Вот ета порошица она выпадала,
Ишо ко белой заре вот пропадала,
И-э-а вой ета порошица,
Она пропадала, пропадала.
И-э-а ишо не кручинушка
Меня раздоброго молодца,
Младца сокрушала, сокрушала,
И-э-а ишо что сушит, крушит меня,
Раздоброго молодца,
Ета худая слава, худа слава.
И-э-а что с етой худой славушки,
Младец, да я пропадаю,
Да я пропадаю ишо пропадаю,
И-э-а а ишо пропадает ли
Да моя буйная головушка
Да на понапрасно.

№ 127

Возле речки, возле мосту,
Возле речки, возле мосту,
Возле речки, возле мосту
Трава росла,
Возле речки, возле мосту
Трава росла.
Трава росла шелковая,
Трава росла шелковая,

Шелковая, шелковая,
Зеленая,
Шелковая, шелковая,
Зеленая.
А я в три косы косила,
А я в три косы косила,
А я в три косы косила
Ради гостя,
А я в три косы косила
Ради гостя.
Ради друга, ради гостя,
Ради друга, ради гостя,
Ради друга, ради гостя
Дорогого,
Ради друга, ради гостя
Дорогого.

№ 128

Уж вы горы мои да,
Э-ой, ой горы Кавказские,
Горы Кавказские.
Как под этой под горой да
Э-ой течет речка быстрая,
Ой течет речка быстрая.
Как над этой над рекой да
Э-ой стоит куст ракитовый,
Ой стоит куст ракитовый.
Как на этом на кусте да
Э-ой сизокрыл орел сидел,
Ой сизокрыл орел сидел.
«Ты орел, товарищ мой да,
Э-ой не видал ты мою милую,
Ой не видал ты мою милую?»
«Твоя милая во зеленом саду да,
Э-ой, ой на зеленом на лугу,
Ой на зеленом на лугу».

№ 129

Как над речкой, ой, ой как над этой,
Как, братцы, над рекой
Стоял куст ракитовый,
Ой куст ракитовый, братцы, стоял.
Как на том да на кусту,
Ой как на том да, братцы, на кусту ей да
Сизокрылый орел,
Ой сизокрылый орел, братцы, сидел.
Во когтях он держал ей-ей,
Ой да в когтях да, братцы, он держал,
Он держал да ворона,
Ой черна ворона, братцы, держал.
Он не бьет, не клюет ей-ей-да,
Ой он не бьет он, братцы, не клюет,
Только речи сказывает,
Ой речи сказывает:
«Где ты, черный ворон, был да ей-ей-ой,
Ой где ты был, братцы, побывал,
Где погуливал, ой где погуливал?»

№ 130

Скучно, грустно сидеть пташке в клетке,
Знать, по клеточкам летать лета... летала,
Сизы крылушки пташка приронила,
Знать, по клеточке она клювать клюва... клювала,
Ой острый носик пташка притупила.
Ты воспомни, бедный соловейка,
Да на где же маленький роди... роди... родився,
Ой проведи-ка ты себе на память,
Да на с кем же гулял, веселился.
Имел пищу себе растворену,
Да на сладкою ее сито... сито... ситою,
Имел себе постелюшку мягку,
Да на мягкой ее пухову... пухову... пуховую,
А теперь я себе имею
Ржаной сухарик и тот его с водой,
А теперь я себе имею
Рогожоночку и то ее худую.

№ 131

Как по лугу, по лужочку,
По крутому бережочку
Идет девка, идет девка,
Идет девка-семилетка.
За ней парень белкудрявый.
Кричит девке, кричит девке,
Кричит девке-семилетке:
«Постой, девка-семилетка,
Загадаю, загадаю,
Загадаю три загадки,
Изволь отгадати.
А что растет, а что растет,
А что растет без кореня?
А что цветет безо цвета?
А что шумит, а что шумит,
А что шумит безо ветру?»
«Растет камень без кореня,
Цветет сосна, цветет сосна,
Цветет сосна безо цвету,
Шумит вода безо ветру,
Безо ветру, безо ветру».

№ 132

В сыром бору тропина,
В сыром бору тропина,
Тропина, тропина,
Тропина, тропина.
По той тропине галка шла,
По той тропине галка шла,
За галицей соколик,
За галицей соколик.
Поймал галку за крыло,
Поймал галку за крыло:
«Постой, галка, не скачи,
Постой, галка, не скачи».
«А ты, соколик, не держи,
А ты, соколик, не держи».

«Тогда я, галка, выпущу,
Тогда я, галка, выпущу,
Крылья, перья выщиплю,
Крылья, перья выщиплю,
Раскидаю перышки,
Раскидаю перышки
По чистому полюшку,
По чистому полюшку».

№ 133

Ах улица широкая,
Травушка-муравушка зеленая,
Ай люли, люли, люли,
Травушка-муравушка зеленая.

Как по той ли по широкой улице
Расплясались девицы-красавицы,
Ай люли, люли, люли,
Расплясались девицы-красавицы.

Расплясались девицы-красавицы,
Разыгрались милые подруженьки,
Ай люли, люли, люли,
Разыгрались милые подруженьки.

Как взойду, взойду я в сени новые,
Заиграю я, млада, во скрипочку,
Ай люли, люли, люли,
Заиграю я, млада, во скрипочку.

№ 134

У меня ль во садочке,
У меня ль во прекрасном,
Люшеньки люли, люшеньки люли,
Люшеньки люли, люшеньки люли,

Хорошо пташки пели, хорошо распевали,
Люшеньки люли, люшеньки люли,
Люшеньки люли, люшеньки люли.
А я молоденька охоча гуляти,
Люшеньки люли, люшеньки люли,
Люшеньки люли, люшеньки люли.
Охоча гуляти, скакати, плясати,
Люшеньки люли, люшеньки люли,
Люшеньки люли, люшеньки люли.
Скакати, плясати, в зелен сад гуляти,
Люшеньки люли, люшеньки люли,
Люшеньки люли, люшеньки люли.

№ 135

Где ты, где ты, моя доля,
Где ты, долюшка моя?
Исходил бы, расспросил бы
Все сторонки и края.
Иль ты в поле при долине
Дикой розой зацвела,
Иль кукушкою кукуешь,
Иль соловушкой поешь?
Или в небе ты гуляешь
По летучим облакам
И расчесываешь кудри
Красну солнцу и звездам?
Где ты, где ты, моя доля,
Доля, долюшка моя,
Что никак не допытаюсь,
Не докличусь я тебя?

№ 136

Звезда, прости, пора мне спать,
Но жаль расстаться мне с тобою,
С тобою я привык мечтать,
Ведь я живу одной мечтою.

Но ты, прелестная звезда,
Порою ярко так сияешь,
И сердцу бедному тогда
О юных днях напоминаешь.

Туда, где ярче светишь ты,
Стремятся все мои желанья,
Там сбудутся мои мечты...
Звезда, прости и до свиданья.

№ 137

Всю да всю мою дорожку
Ранним снегом занесло.
Было время молодое,
Да как сон оно прошло.

Было время, что блистало
В синем небе ярких дней,
И цветов пестрело много
Зеленеючи в траве.

Жизнь, зачем ты обещала
Упование свое,
И зачем не пощадила,
Жизнь, ты счастие мое?

№ 138

Грустно ли, весело
Сердцу, ребята,
Песню мы в душу
Свою изольем.
Песня — любовь
И отрада казаков,
С ней хоть придется
И в бой мы пойдем.

№ 139

Близ Успенского собора
Был там построен большой дом,
Но дом построен для надзора,
За преступленья сидят в нем.
Сидят два юноши, томятся,
В неволе дышат тяжело,
Но часовые для надзора
День и ночь ходят кругом.
«Простите, отец, мать родные,
Простите сына своего.
Загонят меня в край Сибири,
Но где могила Ермака,
Дадут мне тачку и лопату,
Заставят меня руду копать.
Но тачка — мать моя родная,
Лопата — вечная жена.
На тачке мальчик приклонился,
Но он судьбою был проклят.
Ах вы, цепи мои, цепи,
Вы железные стража,
Не порвать вас, не порезать
Без булатного ножа».

№ 140

С времен, давным-давно минувших,
С начала эверской земли,
От наших предков знаменитых
Свое мы слово сберегли.

Неугомонно ходит чаша,
И вдруг на утренней заре
Мы слышим голос домебаша:
 Мравальжамиеры.

№ 141

Что склонилася ты над рекою
И задумчиво в волны глядишь?
Увлеклась ли ты грустной мечтою
И за быстрой волною следишь,
Увлеклась ли ты грустной мечтою
И за быстрой волною следишь?

Берегись, закружится головка,
Зарябит у тебя лишь в глазах.
Заманит тебя речка-плутовка
И с собой унесет на волнах,
Заманит тебя речка-плутовка
И с собой унесет на волнах.

Не гляди же ты в волны глубоко,
Не расскажут они ничего.
В чистом небе гляди — там, далеко,
Все так светло и так хорошо,
В чистом небе гляди — там, далеко,
Все так светло и так хорошо.

№ 142

Ой кумушки поют, голубушки поют,
А я, молода, с похмелья была,
С похмелья была, прихварывала,
Своего мужа-дурака обманывала:
«Продай, муж, кобылку буланенькую,
Купи, купи, муж, шубейку дублененькую».
А я снаряжусь, к обедне пойду,
А люди скажут: — Чия такова,
Чия такова купецка жена?
А я от обедни, а муж с хомутом,

А муж с хомутом, с ременным кнутом.
«А ну-ка, жинка, да в лес по дрова,
А ну-ка, жинка, да в лес по дрова».
А в горку-то едет, похлестывает,
А с горки-то едет, посвистывает.
А ей не досадно, что дрова везу,
А только досадно, что муж на возу.
«Продай, муж, шубенку дублененькую,
Купи, муж, кобылку буланенькую».

№ 143

Я на горку шла,
Тяжело несла,
Уморилась, уморилась,
Уморилася.
Тяжело несла
В решете овса,
Уморилась, уморилась,
Уморилася.
В решете овса
Полтора ведра,
Уморилась, уморилась,
Уморилася.
А пришла домой,
Овес высыпала,
Уморилась, уморилась,
Уморилася.
Овес высыпала,
Мужа выругала,
Уморилась, уморилась,
Уморилася.
Мужа выругала,
Я вина попила,
Уморилась, уморилась,
Уморилася.
Я вина попила
И сама плясать пошла,
Уморилась, уморилась,
Уморилася.

№ 144

Уж я по лугу, уж я по лугу,
Я по лугу гуляла, я по лугу гуляла.
Я с комариком, я с комариком,
С комариком плясала, с комариком плясала.
Мне комар ножку, мне комар ножку,
Комар ножку отдавил, комар ножку отдавил,
Все суставчики, все суставчики,
Суставчики раздробил, суставчики раздробил.
А я матери, а я матери,
Я матери кричала, я матери кричала:
«Ты подай мне, мать, ты подай мне, мать,
Подай мне, мать, косаря, подай мне, мать, косаря,
Мне казнить, рубить, мне казнить, рубить,
Казнить, рубить комара, казнить, рубить комара».
Покатилася, покатилася,
Покатилась голова, покатилась голова.

№ 145

Оженився комарь, оженився,
Взял себе жинку невмываху:
Не шье, не пряде, не белится,
Не в чому комарику приходыться.
Полетив же комарь в чисто поле,
Та й сив же комарь на дубочку,
Спустив свои бели ножки в сториночку.
Где ни взялась шуря-буря,
Комарика с дуба сдула.
Стукатит, грюкатит — комарь с дуба летит.
Ой упал же комарь на помосте,
Разбив, разломав свои кости.
Наихалы паны та й вси генералы,
Воны тому диву дивовались:
«Ой шо це лежит за покойник,
Чи пан, чи князь, чи полковник?»
Ни пан, ни князь, ни полковник,
Старой мухи полюбовник.

№ 146

«Полно, Танюшка, по улице ходить,
Перестань, Таня, поручика любить.
Ты, поручик, голубочек, светик мой,
Молодой парень забавушки моей,
Потеперя мало мужится,
Во деревне жить не хочется».
«Я деревню заложу, я заложу,
Тебя, моя сударушка, снаряжу.
Куплю, Таня, платье лазаревое,
Голубой цвет, зелену парчу».
«Не хочу парчу, в ногах столочу,
Я по золоту, по серебру хожу,
Одного тебя молодчика люблю.
Ты, молодчик, ты, молодчик молодой,
Купи мне голубу парчу,
Голубую, светло-розовую».
«Голубая, свет, марается,
Замаравшись, цвет не кажется,
У Дуняши цвет не кажется».
Дуня-роза, Дуня умная была,
Она ему такой ответ дала:
«Я казачка, я простая для тебя,
Честь велика, дорогая для меня»,

№ 147

Полно, полно девчоночке
По саду гулять,
В зеленом саду гуляти,
Алы цветы рвати,
Полно во саду гуляти,
Алы цветы рвати.
Аленький цветочек ясный,
Мой милый прекрасный.
Налетел ко мне голубчик,
Из полка поручик,

Вился, вился, опустился
Над моим окошком,
Над моим ясным окошком,
Против моей спальни.
Он воркует, голубует,
Девчоночку будит.
А я, девица, вставала,
К окну подбежала,
Голубя пущала.
Я думала, голубочек —
Мой милый дружочек.
За белы руки принимала,
В уста целовала,
В уста целовала,
За столик сажала,
Чайком угощала.
Я чаечком угостила,
Про любовь спросила.
Восхвалялся мой миленький
Черными бровями,
А ему девчоночка
Алыми щеками.
На то милый рассердился,
Пошел — не простился,
Ногой топнул, дверью хлопнул,
Зеркальце упало,
Как в лучистом во хрустале
Громко загремело.
Услышала моя мати
Во своей комнате,
Посылает ко мне мати
Верную служанку,
Свою верную служанку,
Мою грубиянку.
Грубиянка приходила,
Речи говорила:
«Что у тебя, девчоночка,
Громко загремело?»
«Кошка ночью заблудилась,
С потолки вскочила,
Она с потолки вскочила,
Зерклу уронила».
«Что у тебя, девчоночка,

На столе мокренько?»
«Девки были, чай пили,
Скатерть намочили».
«Что у тебя, девчоночка,
Постель не убрата?»
«Девки были, ночевали.
Постель не убрали».
«Что у тебя, девчоночка,
На столе за шляпа?»
«Шляпа чиста, пухова
Моего милого,
Моего размилого,
Гостя дорогого».

№ 148

Уж вы мысли, мои мысли,
Мысли молодецкие,
Расскажите, мои мысли,
Про мое несчастье.
Да долго ли, сударушка,
За тобой ходити,
За тобой мне ходить,
Милости просить?
Изобил я черевички,
За девушкой ходючи,
Изорвал я зелен кафтан,
По заборам лазучи,
Изгноил я черну шляпу,
Под капелью стоячи.
Капелья кап-кап,
А сердечко топ-топ,
Капелюшка истекает,
Сердечко изнывает.
Сердечко изнывает,
Сердечный друг вспоминает.
За белы руки принимает,
Во горницу провожает,
За дубовый стол сажает,
Чару чаю наливает.

«Уж ты пей, девка, пей,
Забывай тоску-печаль».
Девка чаю испила
И тоску-печаль забыла.

№ 149

Ой вы бабочки, бабеночки мои,
Чернобровые, хорошенькие,
Да не вы ли меня высушили,
Присушили русы кудри до лица,
Присушивши, стали кудри завивать,
Призавивши, стали в гости зазывать:
«Ты зайди, зайди, удала голова».
Разливалась в поле мутная вода,
Затопляла все зеленые луга,
Оставался один маленький лужок.
Стосковался по мне миленький дружок.
Я мощу, мощу калиновый мост,
Через этот мост сама перейду,
За собою дружка мила переведу.
Я иду, иду, к соседям зайду,
Послушаю, что соседи говорят,
Меня, бабочку, ругают и бранят:
«Полно, полно тебе, бабочка, шалить,
Не пора ли своего мужа любить?»
«Я своего мужа навеки не люблю,
На постылого глазами не гляжу.
Я кого люблю, тому кисет сошью,
Я сошью, сошью из разных лоскутов,
Положу я туда сахару кусок.
Кушай, кушай ты, мой миленький дружок.
Что ж ты, миленький, не кушаешь, не пьешь,
Или тебе мой подарок не хорош?
Подарочек — сладкий пряничек,
Астраханские закусочки».

№ 150

Уж ты, коваль, ковалечек,
Уж ты, коваль, ковалечек,
Эх, ковалек, ковалек, ковалечек,
Ковалек, ковалек, ковалечек.

Пойдем, коваль, во лесочек,
Пойдем, коваль, во лесочек,
Во лесок, во лесок, во лесочек,
Во лесок, во лесок, во лесочек.

Возьмем с собой топорочек,
Возьмем с собой топорочек,
Эх топорок, топорок, топорочек,
Топорок, топорок, топорочек.

Срубим белую березу,
Срубим белую березу,
Эх березу́, березу́, да березу,
Эх березу́, березу́, да березу.

Мы под самый корешочек,
Мы под самый корешочек,
Эх корешок, корешок, корешочек,
Эх корешок, корешок, корешочек.

Сделаем мы холодочек,
Сделаем мы холодочек,
Эх холодок, холодок, холодочек,
Холодок, холодок, холодочек.

Чтобы Дуня не вгорела,
Чтобы Дуня не вгорела,
Эх не вгорела, не вгорела, не вгорела,
Не вгорела, не вгорела, не вгорела.

Головушка не болела,
Головушка не болела,
Эх не болела, не болела, не болела.
Не болела, не болела, не болела.

№ 151

Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь лежит.
Ночь тиха, пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.
Что же мне так больно и так грустно,
Жду чего, жалею лишь о чем?
Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть.
Я ищу свободы и покою,
Я б желал забыться и заснуть.
Чтоб в груди дрожали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел,
Темный дуб склонялся и шумел.

№ 152

«Здравствуй, родная! Как можется, кумушка?
Все еще плачешь, никак?
Ходит, знать, по сердцу горькая думушка,
Словно хозяин большой?»
«Как же не плакать? Пропала я, грешная!
Душечка ноет, болит...
Умер Касьянович, умер, болезный мой,
Умер и в землю зарыт.
Ведь наскочил же на экую гадину!
Сын ли мой не был удал?
Сорок медведей поддел на рогатину,
На сорок первом сплошал.
Росту большого, рука, что железная,
Плечи — косая сажень.
Умер Касьянович, умер, болезный мой,
Вот уж тринадцатый день.
Шкуру с медведя содрали, продали,
Денег — семнадцать рублей
За душу бедного Саввушки подали,
Царство небесно ему».

№ 153

Поехал казак на чужбину далеку
На добром коне он своем вороном.
Он край, свою родину, навеки спокинул,
Ему не вернуться в отеческий дом.

Напрасно казачка, жена молодая,
И утро, и вечер на север глядит,
Все ждет, поджидая с восточного края,
Когда ее милый казак прилетит.

Далеко отсюда, где вьются метели
И люты морозы трещат на полях,
Где сдвинулись дружно и сосны, и ели,
Казачии кости под снегом лежат.

Казак, умирая, просил, умоляя,
Курган чтоб насыпать ему в головах.
«Пущай на кургане калина родная
Красуется в ярких и пышных цветах.

Пусть вольная пташка сидит на калине,
Порой прощебечет она обо мне,
Как некогда жил здесь казак на чужбине,
Но помнил о милой, родной стороне».

№ 154

Не бил барабан с перекрестным огнем,
Когда мы вождя хоронили,
И труп мы с прощальным ружейным огнем
И в недра земли опущали.

Нам тускло в тумане светила луна,
И факелы дымно сверкали.
Нам тускло в тумане светила луна,
И факелы дымно сверкали.

Не долго, но жарко творила творцом
Дружина его молодая,
И молча смотрела в лицо мертвеца,
И завтрашним днем поминала.

Прости же, товарищ, здесь нет никого.
На память могилы кровавой
Мы здесь оставляем тебя одного
С твоею бессмертною славой.

№ 155

Колокольчики мои, цветики степные,
Что глядите на меня, темно-голубые,
И о чем звените вы в день веселый мая,
Средь нескошенной травы головой качая?

Конь несет меня стрелой на поле открытом,
Он вас топчет под собой, бьет своим копытом.
Колокольчики мои, цветики степные,
Не кляните вы меня, темно-голубые.

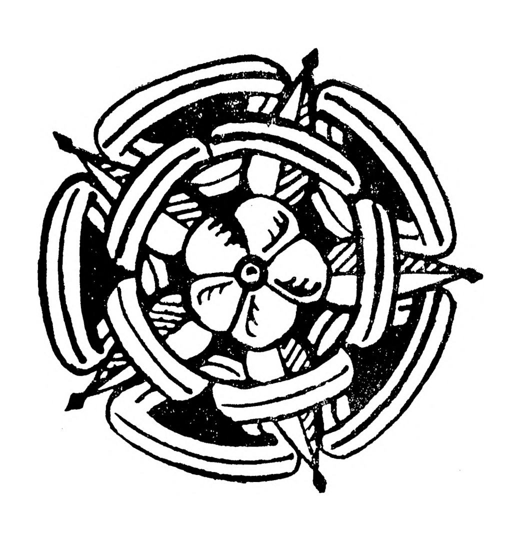
Я бы рад вас не топтать, рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать: конь неукротимый.
Я лечу, лечу стрелой, только пыль взметаю,
Конь несет меня лихой. А куда — не знаю.

№ 156

Катюша, не грусти,
Хотя сказать я должен
Последний раз прости.
Вот трубы протрубили
И в барабан забили,
Товарищи-казаки
Зовут меня, прости.
С убором конь гнедой,
Ружье и пистолеты,

Булатный меч со мной —
Вот вся моя надежда.
И есть на мне одежда.
Сражаться, братцы, за Россию
На том клочке глухом.
Как на часах стоял,
То дальше отгоняю
И песенку пою,
Печали я не знаю.
Геройски я летаю,
Что были, были на войне,
Подобных нету мне.
Что русских нет храбрей,
Мы делом доказали
В прошедшую войну.
В Берлине мы бывали,
Красоток мы видали,
Но лучше Кати дорогой
На свете нет другой.

ПЕСНИ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

№ 157

Долго мутили нас атаманы
Вольностью темной и славой обманной,
Вольностью темной и славой обманной.
Делла-ла, делла, делла-ла, делла,
Вольностью темной и славой обманной.

Русский рабочий дал нам понятье,
Где наша вольность и доблести счастье,
Где наша вольность и доблести счастье.
Делла-ла, делла, делла-ла, делла,
Где наша вольность и доблести счастье.

Гей атаманы, белое знамя,
Горе вам, если вы встретитесь с нами!
Горе вам, если вы встретитесь с нами!
Делла-ла, делла, делла-ла, делла,
Горе вам, если вы встретитесь с нами!

№ 158

Не кукушечка в поле куковала
За станицей на заре,
Во поход труба нас созывала
Ночью темной на дворе.

Припев:

Эх раскуку... кукушечка
В зеленом саду,
Во поход, резвушечка,
Казаки идут.
Налетим мы лавой,
Как вихрь, на врага.
В плен ты нам сдавайся,
Коль жизнь дорога.

Ты прости, прости, станица,
Детвора и старики,
Враг пришел — с ним насмерть биться
За Советы будут казаки.

Припев.

Не заплачут наши жены,
Дочки слез не станут лить,
Защищат семьей вооруженной
Честь своей родной земли.

Припев.

Мы чужой земли не тронем,
Но пускай запомнит враг:
Порох сух в любом патроне,
Шашка гибкая востра.

Припев.

К скачке, к рубке мы привычны,
С вихрем спорит конь гнедой.
На знаменах на станичных
Серп и Молот со звездой.

Припев.

№ 159

В мерцании лунном Кавказа хребет,
Поникли чинары листвою,
А полк наш готовится к бою,
В ущелье он мраком одет.
Туда, где Аргуни бурливо течет,
Орлы где на склонах гранитных,
Бойцов собирает Шерипов,
Нас в бой Асланбек поведет.

Зари ожидаем под шорох лесной.
Притихли веселые пташки.
Укрыты винтовки и шашки,
А бурки искрятся росой.
Чуть шапка Казбека алеет зарей.
«За мною!» — призвал нас Шерипов.
Стрелою на вражье укрытье
Помчал его конь боевой.

Народы на битву повел человек,
Зовет он чеченцев и русских,
Несясь по ущелиям узким,
К победе повел Асланбек.
Героем он умер, сраженный свинцом.
«Бороться!» — завет нам оставил.
Его в новой жизни прославим,
И детям расскажем о нем.

№ 160

Помним мы годы, как шли мы в походы,
Как Киров нас вел на врага,
Под флагом свободы сходились народы,
К Каспийским мы шли берегам.

И гордый чеченец из горных течений
Приехал на кировский зов,
И шли ингуши из аульской глуши,
Вливаясь в отряд казаков.

Сходились тавлины, друзья-осетины,
С рабочим чинили мы блок.
Ватагою смелой громили мы белых,
Колоннами шли на восток.

№ 161

По аулам и станицам
Заиграли трубачи.
И-эй наши кони чистокровные
Быстры и горячи.
Провожала нас родная,
Плодородная земля.
И-эй наши выпасы привольные,
Пшеничные поля.
Если грянет завируха,
Пулеметная пурга,
И-эй ворошиловские конники
Ударят на врага.
С саблей бросятся казаки,
Полетят в огонь и в дым.
Нашу Родину Советскую
В обиду не дадим!

№ 162

То не тучи, грозовые облака
По-над Тереком над кручей залегли,
Кличут трубы молодого казака,
Пыль седая стала облаком вдали.

Оседлаю я горячего коня,
Крепко сумы приторочу вперемет.
Встань, казачка молодая, у ворот,
Проводи меня до солнышка в поход.

Газыри лежат рядами на груди,
Алым пламенем сияют башлыки.
Красный маршал Ворошилов,
погляди
На казачьи богатырские полки.

Скачут кони из-за Терека-реки,
Под копытами дороженька дрожит,
Скачут терские лихие казаки
Молодой своей республике служить.

№ 163

Шагай вперед, казачье племя,
Крепи колхозный добрый путь,
А бить врагов настанет время,
Про пику с шашкой не забудь.

Растет страна стальных Советов.
Жить стало вольно и легко.
Вниманьем партии согрета
Семья колхозных казаков.

Дома на месте ветхих хаток,
Обилье хлеба по дворам.
За волю, радость и достаток
Родимой партии — ура!

№ 164

Гей ты радость колхозная наша,
Наша слава казачья и честь,
Нет на свете республики краше,
У которой сокровищ не счесть.

Янтарем отливает пшеница,
В чистом поле гудят трактора.
Для богатой и вольной станицы
Золотая настала пора.

Если буря зловещая грянет
И поля задымятся вдали,
Все казаки колхозные встанут
На защиту Советской земли.

№ 165

Мы страну под красным флагом
Любим, бережем,
И к победе твердым шагом
Радостно идем.

Наша мощь несокрушима,
Армия сильна,
От Камчатки и до Крыма
Славится она.

Понесутся самолеты,
Заблестят штыки,
Загрохочут пулеметы,
Двинутся полки.

С саблей бросятся казаки
На лихих конях,
И врагов страны Советов
Уничтожат в прах.

№ 166

Нависли тучи над границей,
Грозя потоками огня,
Казак, проверь пороховницу,
Напой походного коня.

Быть может, завтра на рассвете
Прикажет маршал: «На коней!»
И вся страна ему ответит:
«Вперед за Родину, смелей!»

Мы, словно соколы степные,
На бой кровавый полетим,
Затянем песни боевые,
Врагу пощады не дадим.

Трубит труба, поход играет.
Казак не дрогнет никогда.
Нам путь к победе освещает,
Как солнце, Красная звезда.

№ 167

Приихали казаченьки,
Конев расседлалы.
«Расскажить вы, казаченьки,
Де вы побувалы?»
«Ой бывалы мы далеко,
Не видать отсюда.
Наливайте-ка по чарке,
Расскажем покуда».
«Для гостей таких в колхозе
Чихиря не жалко.
Было ли от ваших пушек
Белофиннам жарко?»
«Ой и было, ой и было.
Старались до пота.
Лейтенант сказал: «Спасибо!
Чистая работа!»
Как у берега, у кручи,
У колхозной хаты
Разговаривали долго
Казаки, девчата.
Солнце село, потемнело,
Ветер утихает.

Казак старый молодому
Вина наливает.
Синеглазая казачка
Песни запевает.

№ 168

Эх ты, Сунжа, вольная, родная,
Воспитала ты лихого казака.
Бьет челом тебе он, заверяя,
Что не дрогнет верная рука.

И с казацкой удалью вскочу я
На ретивого любимца-скакуна,
Конь мой верный, битвы час почуя,
Задрожит сильнее, чем струна.

Полечу по ниве, что навечно
Казаку советскому дана,
Поклянуся тут же ей сердечно,
Что не будет под врагом она.

На врага, пылающего жаждой
Покорить себе свободный мир,
Поведет нас с храбростью отважной
Славный наш товарищ — командир.

№ 169

Над границей черной птицей
Вражий кружит самолет.
Клич раздался по станице:
«Гей по коням, марш в поход!»

Припев:

Бей тревогу, в стремя ногу,
Поднимай коней в намет,
Шашки к бою! Дружным строем
Казаки идут в поход.

Не пугай своей оравой,
Не кажи, фашист, свой штык,
Сунешь нос — с казачьей лавой
Познакомим в один миг.

Припев.

Сотни вас, нас миллионы,
Наше войско — весь народ.
Боевые эскадроны
Ворошилов поведет.

Припев.

Трудовой народ не жаден,
Мы чужого не хотим,
Но своей земли ни пяди
Никому не отдадим.

Припев.

№ 170

Тучки, тучки, вихрем буйным
Мчитесь в дальние края,
Где в лесах под песни бури
Партизан костры горят.

Милый там внимает соснам,
Лишь померкнет солнца свет,
Бой врагу готовит грозный,
С вами шлю ему привет.

Пусть он верит, пусть он знает,
Что его подруга здесь
Льет железо, руды плавит,
В каждой плавке — врагу смерть.

Если нужно, грудью встанет
На защиту прав труда.
Пусть фашистский зверь узнает,
Как свобода дорога.

Тучки, тучки, вихрем буйным
Мчитесь в дальние края,
Вы укройте ночью темной
Сердце друга для меня.

№ 171

Что ни грозны тучи в осень
Над долинами легли.
Апанасенко Иосиф
Двинул конные полки.

Запевайте, эскадроны,
Под веселый звон копыт
Про победные знамена,
Про героику борьбы.

Это он поднял, как знамя,
Ставрополец на коне,
Партизаны шли за ними
С рыхлых пашен и полей.

Чтобы были наготове
Дать врагам любой отпор,
В Ставрополье и в Ростове
Зажигайте жаркий бой.

И гонец летел как ветер,
Нес он приговор врагам.
Апанасенко ответил:
«Есть, товарищ командарм!»

№ 172

Утром рано на заре
Кони громко ржали,
И казаки казаков
В поход провожали.

Провожали, говоря:
«Не забудь, ребята,
Нашу землю охранять
От врагов проклятых.

Мы еще попросим вас,
Сделайте немного,
Чтобы в схватке вы врага
Сбили бы любого.

Защищайте вы страну
От врагов прилично,
Чтобы маршал вам сказал:
«Служите отлично!»

Путь счастливый вам, ребята,
Помните у строя,
Чтобы каждый возвратился
Советским героем».

Утром рано на заре
Кони громко ржали,
Отцы наших казаков
В поход провожали.

№ 173

Прощался казак со станицей,
Последний был ужин с родней.
Печаль и тревога на лицах,
Разлуку кропили слезой.

Сегодня с зарею вставала
Жена и детишки за ней.

Прильнув к изголовью, рыдала,
Боль сердца при детях сильней.

С слезами в раздумье тяжелом
На мужа смотрела с тоской.
Всю ночь говорили о многом,
Себя утешая судьбой.

Потом и не выплакав горя,
К семейному села столу,
Как будто готовится в поле,
И в ранец вложила иглу.

И выросла близость разлуки
При сборе походной сумы...
Что может быть тягостней муки,
Когда мы теряем семью!

Казак за тревожной минутой,
С любимой женою простясь,
Детишек своих еще глупых
Слезой оросил не таясь.

Дорога уходит на север,
Где в роще вагоны стоят,
Машины несутся, как ветер,
Бойцы на станицу глядят.

Сады и река за станицей,
Кавказский белеет хребет,
Где дремлет Казбек серебристый,
К ним сердце так рвется, поет.

Чтоб выбросить с сердца кручину,
Развеять по ветру печаль,
Отец заповедовал сыну
О собственном горе молчать.

Отец заповедовал сыну
России до смерти служить,
Присягу в лихую годину,
Хоть жертвуя жизнью, хранить.

№ 174

Мой платочек с розовой каемкой
Был подарен парню одному,
Чтобы этот розовый платочек
Обо мне напоминал ему.

Раз я еду в поездном вагоне,
Поезд мчится прямо на восток,
Тишину вагона нарушает
Паровозный жалобный свисток.

А напротив спит спокойно летчик,
Чернобровый, смуглый паренек.
Из кармана выпал незаметно
С розовой каемочкой платок.

Я платочек нежно подобрала
И смотрю на вышивку свою,
В этом парне, летчике-герое,
Друга своего я узнаю.

Рассказать подробно вам о встрече
Не найдется подходящих слов,
Но скажу, что после нашей встречи
Закипит горячая любовь.

№ 175

Стоит на холме одинокий вагон,
Туман по низинам плывет,
И тихо играет родная гармонь,
И солнце над степью встает.

Работа на тракторе здесь горяча,
Не видишь, как день промелькнет,
Бывает под вечер усталость в плечах,
А юность на подвиг зовет.

В лазоревом небе весны перезвон,
В кустах соловейко поет,
И тихо поет тракторист молодой,
И утро над степью встает.

№ 176

Ой запели в поле ветры,
Певуны степные,
Ой запели, зашумели
Нивы золотые.

Зашумели, разыгрались,
Словно волны в море.
Ой ты степь моя родная,
Русские просторы!

Над широкой, вольной степью,
Без конца и края,
Льется песня изобилья,
Песня урожая.

С каждым днем живем привольней,
Крепнем силой грозной.
Славься, край ты мой свободный,
Славься, труд колхозный!

№ 177

Из-за Терека — бурной реки,
Из казачьей привольной степи,
От колхозников станицы Гребенской
Принесли мы привет трудовой.

Широки наши колхозные поля,
Изобильна плодородная земля.
У овец белоснежное руно,
Янтарем горит искристое вино.

Припев:

Побывайте у нас,
Погостите у нас,
Мы постелим на стол
Скатерть белую,
Обнесем всех гостей
Чаркой пенною.
Мы расскажем вам,
Чем богат наш народ,
Как идет наш колхоз
Год от года вперед.

Поведем вас, где нива шумит,
Где стеной кукуруза стоит,
Где девчата из звена Недовадей
Сняли тонны «королевы полей».
Анна Уманцева с Гайсиной Бурлият
Чудеса с кукурузой творят,
По сто центнеров с гектара берут,
Отстающих за собой вперед ведут.

Припев.

Мы покажем вам ферму свою,
Где доярка Тавмурзаева Таю,
Как Гаганова настойчивым трудом,
Стала первым колхозным маяком.
И таких вот, как наша Таю,
Прославляющих станицу свою,
Есть немало на фермах у нас,
Обо всех не расскажешь сейчас.

Припев.

Всех гостей поведем под конец,
Где гуляют отары овец,
Атюгеев Ямов — овцевод,
Он проводит зимний ранний окот.

Не в обиде и город на нас,
Продаем государству сейчас:
Молоко, мясо, яйца сполна.
Богатей, дорогая страна!

Припев.

№ 178

Над нашею сторонкой
Казачьей песни звон,
И славят в песнях этих
Казаки край родной.
Поем мы в наших песнях
О мире, о весне.
И трудимся упорно,
Чтоб побывать в Кремле.

Припев:

Любим родную землю, как мать,
Нашему счастью вечно сиять.
Славим тебя, братства семья,
Родина наша — мира страна!

И в поле за работой,
И дома каждый час
Мы думку в сердце носим,
Как урожай поднять.
Америку догоним,
Не в этом дела суть,
Мы к коммунизму строим
Прямой дороги путь.

Припев.

Вселенная зовет нас,
И цель у нас одна:
Крепить своим уменьем
Республику труда.
Так пусть светлей улыбки
В стране моей цветут.
Народы всей планеты
Наш одобряют путь.

Припев.

№ 179

Весельем, песней, шутками
Встречаем мы рассвет,
И счастьем дружбы радостной
Мой край родной согрет.

Припев:

Эх хорошо, дружно живут
Под небом милой Родины
Казак, чеченец, ингуш!

Как кончится работы день,
Ты в клуб к нам приходи,
Звенят здесь песни сунженцев
О дружбе, о любви.

Припев.

Растет, мужает славная
Нам смена — наша мощь,
Пусть славится, пусть славится
Родная молодежь.

Припев.

В труде неутомимая,
Всегда ты впереди,
И дружбе ты всегда верна,
Как ей верны отцы.

Припев.

Поет, цветет, красуется,
Вся светом залита,
Свободная, счастливая
Родная сторона.

Припев.

№ 180

От широких степей,
От душистых лугов
Мы, столица, тебе
Шлем привет и любовь.

Припев:

Приезжайте в гости к нам,
Подивиться полям,
Посидеть за столом,
За широким колхозным столом.

По-над Сунжей легли
И сады, и поля,
И водою реки
Напоена земля.

Припев:

По широким полям
Вьется Сунжа-река.
Весела и легка
Стала жизнь казака.

Припев.

Мы растим на полях
Хлеб любимой стране,
Чтоб богаче жилось
Нам в родной стороне.

Припев.

№ 181

У Кавказских гор могучих
Сунжа быстрая течет,
Там живет трудолюбивый
Казаков старинный род.

В годы грозные, былые
Отстояли край родной,
Мир и счастье получили
Для отваги трудовой.

Приезжайте, посмотрите,
Как в станицах жизнь цветет.
На полях — стеной пшеница,
Поголовье стад растет.

Получай, моя Отчизна,
Дар колхозных казаков:
Мясо, хлеб и мед душистый,
Фрукты солнечных садов.

У Кавказских гор могучих
Сунжа быстрая течет,
Там живет трудолюбивый
Казаков старинный род.

№ 182

У нив золотистых, чудесных,
У синих ликующих гор
Мы взяли слова этой песни,
И песня несется в простор.
Все дальше она улетает,
Нет в мире для песни преград,
Поля ее в путь провожают,
Сады ей в дорогу шумят.

Припев:

Под солнцем родимого края,
Со всею Советской страной,
Цвети, наша Сунжа, цвети, трудовая,
Мы вправе гордиться тобой!

Нет нашим дерзаньям предела,
Нет подвигам нашим числа,

Чтоб землю счастливою сделать,
Творим мы большие дела.
Где были лишь ветры степные
Да травы, поникшие в пыль,
Там вышки встают нефтяные,
Мечтой воплощенные в быль.

Припев.

Мы с песней проходим веселой,
И нас провожает с утра
В просторные, светлые школы
Шагающая детвора.
Расправив широкие плечи,
Повсюду в привольном краю,
На всех языках и наречьях
Мы Родину славим свою.

Припев.

№ 183

Как светлое Ленина имя,
Партия — гордость людей.
В великих свершеньях мы видим
Силу партийных людей.

Припев:

Партия — знамя свободы,
Партия — знамя труда.
Ленинской партии слава,
Слава на все времена!

Зажгла ты над нашей планетой
Мира немеркнущий свет,
И ленинской искры сиянье
Наш озаряет рассвет.

Припев.

Страну укрепляя, ведешь нас
Ты неустанно вперед,
В чудесное, близкое завтра
Наш направляешь полет.

Припев.

Пусть славится дружба народов,
Братских республик семья!
Звенит под родным небосводом
Партии песня моя.

Припев.

В заботах о благе народном,
Партия, думы твои,
И в мире нет имени выше,
Партия — солнце земли.

Припев.

№ 184

Сунжа с Ассой с гор высоких
Льются звонкою струей.
Первомайка и Слепцовка
Дружной стали жить семьей.

Ингуш, русский и чеченец
Долей связаны одной.
И нефтяник с земледельцем
Долг исполнят трудовой.

Силу трех народов-братьев
Не измерит человек,
Нерушимые объятья
Не расторгнутся вовек.

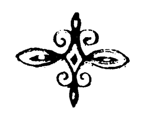
По долинам и нагорьям
С новой силой плещет жизнь.
Путь в счастливые просторы
Освещает коммунизм.

№ 185

Широки просторы наши,
Ой как широки,
Есть ли где милей и краше,
Братцы-казаки!
Самый лучший, так и знай,
Край привольный,
Край раздольный,
Наш советский край.

Запоем дружнее песню
О счастливых днях,
О колхозной жизни нашей,
Трудовых делах.
Лейся, песня, словно река,
Удалая,
Огневая,
Песня казака.

И подхватывает песню
Трудовой народ,
О казачьей гордой чести
Степь сама поет.
Край родимый, отчий край наш,
Не дадим
Врагу в обиду
Наш советский край.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

№ 186

Ой храбрец же, ой храбрец, Илья Мурович-душа,
Выезжал он во Киев-город издалека,
Под ним конь, аки лютый зверь.
Подъезжает он ко сырому ко дубу,
На вершине его сидит черный во́рон,
Хочет его Мурович застре́лити.
Говорит ему черный ворон да кучи́нчник(?):
— Не стреляй меня, Мурович,
Застрелишь ты меня, не утешишь сам себя.
Я скажу тебе, Мурович, всю правдушку:
Обложили злы черке́шены Киев-град,
Покопали они рвы глубокие.
И поехал млад Мурович ко Киеву.
Как на первую-то яму конь перепрыгивал,
Как на другую яму — конь обрушился.
Поймала Муровича сила неверная,
Связали Муровичу назад руки белые,
Сковали ему ноги резвые...

№ 187

Не во да́лече была́, во да́лече,
Во далеченьке была, во чи́стой поле,
Тут пролеживала дороженька,
Она не широкая, чуть пробойная.

Никто по ней не прохаживал,
Никто по ней не проезживал,
Тут прошел по ней старинушка,
Старо́й казак Илья Мурович.
На старинушке была шубеночка
Худым та худа, вся изло́тана.
На правая полачка во пятьсот рублей,
А левая на всю тысячу,
А на всей эфтой шубеночке сметы нету.
Стречаются старинушке да два охотничка,
Два охотничка да два разбойничка;
Хотят они старинушку зарезати,
Хотят они со старинушки эфту шубенку снять.
На ту пору старинушка присторо́жился,
Присторожился да натягивал свой тугой лук,
Налаживал свою каленую стрелу́;
Пущал он эфту стрелу во охотничков,
Во охотничков, во разбойничков.
Не попал он во охотничков,
А попал он во сырой дуб;
Расколол он сырой дуб на двенадцать штук.
На ту пору охотнички перпужалися,
Перпужалися и врозь разбежалися.

№ 188

Вот не на небе родился млад и юн-ат месяц,
Не на земле христился сильный русский богатырь;
По имени зовут его Добрынюшка,
Имем отчеством зовут — сын Микитьевич.
Уж он три та года был приемшшичком,
А на три та года был приворотничком,
Уж он три та года золоты ключи носил;
Всего та о́т роду Добрынюшке девять лет.
На девятыим годочку погулять он захотел;
Просил, молил свою родную матушку,
Родную матушку Амельфу Тимофеевну:
— Родная моя матушка, Амельфа Тимофеевна!
Пусти меня на чисту полю погулять, показаковать!
Отвечала свому сыну родная матушка,

Ро́дная матушка — Амельфа Тимофеевна:
— Младые твои лета, дитятка, в поле показаковать;
Не поднимешь, моя дитятка, сбрую ратную,
Сбрую ратную, копье булатную!
Отвечает Добрынюшка своей родной матушке:
— Не пушшаешь, родна матушка, своей волею,
А иду я своею охотою.
Вынимал та Добрынюшка свой на тугий лук,
Натягал он его туго-натуго,
Становлял та Добрынюшка калену́ стрелу,
Калену стрелу на тетиначку.
Пошел та Добрынюшка на Киянь-море,
На Киянь-море, на Буянь-остров.
Примечал та Добрынюшка, где Маришкин дом стоит.
Доходивши до подворья, ужахнулся он:
Круго́м та ее подворья на железный тын стоит,
На каждой на тыни́ночке все по маковочке,
Богатырские могучие все головушки.
Ширины ее подворья на двенадцати верстах,
Вышины ее подворья на двенадцати столбах.
Вот пушшал та Добрынюшка он на первую стрелу:
— На первая моя стрелочка по путю пошла:
Что собила у Маришки верхи-маковочки,
Верхи-маковочки по самые по окошечки.
Накладал Добрыня другу ее стрелу на тети́ночку:
— На вторая моя стрелочка по путю пошла:
Опустила у Маришки всю подворьицу.
Накладал та Добрынюшка на третию стрелу на тетиночку:
— На третия моя стрелочка по путю пошла,
Как разбила у Маришки печь муравчатую,
Как убила у Маришки друга милого — змея лютого.
На ту та пору Маришки ее дома не случилося,
Была та Маришка на Киянь-море,
На Киянь та море, на Буянь-острове,
У свово та друга милого — второго полюбовного.
Она белою белилою белилася,
Она черною шурмилою шурмилася;
Брала та Маришка свою подзорную трубу,
Глядела она в свою сторону.
Увидала та Маришка, что несчастьица,
Да сделалась Маришка скопцом-молодцом,
А извилась на черным вороном.

Летела она Маришка на свой широкий двор.
— Да что это за рассукин сын, за ябедник ходил?
Походочка была будто Добрынюшки,
А плеточка — сына Микитьевича.
Вот насмеюсь я насмешечку на хитрую,
На хитрую насмешечку, на мудрую,
Уж я сделаю тебя, Добрынюшка, поползучиим туром,
Прикую тебе, Добрыня, золотые та рога,
Пустю на тебя, Добрыня, во свой куминый луг;
Во том та лугу есть семь туриц,
Есть семь туриц — семь красных девиц.
День ходил Добрыня поползучиим туром,
До другого та дня, до полудня.
Услыхала та его родная тетушка,
Хитрей та, мудрей была Маришки шельмы, ябедницы.
В те часы отвечала родная тетушка:
— Насмеюсь та я насмешечку,
Ишшо хитрей та, мудрей тебя
Маришки шельмы, ябедницы.
Уж я сделаю тебя сукою поползучею,
Поползучею сукою, полежучею,
На ту та тебе чуду явную, чуду дивную;
Пустю за тобой, Маришка, да борзы́х кобелей,
Пустю на тебя при городе, при ярманке,
Во матушку в каменну Москву,
Всем князьям-боярам на диковишу,
На диковишу и на чудовишу.
Ни доходявши до города до ярманки,
Встречали ее князья-бояре посреди путя,
Ефтой чуде сильно удивлялися.

№ 189

Не буйные та ветерочки они взбушевалися,
Не сырые та дубочки они к земле клонются,
Воскланялся Добрынюшка своей ро́дной матушке,
На старо́й ли старушке Амельфе Тимофеевне:
— Отпусти-ка меня, маменька, в поля погуляти,
Да во ту же было во полюшку ее Куликовую,
Да во те во урочушки было во отцовские.

Как ответ держит Добрынюшке она своему та сыну:
— Та малешенек, моя дитятка, да ты все глупешенек!
Не сумеешь, моя дитятка, ефтим все копьем владеть,
Не споднимешь, моя дитятка, отцовскую сбруицу,
Отцовскую сбрую ратную, меч-копье булатную.
Ответ держит Добрынюшка своей родной матушке,
На родной та матушке, Амельфе Тимофеевне:
— Ты не́ пустишь меня, маменька, уйду своей волею,
Своей волею я, младешенек, своею охотою.
Дожидай-ка меня, маменька, да ты через три года,
Через три года не буду я, жди меня во шесть годов;
В шесть годов не буду, жди меня во девять лет;
Да на десятыим годочку да ты поминай меня!
Да приказывал Добрынюшка своей молодой жене:
— Не ходи ты, молода жена, замуж за Алешеньку,
За Алешеньку, за сына за Поповича:
Да он насмешничек молодой да деви́чий-бабий перелестничек.
Да проходют три года, проходют и шесть годов,
Проходют и шесть годов, прошло и девять лет,
На десятыим годочку поминать стали.
Да выходила молода жена замуж за Алешеньку,
За Алешеньку молода жена, за сына Поповича.
Да его же, Добрынюшки, добрый конь воспрокинулся:
— Ты хозяин ли мой, ты хозяин молодой!
Да поедем мы, хозяин мой, домой!
У нас в доме все несчастьице:
Молода жена вышла замуж за Алешеньку,
За Алешеньку, молода жена, за сына Поповича.
Да приехал мой Добрыня со чистого поля,
Да на старая старушка сидит на заваленке.
— Ты здорово, моя маменька, на старая старушка,
Старая старушечка Амельфа Тимофеевна!
Как ответ та держит старая старушка своему та сыну:
— Вы воришки, вы воришки кабацкие!
Вы давно мне надоели, надокучили,
Моя дитятка была не етака:
У мово ли у Добрынюшки голова с пивной котел,
Лицо его белое, как румяная заря,
Как пуховая ли шляпа, как батюшка светел месяц.
— Да отдай ты мне, маменька, золоты ключи,
Отомкну я, маменька, свою комнату,
Уж возьму я, Добрынюшка, свои звончаты гусли,

Я пойду та ко Алешеньке на свадьбицу,
Да на больше того пойду к молодой жене.
Да приходит Добрынюшка на свадьбицу;
Посадили Добрынюшку его все у кончика,
Да зачал ли Добрынюшка уж он все выигрывать:
— Да на где же была́ видано,
Да на где же была́ слыхано
От живого мужа жена она замуж пошла.
Да вставала молода жена да все со местичка:
— Уж вы, люди, люди добрые, вы люди хорошие!
Да приехал мой Добрыня со чистого поля.
Уж как взял Добрынюшка молоду жену,
Уж он взял ее за праву руку,
Как повел ее к своей родной матушке,
На старой ли старушке Амельфе Тимофеевне.
Он кричит та зычит своим громким голосам:
— Отворяй ты, моя маменька, широкие ворота́,
Ты встречай-ка меня, маменька, с молодой женой!
Уж и старая старушка отворяла широкие ворота́,
Принимала его маменька во высокие терема́,
Да окричала его маменька громким голосом:
— Уж вы люди, люди добрые, вы люди хорошие,
Да соседушки мои вы приближенные!
Вы идите, да придите на радость на мою;
Да приехал ли Добрыня со чистого поля.
Уж он взял та свою молоду жену
От Алешеньки, от сына от Поповича.

№ 190

Из села было все из селочка,
Из села было все из малыва.
Из села было все из малыва,
Все из малыва Карачаива.
Тут вылетывал млад ясен сокол,
Тут выпорхивал млад сизой кречёт.
Тут выпорхивал млад сизой кречёт,
Тут выёзживал млад донской казак,
Млад донской казак Илья Мурович,
Илья Мурович, Дюк Степанович,
Дюк Степанович, сын Иванович,
Дюк Степанович, сын Иванович.

Под ним добрый конь, ромно лютый зверь,
Под ним добрый конь, ромно лютый зверь.
От копыт купцом, шея ко́лесом,
От копыт купцом, шея ко́лесом.
Под копытицем все змей шипят,
Под копытицем все змей шипят,
Змей лютыя, скоропивонныя,
Змей лютыя, скоропивонныя,
Скоропивонныя двухголовныя,
Двухголовныя, одношерстныя.
На нем лук-сайдак, ромно жар, горит,
Ромно жар, горит красно солнушко.
Во камчах лежат ромно тридцать стрел,
Ромно тридцать стрел, еще три стрела.
Тридцати стрелам цена сказана,
А трем стрелочкам цены нету-ка.
У них ушички позлаченныя,
У них перушки все орловския.
Уж вон днем стрелял, ночью собирал,
Уж вон днем стрелял, ночью собирал.
Тут та ехали купцы торговыя,
Собирали перья орловския.
Все того орла, орла сизыва,
Орла сизыва, сизокрылыва.

№ 191

Ах сидят-то князья и бояре,
Пьют, гуляют, увеселяются,
Один-то князь неве́сел сидит,
Неве́сел сидит, да ничего не говорит,
Неве́сел сидит, да ничего не говорит.
— Ах разве нету у тебя молодой жены,
Или нету у тебя зла́та-се́ребра?
— Зла́та-се́ребра у меня на́брато, награ́блено,
Молодой жены у князя-то нетути.
— Мы найдем тебе молоду жену,
Молоду жену — раскрасавицу,
По твоему вкусу молодецкому.
У Федотушки несчастного молода жена,
Молода жена — раскрасавица,
Лучше, краше нее в свете нетути.

Отвечает тогда добрый молодец:
— На свете не видано и не слыхано —
От живого мужа жену отбить.
Говорят ему князья-бояре:
— А найдем Федотушке службишку,
Службишку дальнюю, безвозвратную.
Отошлем его на Черно море
Доставить оттолева горюч камень.
И призвали князья-бояре Федотушку,
Приказали ему службу исполнити.
Идет Федотушка к молодой жене,
Затужился он, да запечалился.
Говорит тогда молода жена-раскрасавица:
— Штой ты, Федотушка, запечалился?
Иль тебя, Федотушку, изобидели,
Местечком понизили, чаркой обездолили?
И говорит Федотушка молодой жене:
— Дали мне службу дальную,
Службу дальную, невозвратную.
— Не горюй, Федотушка, не тужи, родимый,
Ты ложись, мой друг, на белу́ постель,
Засыпай, Федотушка, богатырским сном.
Я пойду, Федотушка, к ро́дной маменьке,
Я добуду тебе, Федотушка, бел-горюч камень.
Засыпал Федотушка богатырским сном.
Добывал себе Федотушка бел-горюч камень.
Возговорили тогда князья-бояре, запечалились.
Посылали они к Федотушке бо́гатырей,
Могучих, великих бо́гатырей.
Не в дале́че во чисто́м поле
Не соколы слетаются, не орлы то бьются,
То слеталися, билися Федотушка с бо́гатырями да с могучими.
Позаспорили, поборолися об своих буйных головушках.
Ишто они билися, они рубилися
С утра день до ве́черу,
Как в осеннюю-то было темну ноченьку,
Во темну ноченьку до бело́й до зари.
По божеской было по милости,
По великому было-то счастьицу:
Сбил Федотушка богатыря-то главного,
Що сбил Федотушка богатыря-то меньшего,
Садился Федотушка на белые груди.
Ишшо вынимал Федотушка кинжалище булатное

И порол Федотушка груди белые.
Испугался богатырь, запечалился,
Взмолился богатырь ко Федотушке.
Встал Федотушка с белых грудей,
Накалил он, богатырь, калену́ стрелу́,
Хотел Федотушку застрелити,
Да по божеской-то было милости,
По младенческому было по счастьицу,
Воротилася калена́ стрела,
Да убила богатыря.
Устал Федотушка, измо́рился,
Прилегал Федотушка на зелену траву.
Прибегал богатырь с каленым мечом,
Ударял Федотушку по головушке.

№ 192

Не во да́лече было во чи́стом поле,
Не два сокола вместе они солеталися,
Не два богатыря они вместе соезжалися,
Не Иванушка со царем они крепко позаспорили,
Ишо сын Гордеевич крепко пораздорили.
А повздорили ишо не об сто рублей,
Ишо позаспорили не об тысяче,
Позаспорили они об своих буйных головушках.
Ишо они билися, вот они рубилися
С утра день до вечеру,
Как в осеннюю та было темну ноченьку,
В темну ноченьку до бело́й зари.
Не по божеской было по милости,
Та по младенческому было по счастьицу,
Сбил Иванушка царя вон его поганого,
Ишо сбил Гордеевич царя вон его неверного.
Ишо как садился Иванушка царю на белые груди,
Как садился Гордеевич на его груди царские.
Ишо вынимает Иванушка вострую кинжалишшу,
Ишо вынимает Гордеевич вострую, булатную.
Как хватит та Иванушка пороть груди белые,
Как хватит Гордеевич пороть груди царские.
Ишо как поганый царь крепко испугался,
Ишо как поганый царь возмовляется.

Он кричит та зычит своим громким голосом
Ишо ко Настасьюшке ко дочке Митревне:
— Да ты свороти Иванушку со моих белых грудей,
Свороти Гордеевича с моих царских!
Ишо ты своротишь Иванушку — будешь царицею,
А не своротишь Гордеевича — будешь постелицею.
Ишо своротила Иванушку со белых грудей,
Ишо своротила Гордеевича с его царских,
Ишо привезли Иванушку его ко сырому дубу.
Накладает он, поганый царь, свою калéну́ стрелу́,
Ишо как хотит его поганый царь застрелити,
Ишо как хоти́т Гордеевича он его застре́лити.
Да не по божеской была по милости,
Та по младенческому было по счастьицу,
Ишо воротилася она калена́ стрела,
Ишо да убила она вот его поганого царя.

№ 193

Ва Крыму та, братцы, было во Туретчине,
Не при ши́рокой было ровной при плошшади,
Там построена была злодеюшка,
Злодеюшка — тюрьма темная.
Без дверей та тюрьма, без окошечек,
Что с одной та она с дымчатой трубой.
Там засоженый сидит удал добрый молодец,
Со Терека со Горынича гребенской казак;
Он сидит та ровно тридцать лет,
Ровно тридцать лет, ишшо три года.
Поседела та доброго молодца седая его бородушка,
Побелела та его доброго молодца буйная головушка,
Что белей та она снегу белого.
Никто та, никто мимо тюрьмы не проёжживал,
Никто та, никто мимо тюрьмы не прохаживал.
Случилось та царю мимо тюрьмы ехати,
Сманилось та царю стати послухати.
Лучилось та молодцу во шшолочку глянуть.
Он кричит да зычит своим громким голосом:
— Уж ты, батюшка наш, православный государь,
Грозный царь Иван Васильевич!

Не хотишь ты меня, добра молодца, кормить-поить,
То пусти ты меня на волюшку!
Я сижу та сижу, добрый молодец,
Ровно тридцать лет, ишшо три года,
Со того та Терека Горынича гребенской казак.
Поседела та моя седая бородушка,
Побелела та моя буйная головушка,
Как белей та она снегу белого.
Ответ держит православный царь добру молодцу:
— Поутру та рано тебе будет решение,
Са бели́м та со светом прошшение.

№ 194

Как у нас было на батюшке,
Да на славныим тихим Дону,
Во Черкасским славном городу́,
Да там были, вот они служили,
Престарелы старики, прироженные они тумаки.
Они пьют та гуляют, проклаждаются,
Они пьют та гуляют, по беседушках сидят,
Про Азовый город говорят:
«Да не дай же, боже, уму-разуму
Как турецкому шельме-паше,
Не построил бы он своей башни
На Узбеке славном Калаче,
Не заставил бы свои он цепи
Через батюшку он синий Дон.
Да нельзя нам будет, казаченькам,
По тихому Дону погулять,
Нам ни лодочкой, ни корабличком,
Ни сухим бережочком».

№ 195

Как у нас было на батюшке —
На тихо́м на Дону,
Что на ти́хом Дону на Иваныче;
Что во славном городе
Было в Черкасске.

Как со вечера у нас есаул гребенской
Клич закликивал:
«Уж вы други мои, донские казаки,
Вы испейте-ка дорогого вина,
Дорогого вина, пойлица некупленного;
Поутру-то у нас, у казаченьков,
Будет весь повальный круг;
Что и всех-то ли казаченьков
Сорок тысяч будет,
Кроме старых-стародавних,
Кроме малых-малолетних...»
Во кругу стоит золотой бунчук,
Во кругу стоит атаманушка,
Перед ним стоит войсковой писарь,
В руках держит три указа государевы.
Он читает указушки скорописные,
Чтобы выслать Стеньку Разина
Во каменну Москву;
А до этого Стенька Разин
В круг не хаживал,
А теперь у нас он во кругу стоит,
Во кругу стоит он и речь говорит:
«Что не царские-де эвто грамоты,
А боярские-де эвто вымыслы».
И сказавши этак, он вышел из круга.

№ 196

Что не выше-то было города Саратова,
Чуть пониже было города Камышина...
Там текла протекала Камышушка-река,
За собой речушка вела красненькие берега,
Все по ним-то зеленые луга.
Что на устьицем вливались в Волгу-речушку.
Не по славной было Камышушке-реке,
Там плыли-то восплывали нарядные струги,
Что на тех ли на стружочках удалые молодцы,
Удалые молодцы, гребенские казаки.
На них шапочки боброві, верхи бархатные,
На них белые чулочки, сафьяновы сапожки.

На них штаники червленны,
Ровно град Червленный их...
На них тонкие рубахи с золотым галуном.
Они идут, воспевают,
Реку Терек вспоминают.
Когда б если не батюшка Разин,
Давно б гуливали по реке,
На славной быстрой Гребенской.

№ 197

На святой-то Руси в кременнóй Москве
Было на площади:
Собирались там стрельцы-бойцы
Во единый круг.
Как увидел их с высóка терема
Атаманушка,
Он подходит к ним —
Низко кланяется.
«Да и здравствуйте, ребятушки,
Вы стрельцы-бойцы!
Да и что это у стрельцов-бойцов
За круг собрат?»
«Собрал-то нас, стрельцов-бойцов,
Православный царь.
Он допрежде нас дарил-жаловал,
А теперь казнить велит.
Как и пятого и десятого
Кнутом сечь,
Как и третьего и четвертого
Казнить-вешати...
Попроси царя, атаманушка,
Чтоб простил стрельцов».
«Если вас простит — так бояр казнит».

№ 198

Тысяча семьсот девятого года,
Того было месяца июля
И тех было чисел двадцатых;
Хвалился собака король Шведский,
Хвалился собака, похвалялся,
Со многою силою собирался.
Он хочет качнуться на Рассеюшку,
То под славный город, под Полтаву.
Подкупил он русского Мазепу;
Но Мазепа ему не попрочил,
И повел его не путем, не дорогою,
А повел его топями, водами,
Да быстрыми реками;
Вот дошли они до речки Ворсклы,
Стали через речку переправляться.
Переправясь через речку, становилися,
Шанцы, батареи высыпали,
Да отъезжие бакеты становили.
Там далече-далеко в чистом поле,
Там лежала новая дороженька.
Да никто по ней, по дороженьке,
Ни пройдет, ни проедет;
И по ней-то шел-прошел боярин
То Борис Петрович Шереметьев
Со своими ли московскими полками,
Со своими ли донскими казаками.
На подмогу взял охотничка,
Разудалого полковничка
С Гребенскими казаками.
Там поймали они шведского майора,
Поймали, связали,
Связали, спросили:
«Скажи, майор, не утайся,
Всею правдою откройся:
Сколько с вами пришло силы?»
«Пришло силы сорок тысяч».
Не громы громкие гремели,
Не светлы молнии светлели —
То гремели пушки ломовые,

То блистал ручной огонь,
Да летали ядерцы чугунные.
От того-то король Шведский ужаснулся,
От города Полтавы откачнулся.
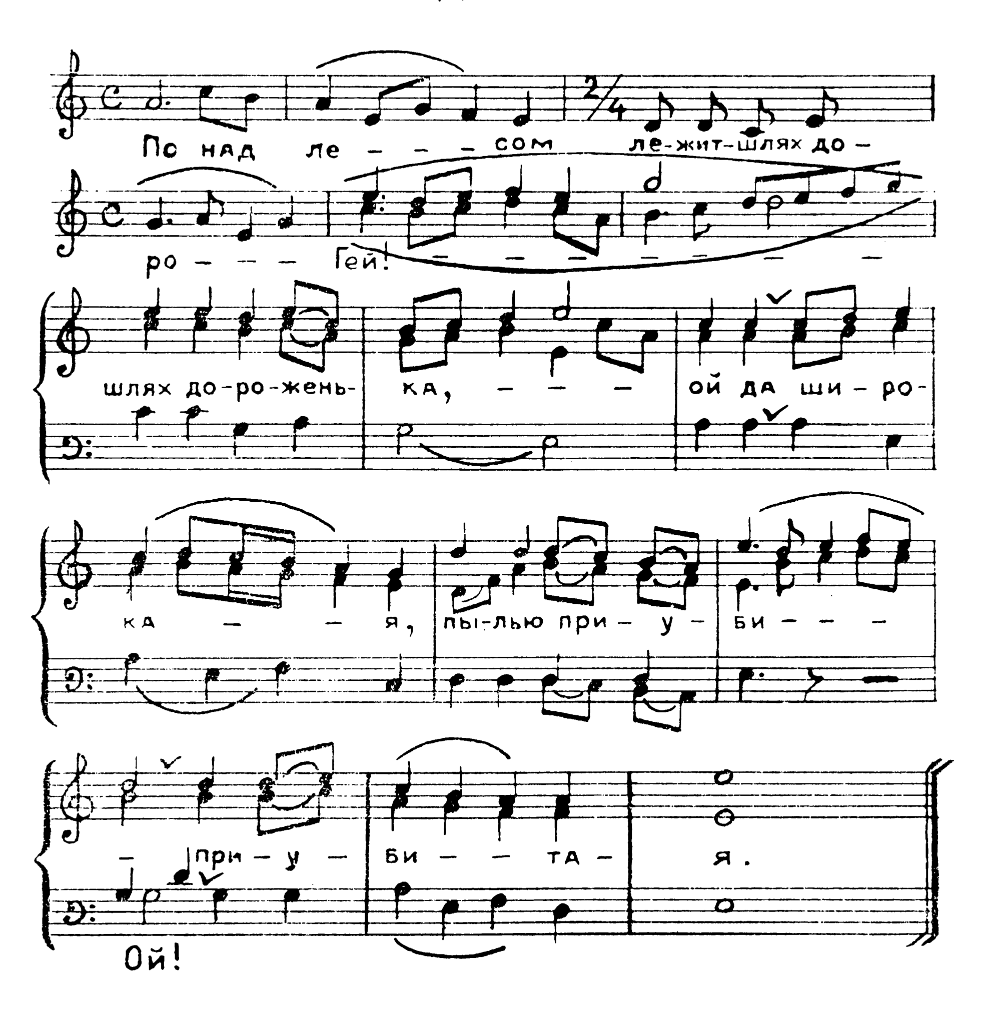
№ 199

Что ж это мелькает, братцы, меж кустов,
Словно пропадает.
Цепь проворная, стрелки, вперед!
Ружья заряжайте,
Цепь проворная, стрелки, вперед!
Ружья заряжайте.
Без дорожки, братцы, без пути мы
Всюду проберемся.
Ай, без дорожки, братцы, без пути мы
Всюду проберемся.
Где река, где река, плыви смелей,
Выйдем, отругнемся,
Ай, где река, где река, плыви смелей,
Выйдем, отругнемся.
Взвод стрелков, взвод стрелков, всегда вперед,
Сотня врассыпную,
Ай, взвод стрелков, взвод стрелков, всегда вперед,
Сотня врассыпную.
Протрубил, протрубил сигнальный рог,
Батальон сомкнулся,
Ай, протрубил, протрубил сигнальный рог,
Батальон сомкнулся.
Кто прилег, кто прилег в большой траве,
Кто за куст пригнулся,
Ай, кто прилег, кто прилег в большой траве,
Кто за куст пригнулся.
Кто пе́рвый, кто пе́рвый на вал зайдет,
Тому честь и слава,
Ай, кто пе́рвый, кто пе́рвый на вал зайдет,
Тому честь и слава.
Ай, Севастопольцы-друзья, вперед!
Равненье направо,
Ай, Севастопольцы-друзья, вперед!
Равненье направо!
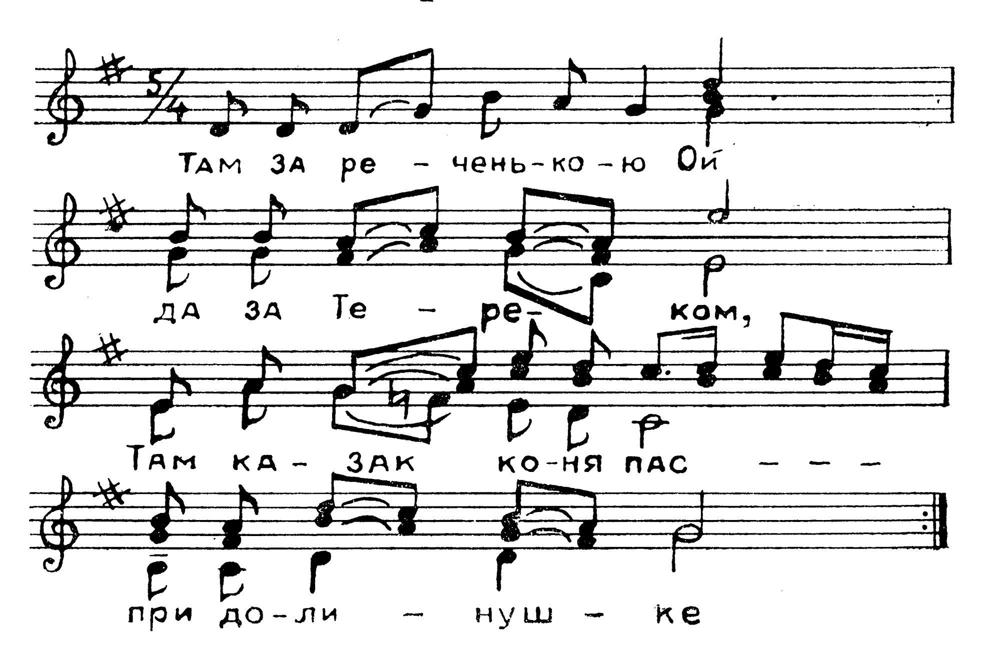

ПРИЛОЖЕНИЕ II
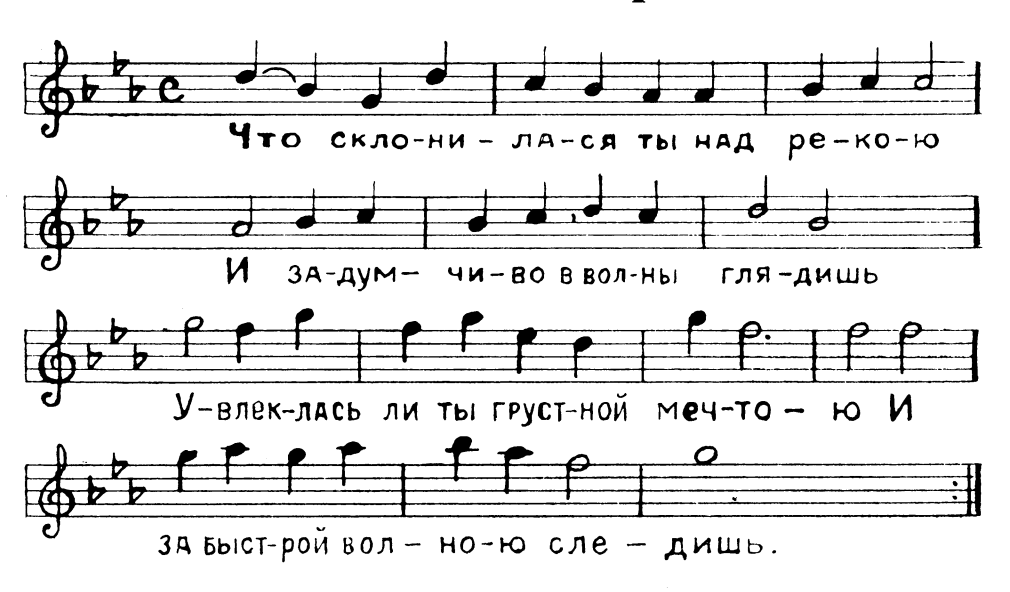
По-над лесом № 52
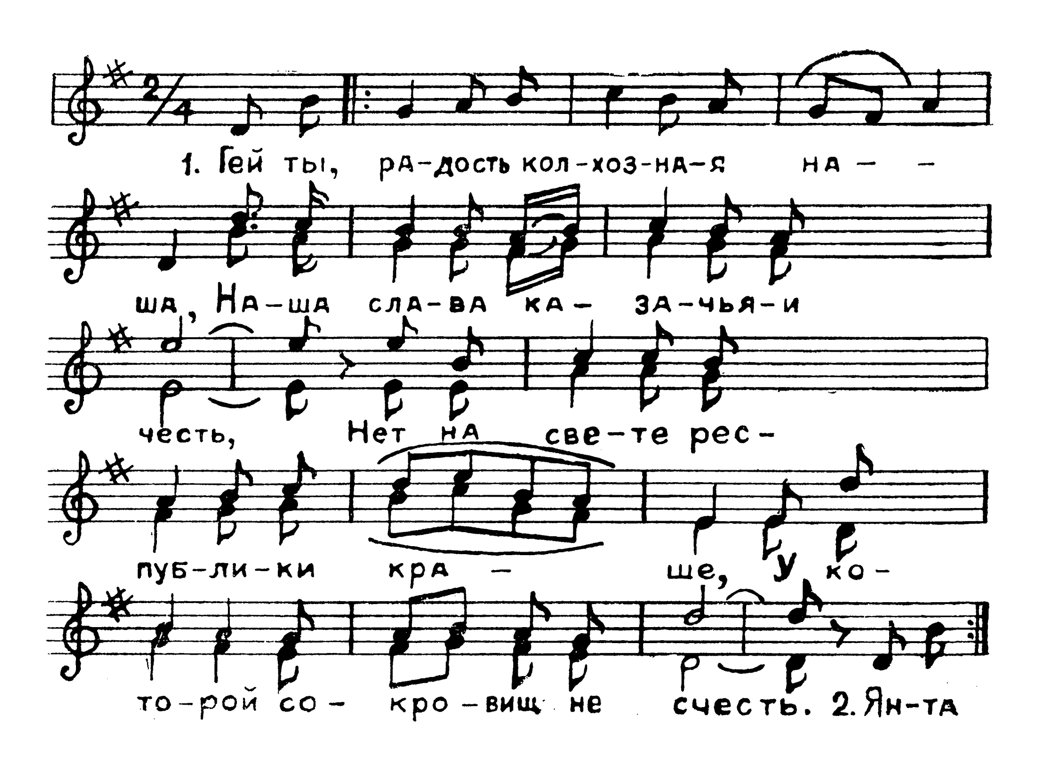

Там за реченькою № 61
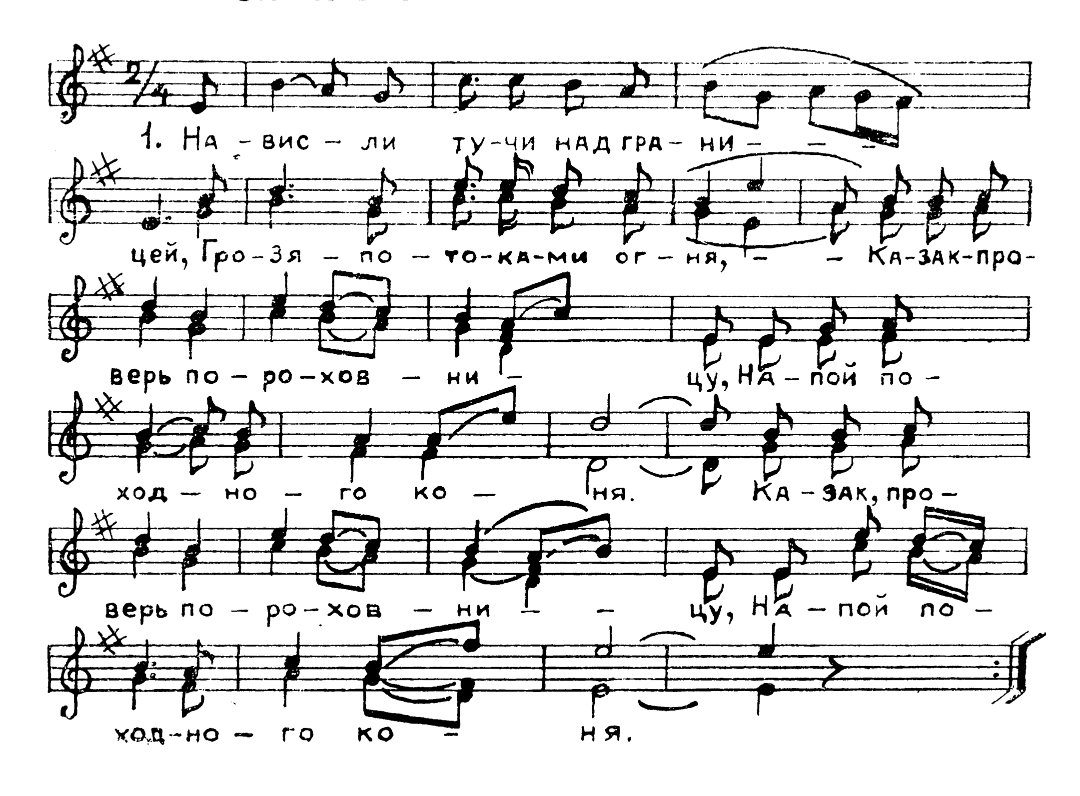

Что склонилася ты над рекою № 141

Казачья колхозная № 164

Казачья боевая № 166

ПРИМЕЧАНИЯ

Сведения
об исполнителях терских казачьих песен

1. Агаркова А. П., 66 лет [1], колхозница, ст. Орджоникидзевская.
2. Алёшечкин И. В., 95 лет, колхозник, ст. Червленная.
3. Андрюхина А. Е., 64 года, колхозница, ст. Гребенская.
4. Асекова В. Н., 36 лет, колхозница, ст. Гребенская.
5. Бабсков Ф. Е., 52 года, колхозник, ст. Старогладковская.
6. Бадина Н. Г., 56 лет, колхозница, ст. Старый Щедрин.
7. Белогуров М. Т., 83 года, колхозник, ст. Орджоникидзевская.
8. Богомазова Б. С., 55 лет, колхозница, ст. Старый Щедрин.
9. Гайдин М. Ф., 67 лет, колхозник, ст. Троицкая.
10. Гужева А. Т., 41 год, колхозница, ст. Старый Щедрин.
11. Докторова М. Ф., 65 лет, колхозница, ст. Гребенская.
12. Жохова Э. Г., 29 лет, колхозница, село Раздолье.
13. Иванова Е. М., 102 года, колхозница, ст. Гребенская.
14. Кальченко А. Т., 65 лет, колхозница, ст. Гребенская.
15. Кожакина П. М., 65 лет, колхозница, ст. Старогладковская.
16. Кононенкина В. В., 45 лет, колхозница, ст. Гребенская.
17. Копылова А. И., 60 лет, колхозница, ст. Орджоникидзевская.
18. Лакиенко А. Е., 21 год, учительница, село Раздолье.
19. Леонидов И. Н., 70 лет, учитель, ст. Орджоникидзевская.
20. Лиманова А. И., 65 лет, колхозница, ст. Гребенская.
21. Лисовская Т. А., 24 года, учительница, ст. Старый Щедрин.
22. Малинка К. М., 51 год, библиотекарь, ст. Троицкая.
23. Павлова Л. И., 62 года, колхозница, ст. Старый Щедрин.
24. Павлова М. К., 64 года, колхозница, ст. Старый Щедрин.
25. Пархомин А. А., 53 года, колхозник, ст. Троицкая.
26. Петров Т. А., 90 лет, колхозник, ст. Шелковская.
27. Погорелов А. П., 50 лет, колхозник, ст. Старый Щедрин.
28. Смирнова Л. Е., 22 года, колхозница, ст. Гребенская.
29. Стоянова В. А., 57 лет, колхозница, ст. Старый Щедрин.
30. Табаева О. И., 60 лет, колхозница, ст. Орджоникидзевская.
31. Уманцева Н. Г., 66 лет, колхозница, ст. Гребенская.
32. Урчукина Т. А., 66 лет, колхозница, ст. Старогладковская.
33. Хирьянова М. М., 37 лет, служащая, ст. Троицкая.

---

[1] Возраст исполнителей указывается к моменту записи песен.

34. Чеботаев А. И., 73 года, колхозник, ст. Троицкая.
35. Шаламов А. Я., 64 года, колхозник, ст. Орджоникидзевская.
36. Широкова А. Я., 65 лет, колхозница, ст. Старый Щедрин.
37. Янова А. С., 54 года, колхозница, ст. Орджоникидзевская.

Хор станицы Ассиновской[1]

Баскаков Н. С., 55 лет, колхозник.
Батулик И. Я., 69 лет, колхозник.
Бубенок В. А., 26 лет, колхозница.
Варнавский В. Н., 55 лет, колхозник.
Войстрик Т. Д., 42 года, работница консервного завода.
Волкова П. Е., 19 лет, колхозница.
Гончаров Г. П., 54 года, служащий.
Еремеева Л. П., 50 лет, домохозяйка.
Колотаева Н. И., 40 лет, колхозница.
Круглова М. И., 36 лет, служащая.
Ледиева Н. И., 26 лет, колхозница.
Луценко М. Г., 36 лет, служащая.
Можаева З. А., 30 лет, служащая.
Можаев М. Г. 34 года, колхозник.
Мосленко И. Н., 48 лет, колхозник.
Пиунов А. Т., 73 года, колхозник.
Сахаров А. Н., 45 лет, колхозник.
Чаплыгина Л. М., 35 лет, работница консервного завода.
Шабанов П. Е., 57 лет, колхозник.

Хор станицы Карабулакской

Беляева Е. И., 53 года, колхозница.
Грицаенко С. И., 85 лет, колхозник.
Грицаенко С. С., 64 года, колхозник.
Евдокимов С. П., 81 год, колхозник.
Ерош А. П., 36 лет, колхозница.
Игнатенко Е. И., 56 лет, колхозница.
Клюшин В. И., 63 года, колхозник.
Парфёнова М. М., 55 лет, колхозница.
Рыбальченко Х. Н., 72 года, колхозник.
Тишкова-Гулова Е. Ф., 35 лет, колхозница.
Тишкова-Гурина С. Ф., 47 лет, служащая.
Тишкова-Горлова В. Ф., 43 года, колхозница.
Тонкогубова Е. И., 45 лет, колхозница.
Шаньков Т. А., 64 года, колхозник.
Шанькова М. В., 53 года, колхозница.
Щастная О. С., 47 лет, колхозница.
Юшков В. И., 52 года, служащий.

---

[1] Станицы Ассиновская, Орджоникидзевская, Карабулакская и Троицкая входят в состав Сунженского района ЧИАССР, станицы Червленная, Старый Щедрин, Шелковская, Гребенская и Старогладковская — в состав Шелковского района ЧИАССР, село Раздолье — в состав Кизлярского района ДАССР.

Хор станицы Орджоникидзевской

Агаркова А. П., 61 год, колхозница.
Беликов В. П., 67 лет, колхозник.
Долженко К. С., 56 лет, колхозница.
Косенко А. С., 35 лет, колхозник.
Курьянова Е. П., 29 лет, служащая.
Леонова Д. И., 53 года, колхозница.
Лещименко Н. Н., 32 года, колхозник.
Лифорова В. П., 37 лет, колхозница.
Никулин И. Н., 38 лет, колхозник.
Никулина Л. М., 38 лет, колхозница.
Шаламов А. Я., 64 года, колхозник.
Янова А. С., 52 года, колхозница.

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

Песни календарных обрядов

1. Записана 27 сентября 1965 года от Н. Г. Бадиной. Варианты: Поэзия крестьянских праздников. Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания И. И. Земцовского. Л., 1970, № 91—92; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXIX. Тифлис, 1908, отд. 2, стр. 73. Новогодняя колядка. Во время исполнения дети разбрасывали хлебные зерна по комнате. Колядке приписывалось некогда заклинательное значение: она должна была содействовать жизненному благополучию крестьянина-земледельца.

2. Записана 7 января 1967 года от Э. Г. Жоховой и А. Е. Лакиенко. Варианты: Поэзия крестьянских праздников. Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания И. И. Земцовского. Л., 1970, № 46 (последние два стиха); Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXIX. Тифлис, 1908, отд. 2, стр. 72. Новогодняя колядка. В свое время была очень распространена на Тереке.

3. Записана 25 сентября 1965 года от Е. М. Ивановой. Вариант: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VII. Тифлис, 1889, отд. 1, стр. 108; песня того же типа. Поэзия крестьянских праздников. Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания И. И. Земцовского. Л., 1970, № 83. Относится к числу детских колядок. Напоминает небылицы. Наш текст значительно полнее известных нам записей.

4. Записана 25 сентября 1965 года от А. И. Лимановой. Варианты: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VII. Тифлис, 1889, отд. 1, стр. 103—104; А. А. Макаренко. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. — Записки РГО по отделению этнографии. Т. 36. СПб., 1913, стр. 43. Песня исполнялась в период новогодних гаданий и предвещала свадьбу.

5. Записана 2 декабря 1966 года от П. М. Кожакиной и Т. А. Урчукиной[1]. Варианты: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. V. СПб., 1900, № 3—7; Терцы. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических данных о терском казачьем войске. Составил А. Ржевусский. Владикавказ, 1888, стр. 263; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VII. Тифлис, 1889, отд. 1, стр. 102; вып. XV. Тифлис, 1893, стр. 65; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 187. Семицко-троицкая песня. В троицын день

---

[1] Эта песня, а также № 13, 15, 21, 26, 27, 29, 30, 31, 63, 106, 111 записаны Т. И. Андриановой.

девушки завивали из цветов венки и бросали их в воду. Потонувший венок означал смерть девушки или разлуку с любимым, плывущий — любовь и счастье. Обряд сопровождался исполнением подобных песен.

6. Записана 26 сентября 1965 года от Е. М. Ивановой. См. комментарий к № 5 Старогладский городочек — станица Старогладковская.

7. Записана 25 сентября 1965 года от Е. М. Ивановой. Вариант: Поэзия крестьянских праздников. Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания И. И. Земцовского. Л., 1970, № 567. Семицко-троицкая песня. Сенница — сарай для сена, сеновал.

8. Записана 27 сентября 1965 года от Н. Г. Бадиной. См. комментарий к № 5.

9. Записана 26 сентября 1965 года от Е. М. Ивановой. Варианты: Поэзия крестьянских праздников. Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания И. И. Земцовского. Л., 1970, № 67; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 162. Семицко-троицкая песня. Наш вариант значительно сокращен.

Свадебные песни

10. Записана 27 сентября 1965 года от Н. Г. Бадиной. Варианты: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XV. Тифлис, 1893, стр. 148; вып. XXXIII. Тифлис, 1904, отд. 2, стр. 28—29; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 76. Песня исполнялась в вечер сговора. Силенек — сильный, меленек — мелкий.

11. Записана 10 октября 1964 года от А. И. Копыловой. Вариант: П. В. Шейн. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1900, № 1554. Песня исполнялась в вечер сговора. Наш текст сокращен. Даем окончание по Шейну:

Как чужой он чуженин
Без плеточки выучит,
Без морозу сердце вызнобит.
У родимого батюшка,
У его сердце каменно,
В железо сковано,
В железо сковано,
В булате сварено,
В булате сварено.
Он сходил к дубову столу,
Он принял золоту чару,
Он выпил зелено вино,
Он пропил меня, молоду,
На чужу дальню сторону.

12. Записана 25 сентября 1965 года от А. Е. Андрюхиной. Варианты: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. III. СПб., 1897, № 19—32, 34, 35; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 91. Песня исполнялась на девичнике.

13. Записана 2 января 1966 года от П. М. Кожакиной и Т. А. Урчакиной. Варианты: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VI. Тифлис, 1888, отд. 1, стр. 32; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 90. Песня испол-

нялась на девичнике. Начало нашего текста полностью совпадает с прежними записями, однако концовка не имеет с ними ничего общего.

14. Записана 28 сентября 1965 года от Н. Г. Бадиной. Варианты: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXIX. Тифлис, 1901, отд. 3, стр. 120; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 75. Песня исполнялась на девичнике.

15. Записана 2 декабря 1966 года от П. М. Кожакиной и Т. А. Урчукиной. Варианты: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VII. Тифлис, 1889, отд. 1, стр. 94—95; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 58. Песня исполнялась на девичнике. В композиционном отношении наш текст стройнее. Кроме того, в нашем варианте дается оригинальный развернутый зачин, в предыдущих публикациях он свернут до минимума.

16. Записана 10 октября 1964 года от А. И. Копыловой. Варианты: П. В. Шейн. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. Т. 1, вып. 2. СПб., 1900, № 1411; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VII. Тифлис, 1889, отд. 1, стр. 71—72; вып. XXIX. Тифлис, 1901, отд. 3, стр. 114—115; вып. XXXIX. Тифлис, 1908, отд. 2, стр. 63; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 75. Песня исполнялась на девичнике невестой, если она была сиротой.

17. Записана 6 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Карабулакской. Варианты: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. III. СПб., 1897, № 201—203; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XV. Тифлис, 1893, стр. 184; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 63. Песня исполнялась на девичнике.

18. Записана 28 сентября 1965 года от А. Я. Широковой. Вариант: Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 186. Песня исполнялась на девичнике.

19. Записана 30 сентября 1965 года от Ф. Е. Бабскова. Варианты: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. III. Тифлис, 1883, отд. 2, стр. 57; вып. VII. Тифлис, 1889, отд. 1, стр. 56; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 155. Величальная свадебная песня, исполнялась на свадебном пиру.

20. Записана 26 сентября 1965 года от А. Т. Кальченко. Варианты: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VII. Тифлис, 1889, отд. 1, стр. 58; вып. XXIX. Тифлис, 1901, отд. 3, стр. 111—112; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 77. Величальная свадебная песня, исполнялась на свадебном пиру. Наш текст в художественном и композиционном отношениях совершеннее записей прежних экспедиций.

21. Записана 25 февраля 1970 года от А. П. Агарковой. Вариант: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. IV. СПб., 1898, № 236. Песня исполнялась в день свадьбы, в момент «торгов». Сóженое — суженое. Дороженое — дорогое.

22. Записана 28 сентября 1965 года от А. Я. Широковой. Варианты: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VII. Тифлис, 1889, отд. 1, стр. 59; Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. Владикавказ, 1878, стр. 228; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 89. Величальная свадебная песня, исполнялась на свадебном пиру. Сизый павел — павлин.

23. Записана 28 сентября 1965 года от А. Т. Гужевой. Вариант: Великорус-

ские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. VII. СПб., 1902, № 193—201. Песня исполнялась на свадебном пиру.

24. Записана 7 января 1967 года от Э. Г. Жоховой и А. Е. Лакиенко. Вариант: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. II. СПб., 1896, № 62—68. Наш вариант сильно отличается. Величальная свадебная песня, исполнялась на свадебном пиру.

25. Записана 3 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Ассиновской. Вариант: П. В. Шейн. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. Т. 1, вып. 2. СПб., 1900, № 1998, 2430. Величальная свадебная песня, исполнялась на свадебном пиру.

26. Записана 14 января 1967 года от М. Ф. Доктуровой. Вариант, близкий нашему, см.: А. М. Листопадов. Старинная казачья песня. Ростиздат, 1947, № 4.

Песня исполнялась в тот момент, когда жениха и невесту вели под венец. В этой песне, а также в № 32 (лютыя морозы, крещенскаи), 43 (люди хорошия) и некоторых других диалектные особенности выражены сильнее, чем в основной массе текстов. Тем не менее мы сочли возможным сохранить их, чтобы читатель имел представление об особенностях местного говора.

27. Записана 25 февраля 1970 года от А. П. Агарковой. Вариант: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VI. Тифлис, 1888, отд. 1, стр. 85. Песня исполнялась в день свадьбы. Наш текст значительно короче. Даем окончание по публикации в Сборнике материалов:

— И, Аннушка, отворись,
Ивановна, отопрись!
— Я бы рада отворилась,
Боюсь, боюсь батюшку,
Опасаюсь матушку,
Семеюшку не смею.
Иванушка, подожди,
Семенович, обожди!
— Я бы рад бы обождал,
Мой ворон конь не стоит,
Копытами землю бьет;
Из копыт руда течет.
Молодца горе берет.
Громышная — горемычная.

28. Записана 10 октября 1964 года от А. И. Копыловой. Вариант: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VII. Тифлис, 1889, отд. 1, стр. 63. Величальная свадебная песня, исполнялась во время свадебного пира.

29. Записана 27 февраля 1970 года от А. С. Яновой. Величальная свадебная песня, исполнялась во время свадебного пира.

30. Записана 13 января 1967 года от М. Ф. Доктуровой. Вариант: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VII. Тифлис, 1889, отд. 1, стр. 55. Величальная свадебная песня, исполнялась во время свадебного пира.

31. Записана 25 февраля 1970 года от А. П. Агарковой. Песня исполнялась на свадебном пиру. Вариант: Народное поэтическое творчество Смоленской области. Смоленск, 1954, стр. 69.

32. Записана 4 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Ассиновской. Вариант: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XV. Тифлис, 1893, стр. 49, 246—247; вып. XXIX. Тифлис, 1901, отд. 3, стр. 116—117. Зачин широко известной в свое время свадебной песни, исполнявшейся в момент приготовления невесты к венцу. Даем окончание песни по Сборнику материалов:

Вот тебе, Машенька,
Не долго сидеть:
Сы утра́, сы утра́
Да до вечера.
Нонче к тебе, нонче к тебе
Придут люты свахи,
Разлучать тибе, Машенька,
С отцом-матерью,
С родным племенем,
С милыми подружкими.

33. Записана 4 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Ассиновской.

34. Записана 4 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Ассиновской. Вариант: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VII. Тифлис, 1889, отд. 1, стр. 59—60. Свадебная песня. Наш текст сокращен. Приводим окончание по Сборнику материалов:

Он всех девок разгонял, разгонял;
Он Агафьюшку поймал — целовал,
Он Ипполитевну поймал — целовал:
— Ты, Агафьюшка, моя, ты моя.
— Нет, я, сударь, не твоя, не твоя.
— Ты, Ипполитевна, моя, ты моя.
— Нет, я, сударь, не твоя, не твоя;
Я у бога сиротою, а ты пан,
Ищи себе такую же, как и сам.
— Я три града изошел, изъездил —
Лучше тебя, Агафьюшка, не нашел,
Лучше тебя, Ипполитевна, не нашел.
Во горенке во новой, во новой
Стоит столик дубовый, дубовый;
На столике дубовом, дубовом,
На скатерке шелковой, шелковой
Стоит кубчик золотой, золотой,
Полон меду налитой, налитой.
Агафьюшка скажет: «мой», скажет: «мой»,
Ипполитевна скажет: «мой», скажет: «мой».

БЫЛИНЫ И ДРЕВНИЕ ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

35. Записана 25 сентября 1965 года от Е. М. Ивановой. Варианты: Ф. С. Панкратов. Гребенцы в песнях. Владикавказ, 1895, стр. 12; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXVII. Тифлис, 1900, стр. 83; Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914, № 3, стр. 74; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 1. Былина не имеет точных параллелей в общерусском эпосе. Варианты, опубликованные ранее, значительно полнее нашего. Приводим окончание былины по публикации С. С. Фарфоровского:

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

47. Записана 25 сентября 1965 года от А. Е. Андрюхиной. Варианты: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. V. СПб., 1900, № 510—513; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXIX. Тифлис, 1901, отд. 3, стр. 130—131; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 54. Военно-бытовая лирическая песня. Исполнялась, как правило, в момент проводов казака на службу. В нашем тексте существенно отличается вторая часть.

48. Записана 27 сентября 1965 года от Л. И. Павловой. Варианты: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. IV. СПб., 1898, № 805—813; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VII. Тифлис, 1889, стр. 84; вып. XXIX. Тифлис, 1901, отд. 3, стр. 125; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 152.

49. Записана 25 сентября 1965 года от Л. Е. Смирновой. Варианты: Русские народные песни. Сборник третий. М.—Л., 1937, стр. 125; Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка. Составитель, автор статьи и примечаний В. П. Кругляшова. Свердловск, 1967, стр. 147, 275—276; М. А. Караулов 2-й. Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912, стр. 260. Провожальная военно-бытовая лирическая песня.

50. Записана 27 сентября 1965 года от М. К. Павловой. Варианты: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VII. Тифлис, 1889, отд. 1, стр. 80; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 194.

51. Записана 15 октября 1964 года от хора казачьей песни станицы Орджоникидзевской. Варианты: Песни, собранные П. В. Киреевским. Изданы Обществом любителей российской словесности. Вып. IX, стр. 306; Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. VI. СПб., 1901, № 153—159; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XV. Тифлис, 1893, стр. 75; вып. XXIX. Тифлис, 1901, отд. 3, стр. 142—143; М. А. Караулов 2-й. Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912, стр. 325; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 43. Одна из популярнейших песен на Тереке. Сложена была в XVIII веке в солдатской среде на турецкой границе. Позднее проникла в казачий репертуар. Исполнялась песня как плясовая, в быстром темпе. Бытует почти в каждой станице.

52. Записана 15 октября 1964 года от хора казачьей песни станицы Орджоникидзевской. Вариант: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXIX. Тифлис, 1901, отд. 3, стр. 141—142. В нашем сборнике публикуются ноты к данной песне. См. приложение II.

53. Записана 15 октября 1964 года от хора казачьей песни станицы Орджоникидзевской. Вариант: Д. Натиев. Кавказский военный песенник. СПб., 1895, № 120. Припев в нашем тексте повторяется после каждого четверостишия.

54. Записана 26 сентября 1965 года от Е. М. Ивановой. Песни со сходными мотивами см.: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. VI. СПб., 1901, № 247 и след.

55. Записана 25 сентября 1965 года от А. Е. Андрюхиной. Варианты: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXIX. Тифлис, 1901, отд. 3, стр. 140—141; вып. XXXIV. Тифлис, 1904, отд. 2, стр. 31—32; Записки Терского общества любителей казачьей старины. Вып. № 3. Владикавказ, 1911, стр. 61—62.

56. Записана 8 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Карабулакской Варианты: М. А. Караулов 2-й. Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912, стр. 314—315; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступи-

ские варианты: Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914, № 12, стр. 46; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 6, 48. Популярнейшая на Тереке историческая песня разинского цикла. Бытует во многих станицах. По мнению целого ряда исследователей, песня зафиксировала один из многочисленных фактов засылки Степаном Разиным своего лазутчика в город, который предстояло брать. (См. подробнее: Исторические песни XVII века. Отв. ред. Б. Н. Путилов. Л., «Наука», 1966, стр. 358; В. К. Соколова. Русские исторические песни XVI—XVIII веков. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 156—200).

41. Записана 15 октября 1964 года от хора казачьей песни станицы Орджоникидзевской. Варианты: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. 1. СПб., 1895, № 418—419; Исторические песни XVII века. Отв. ред. Б. Н. Путилов. Л., «Наука», 1966, № 348—349. Терские варианты: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VI. Тифлис, 1888, отд. 1, стр. 34—35; вып. XXVII. Тифлис, 1900, стр. 91; Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914, № 12, стр. 46; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 6, 150. Песня иногда включается в разинский цикл: сон видит Степан Разин. Без имени Разина песня имеет довольно широкое распространение на Тереке. Наш текст отличается композиционной стройностью и художественным совершенством.

42. Записана 25 сентября 1965 года от А. Т. Кальченко. Историческая песня украинского происхождения, отражающая события первой четверти XVII века. Варианты: Історичні пісні. Упорядкували І. П. Березовський, М. С. Родіна В. Г. Хоменко. Київ, 1961, стр. 174—175. Исторический комментарий там же, стр. 936—937. Наш текст довольно полон. Неудачно — замена украинского слова «необачний», т. е. неосмотрительный, опрометчивый.

43. Записана 27 сентября 1965 года от Л. И. Павловой. Варианты: Песни, собранные П. В. Киреевским. Изданы Обществом любителей российской словесности. Вып. VII, стр. 30—31, 126—127; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XV. Тифлис, 1893, стр. 82; вып. XXXIX. Тифлис, 1908, отд. 2, стр. 6; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 7. Песня отражает, очевидно, действительное событие — пожар в Москве в 1684 году. Наш текст в художественном отношении совершеннее многих более ранних записей, но в нашем варианте отсутствуют характерные для данной песни антибоярские мотивы.

44. Записана 2 декабря 1966 года от П. М. Кожакиной и Т. А. Урчукиной. См. комментарий к № 48. Смысл песни в том, что казаки (в других вариантах — солдаты) жалуются на свое положение при преемнике Екатерины — Павле (см., например, в варианте у Киреевского, вып. IX, стр. 264).

45. Записана 3 ноября 1966 года от А. И. Лимановой. Вариант: Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914, № 12, стр. 16. В песне, очевидно, нашли отражение события русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Наш текст несколько сокращен.

46. Записана 26 декабря 1965 года от А. И. Лимановой. Варианты: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XV. Тифлис, 1893, стр. 219; вып. XXXVIII. Тифлис, 1908, отд. 2, стр. 57; М. А. Караулов 2-й. Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912, стр. 193; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 31. Песня отражает события русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Наш текст довольно хорошо сохранился. Песня является одной из самых любимых на Тереке.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

47. Записана 25 сентября 1965 года от А. Е. Андрюхиной. Варианты: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. V. СПб., 1900, № 510—513; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXIX. Тифлис, 1901, отд. 3, стр. 130—131; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 54. Военно-бытовая лирическая песня. Исполнялась, как правило, в момент проводов казака на службу. В нашем тексте существенно отличается вторая часть.

48. Записана 27 сентября 1965 года от Л. И. Павловой. Варианты: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. IV. СПб., 1898, № 805—813; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VII. Тифлис, 1889, стр. 84; вып. XXIX. Тифлис, 1901, отд. 3, стр. 125; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 152.

49. Записана 25 сентября 1965 года от Л. Е. Смирновой. Варианты: Русские народные песни. Сборник третий. М.—Л., 1937, стр. 125; Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка. Составитель, автор статьи и примечаний В. П. Кругляшова. Свердловск, 1967, стр. 147, 275—276; М. А. Караулов 2-й. Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912, стр. 260. Провожальная военно-бытовая лирическая песня.

50. Записана 27 сентября 1965 года от М. К. Павловой. Варианты: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VII. Тифлис, 1889, отд. 1, стр. 80; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 194.

51. Записана 15 октября 1964 года от хора казачьей песни станицы Орджоникидзевской. Варианты: Песни, собранные П. В. Киреевским. Изданы Обществом любителей российской словесности. Вып. IX, стр. 306; Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. VI. СПб., 1901, № 153—159; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XV. Тифлис, 1893, стр. 75; вып. XXIX. Тифлис, 1901, отд. 3, стр. 142—143; М. А. Караулов 2-й. Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912, стр. 325; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 43. Одна из популярнейших песен на Тереке. Сложена была в XVIII веке в солдатской среде на турецкой границе. Позднее проникла в казачий репертуар. Исполнялась песня как плясовая, в быстром темпе. Бытует почти в каждой станице.

52. Записана 15 октября 1964 года от хора казачьей песни станицы Орджоникидзевской. Вариант: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXIX. Тифлис, 1901, отд. 3, стр. 141—142. В нашем сборнике публикуются ноты к данной песне. См. приложение II.

53. Записана 15 октября 1964 года от хора казачьей песни станицы Орджоникидзевской. Вариант: Д. Натиев. Кавказский военный песенник. СПб., 1895, № 120. Припев в нашем тексте повторяется после каждого четверостишия.

54. Записана 26 сентября 1965 года от Е. М. Ивановой. Песни со сходными мотивами см.: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. VI. СПб., 1901, № 247 и след.

55. Записана 25 сентября 1965 года от А. Е. Андрюхиной. Варианты: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXIX. Тифлис, 1901, отд. 3, стр. 140—141; вып. XXXIV. Тифлис, 1904, отд. 2, стр. 31—32; Записки Терского общества любителей казачьей старины. Вып. № 3. Владикавказ, 1911, стр. 61—62.

56. Записана 8 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Карабулакской Варианты: М. А. Караулов 2-й. Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912, стр. 314—315; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступи-

тельная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 188. Наш текст значительно полнее известных нам публикаций.

57. Записана 26 февраля 1970 года от О. И. Табаевой. Вариант: Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка. Составитель, автор статьи и примечаний В. П. Кругляшова. Свердловск, 1967, стр. 151—152, 277.

58. Записана 7 августа 1965 года от М. Ф. Гайдина.

59. Записана 8 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Карабулакской. Ходжи-Омар — очевидно, имя одного из известных в прошлом абреков. Вариант: Песни казаков Кубани. Запись текстов и подготовка к печати И. Ф. Вараввы. Краснодар, 1966, № 196.

60. Записана 27 февраля 1970 года от А. С. Яновой.

61. Записана 10 октября 1964 года от А. И. Копыловой. Варианты: Песни, собранные П. В. Киреевским. Изданы Обществом любителей российской словесности. Вып. X, № 4—6; Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. 1. СПб., 1895, № 381—409; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VII. Тифлис, 1889, № 5; вып. XV. Тифлис, 1893, стр. 199; вып. XXIX. Тифлис, 1901, отд. 3, стр. 144—145; вып. XXXIX. Тифлис, 1908, стр. 26; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 95. Очень популярная в наши дни военно-бытовая лирическая песня. По сравнению с более ранними публикациями наш текст несколько сжат. В нашем сборнике публикуются ноты к данной песне. См. приложение II.

62. Записана 26 сентября 1965 года от Е. М. Ивановой. Варианты: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. VI. СПб., 1901, № 278—284. Терские варианты: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VII. Тифлис, 1889, отд. 1, стр. 98—99; вып. XV. Тифлис, 1893, стр. 201.

63. Записана 27 сентября 1965 года от Н. Г. Бадиной. Варианты: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. 1. СПб., 1895, № 412—417; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXVII. Тифлис, 1900, стр. 98; вып. XXXIX. Тифлис, 1908, стр. 62; Записки Терского общества любителей казачьей старины. Вып. 6. Владикавказ, 1912, стр. 26; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 18, 47, 127. Зачин, содержание сна во всех вариантах одинаковы. Вторая часть песни разработана по-разному в различных вариантах. Чаще всего она содержит обращение к соловью слетать на родимую сторонушку.

64. Записана 7 августа 1965 года от М. М. Хирьяновой. Вариант: Песни казаков Кубани. Запись текстов и подготовка к печати И. Ф. Вараввы. Краснодар, 1966, стр. 98.

65. Записана 26 сентября 1965 года от Е. М. Ивановой.

66. Записана 27 сентября 1965 года от М. К. Павловой. Варианты: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXIX. Тифлис, 1908, отд. 2, стр. 69; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 92, 122. Некоторые исследователи относят данную песню к жанру свадебных, что сомнительно. Наш вариант скорее всего принадлежит к военно-бытовым лирическим песням, посвященным встрече воина с родными и близкими. К данному сюжету в тематическом отношении близко примыкает № 67 из нашего сборника.

67. Записана 26 сентября 1965 года от А. И. Лимановой.

68. Записана 26 сентября 1965 года от А. И. Лимановой. Казачий вариант широко распространенной песни «Не вейтеся, чайки, над морем», сложенной во время гражданской войны.

69. Записана 27 сентября 1965 года от Н. Г. Бадиной.

70. Записана 26 сентября 1965 года от А. И. Лимановой. Варианты: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VII. Тифлис, 1889, отд. 1,

стр. 92; вып. XXVII. Тифлис, 1900, отд. 4, стр. 108. Наш текст полнее указанных вариантов.

71. Записана 28 сентября 1965 года от В. А. Стояновой и Б. С. Богомазовой. Вариант: Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 65.

72. Записана 27 сентября 1965 года от Н. Г. Бадиной. Варианты: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VII. Тифлис, 1889, отд. 1, стр. 93; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 68, 132.

73. Записана 26 сентября 1965 года от А. И. Лимановой. Варианты: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. V. СПб., 1900, № 506; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 130.

74. Записана 26 сентября 1965 года от А. И. Лимановой. Вариант: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VII. Тифлис, 1889, отд. 1, стр. 78. Наш текст полнее.

75. Записана 28 сентября 1965 года от Т. А. Лисовской.

76. Записана 8 октября 1965 года от Е. М. Ивановой. Вариант: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. VI. СПб., 1901, № 501—508.

77. Записана 5 октября 1965 года от И. В. Алешечкина. Вариант: Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 61. Наш текст несколько полнее.

78. Записана 27 сентября 1965 года от Л. И. Павловой. Варианты: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. V. СПб., 1900. № 692; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XV. Тифлис, 1893, стр. 292; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 183.

79. Записана 27 сентября 1965 года от Л. И. Павловой. Варианты. Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. V. СПб.; 1900, № 667—674. Терские варианты: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VII. Тифлис, 1889, стр. 90; вып. XV. Тифлис, 1893, стр. 177.

80. Записана 28 сентября 1965 года от Е. А. Стояновой и П. С. Богомазовой.

81. Записана 3 октября 1965 года от Т. А. Петрова. Вариант: Полный русский песенник или собрание всех употребительных русских песен. Составил Матвеев. М., 1859, стр. 99 (Указано М. Я. Мельц).

82. Записана 8 октября 1965 года от Е. М. Ивановой. Вариант: Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 98. Коноватая шуба — из коновата, шелковой ткани.

83. Записана 25 сентября 1965 года от М. Ф. Докторовой и А. И. Лимановой.

84. Записана 14 октября 1964 года от А. Я. Шаломова. Вариант: Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 69.

85. Записана 8 октября 1965 года от Е. М. Ивановой. Вариант: Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 160.

86. Записана 26 сентября 1965 года от А. И. Лимановой.

87. Записана 4 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Ассиновской. Вариант: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. III. СПб., 1897, № 180—187. Была известна как плясовая песня.

88. Записана 3 октября 1965 года от Т. А. Петрова. Фольклорный вариант анонимной песни XVIII века (см.: Песни и романсы русских поэтов. Вступительная статья, подготовка текста и примечания В. Е. Гусева. М.—Л., 1965, № 123).

89. Записана 25 сентября 1965 года от М. Ф. Докторовой и А. И. Лимановой. Вариант: Песни Печоры. Издание подготовили Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.—Л., 1963, № 190.

90. Записана 8 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Карабулакской. Вариант: Песни донского казачества. Составил И. Кравченко. Сталинград, 1936, стр. 73.

91. Записана 28 сентября 1965 года от А. Я. Широковой. Вариант: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. IV. СПб., 1898, № 466—470. Наш текст существенно отличается по основным мотивам.

92. Записана 25 сентября 1965 года от А. Е. Андрюхиной. Вариант: Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 40.

93. Записана 4 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Ассиновской. Вариант: Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 70.

94. Записана 4 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Ассиновской. Варианты: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. III. № 256—261. Терский вариант: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXIX. Тифлис, 1901, отд. 3, стр. 125.

95. Записана 8 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Карабулакской.

96. Записана 8 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Карабулакской.

97. Записана 7 августа 1965 года от М. Ф. Гайдина.

98. Записана 8 октября 1965 года от Е. М. Ивановой. Варианты: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VI. Тифлис, 1888, отд. 1, стр. 87; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 21.

99. Записана 28 сентября 1965 года от А. Я. Широковой. Вариант: Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 103.

100. Записана 10 октября 1964 года от А. И. Копыловой. Вариант: Фольклор Воронежской области. Составил В. А. Тонков. Воронеж, 1949, № 61.

101. Записана 27 сентября 1965 года от Н. Г. Бадиной. Вариант: Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 59.

102. Записана 25 сентября 1965 года от М. Ф. Докторовой и А. И. Лимановой. Варианты: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXIX. Тифлис, 1901, отд. 3, стр. 101; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 96.

103. Записана 26 сентября 1965 года от А. И. Лимановой. Вариант: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXIV. Тифлис, 1904, отд. 2, стр. 33—34.

104. Записана 2 декабря 1966 года от П. М. Кожакиной и Т. А. Урчукиной.

105. Записана 8 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Карабулакской. Варианты: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. III. Тифлис, 1883, стр. 77; вып. XV. Тифлис, 1893, стр. 70; вып. XXXIX. Тифлис, 1908, отд. 2, стр. 35; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 25. Наш текст сокращен.

106. Записана 27 сентября 1965 года от Н. Г. Бадиной. Варианты: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXIV. Тифлис, 1898, стр. 104; А. Листопадов. Донские былины. Ростов-на-Дону, 1945, № 44; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Пу-

тилова. Грозный, 1946, № 12. Балладная песня. Восходит к глубокой древности. Некоторыми исследователями относится к былинам, что весьма спорно. Наш текст сжат, с незавершенным сюжетом. В более полных вариантах на вопрос охотника девушка отвечает, что идет к синему морю. Она просит охотника не губить «младого юношу — сына Македонского». Тот отвечает, что построит им на берегу моря дом, чтобы юноша мог наблюдать из окна, не покажется ли на проходящих мимо корабличках его отец. Песня начинается словами:

Не во славном было граде Вавилоне,
Там жила ли, была вот красная девушка.

107. Записана 25 сентября 1965 года от Е. М. Ивановой. Варианты: Песни, собранные П. В. Киреевским. Изданы Обществом любителей российской словесности. Вып. VIII, стр. 88; Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. I. СПб., 1895, № 214—215; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXIX. Тифлис, 1908, отд. 2, стр. 61—62; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 119, 145. Песня-баллада. Восходиг, очевидно, к XVII—XVIII векам и является отражением реальных событий казачьего военного быта.

108. Записана 30 апреля 1968 года от А. И. Лимановой. Вариант: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. VI. СПб., 1901, № 578.

109. Записана 25 сентября 1965 года от Е. М. Ивановой. Варианты: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. VI. СПб., 1901, № 109; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VII. Тифлис, 1889, отд. 1, стр. 79; вып. XXVII. Тифлис, 1900, стр. 110—111; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 37. Наш текст представляет контаминацию двух сюжетов: о проводах милого и о выдаче замуж за недоростка.

110. Записана 26 сентября 1965 года от Е. М. Ивановой. Вариант: Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 93.

111. Записана 10 октября 1964 года от А. И. Копыловой. Варианты: Воронежские народные песни. Под редакцией С. Г. Лазутина. Воронеж, 1962, № 24; Песни донского казачества. Составитель И. Кравченко. 1937, стр. 143—144. Популярнейшая терская песня-баллада. В наши дни бытует почти в каждой станице.

112. Записана 5 октября 1965 года от И. В. Алешечкина. Варианты: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. I. СПб., 1895, № 330—337, 340; т. VII. СПб., 1902, № 743; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 49. Баллада позднего происхождения.

113. Записана 27 сентября 1965 года от Н. Г. Бадиной. Вариант: Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 23. Балладная песня. В художественном отношении наша запись более совершенна.

114. Записана 25 сентября 1965 года от М. Ф. Докторовой и А. И. Лимановой. Вариант: Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 166. Во второй части нашего текста есть, очевидно, существенные пропуски, в результате чего песня не получает логической завершенности.

115. Записана 28 сентября 1965 года от А. Я. Широковой. Балладная песня.

116. Записана 27 сентября 1965 года от Н. Г. Бадиной. Варианты: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. VI. СПб., 1901, № 227—228; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XV.

Тифлис, 1893, стр. 299; вып. XXIX. Тифлис, 1901, отд. 3, стр. 138—139; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 201.

117. Записана 8 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Карабулакской. Варианты: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. III. СПб., 1897, № 492—502; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. III. Тифлис, 1883, стр. 116; вып. XV. Тифлис, 1893, стр. 69; вып. XXIX. Тифлис, 1901, отд. 3, стр. 126; вып. XXXVIII. Тифлис, 1908, отд. 2, стр. 28; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 14. В нашем варианте балладный сюжет не развернут.

118. Записана 26 сентября 1965 года от А. Т. Кальченко. Вариант: Лубок. Часть 1. Русская песня. Составил и комментировал С. А. Клепиков. М., 1939, стр. 129, 239—240.

119. Записана 28 сентября 1965 года от А. Я. Широковой. Варианты: Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. Т. IV. М., 1862, отд. 2, стр. 111; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. III. Тифлис, 1883, стр. 73; вып. VII. Тифлис, 1889, стр. 81; вып. XXXIX. Тифлис, 1908, стр. 66; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 97, 192. В нашем тексте опущена концовка. Приводим ее по публикации Тихонравова:

Не бывать-то тебе, детинке, в зеленом саду,
Не срывать-то тебе, детинке, горькой ягодки-калинки,
Не едать тебе, детинке, сладкой ягодки-малинки;
Не быть тебе во моем дому коренным хозяином,
Не быть тебе моим детушкам батюшкой родимым,
Не быть тебе мне, молодой вдове, миленьким дружком.

120. Записана 25 сентября 1965 года от Е. М. Ивановой. Балладная песня.

121. Записана 14 октября 1964 года от А. Я. Шаламова. Варианты: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. IV. СПб., 1898, № 5—9; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XV. Тифлис, 1893, стр. 260; вып. XXXIX. Тифлис, 1908, отд. 2, стр. 36; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 67, 208. Наш текст сокращен.

122. Записана 3 октября 1965 года от Т. А. Петрова. Варианты: М. А. Караулов 2-й. Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912, стр. 223; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 88. Авторство приписывается Н. А. Караулову 1-му.

123. Записана 6 августа 1965 года от А. И. Чеботаева и К. М. Малинки. Вариант: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. IV. СПб., 1898, № 550—553. Одна из самых известных русских песен, на Тереке записана впервые.

124. Записана 6 августа 1965 года от А. И. Чеботаева и К. М. Малинки. Вариант: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. II. СПб., 1896, № 37—39. Наш вариант сохраняет только начало песни.

125. Записана 8 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Карабулакской.

126. Записана 27 сентября 1965 года от Н. Г. Бадиной. Вариант: Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 74.

127. Записана 4 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Ассиновской. Вариант: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. V. СПб., 1900, № 637—642. Наш вариант сохраняет только начало песни.

128. Записана 6 августа 1965 года от А. И. Чеботаева и К. М. Малинки. Варианты: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. I. СПб., 1895, № 359—371; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. III. Тифлис, 1883, стр. 74; вып. XXXIV. Тифлис, 1904, отд. 2, стр. 36; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 121, 202. Популярнейшая русская народная песня. Наш текст сокращен. Последние строки, по-видимому, принадлежат другой песне. См. комментарий к следующему номеру.

129. Записана 8 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Карабулакской. Вариант предыдущей песни также не завершен.

130. Записана 27 сентября 1965 года от Н. Г. Бадиной. Варианты: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. VI. СПб., 1901. № 533; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VII. Тифлис, 1889, отд. 1, стр. 123; вып. XV. Тифлис, 1893, стр. 267; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 102, 104. Тюремная песня.

131. Записана 4 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Ассиновской. Вариант: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. I. СПб., № 461—467.

132. Записана 4 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Ассиновской. Вариант: Русское народное творчество в Башкирии. Составители С. И. Минц, Н. С. Полищук и Э. В. Померанцева. Уфа, 1957, № 108.

133. Записана 4 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Ассиновской. Вариант — в рукописном собрании Н. П. Колпаковой, № 1556.

134. Записана 4 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Ассиновской. Вариант: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. IV. СПб., 1898, № 848—851.

135. Записана 7 августа 1965 года от М. Ф. Гайдина. Вариант: Русский песенник, составленный из самых употребительных народных русских песен в двух частях. Часть первая. М., 1863, № 46.

136. Записана 3 октября 1965 года от Т. А. Петрова. Фольклорный вариант стихотворения И. П. Мятлева (1796—1844). Текст значительно отличается от авторского (см.: Песни и романсы русских поэтов. Вступительная статья, подготовка текста и примечания В. Е. Гусева. М.—Л., 1965, № 394).

137. Записана 3 октября 1965 года от Т. А. Петрова. Вариант: Песни казаков Кубани. Запись текстов и подготовка к печати И. Ф. Вараввы. Краснодар, 1966, № 200.

138. Записана 7 августа 1965 года от М. Ф. Гайдина.

139. Записана 12 октября 1964 года от М. Т. Белогурова. Тюремная песня.

140. Записана 3 октября 1965 года от Т. А. Петрова. Фольклорный вариант стихотворения В. А. Соллогуба (указано В. Е. Гусевым).

141. Записана 15 октября 1964 года от хора казачьей песни станицы Орджоникидзевской. В нашем сборнике публикуются ноты к данной песне. См. приложение II.

142. Записана 5 октября 1965 года от И. В. Алешечкина. Вариант: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. VII. Тифлис, 1889, отд. I, стр. 96. Шуточная песня.

143. Записана 26 сентября 1965 года от А. Т. Кальченко. Вариант: Русское народное творчество в Башкирии. Составители С. И. Минц, Н. С. Полищук и Э. В. Померанцева. Уфа, 1957, № 131.

144. Записана 4 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Ассиновской. Вариант: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. VII. СПб., 1902, № 157. Шуточная песня.

145. Записана 30 сентября 1965 года от Ф. Е. Бабскова. Шуточная песня украинского происхождения.

146. Записана 25 сентября 1965 года от Е. М. Ивановой. Вариант: Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 62. Шуточная плясовая песня, имеет довольно широкое распространение на Тереке. Наш текст представляет контаминацию двух песен (вариант к последним четырем строкам — № 79 нашего сборника).

147. Записана 28 сентября 1965 года от А. Я. Широковой. Варианты: Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским. Т. IV. СПб., 1898, № 568—571; Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 186. Шуточная плясовая песня. Бытует почти в каждой станице Терека. Наш текст значительно полнее опубликованных, отличается тонкой художественной отделкой.

148. Записана 27 сентября 1965 года от М. К. Павловой. Вариант: Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 72. Шуточная плясовая песня. Представляет собой контаминацию нескольких песен.

149. Записана 26 сентября 1965 года от А. К. Кальченко. Вариант: Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 60, 185. Шуточная плясовая песня.

150. Записана 4 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Ассиновской. Варианты: Русская народная песня в Молдавии. Составление, подготовка текстов, вступительная статья и комментарии Р. Богомольной. Кишинев, 1968, № 149; Русские народные песни. Сборник третий. М.—Л., 1937, стр. 108.

151. Записана 27 сентября 1965 года от Н. Г. Бадиной. Фольклорная переделка стихотворения М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» (1841 г.). Текст претерпел значительные изменения: сокращено число строф, несколько строф объединены в одну и т. п. Терский вариант см.: Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 79.

152. Записана 3 октября 1965 года от Т. А. Петрова. Фольклорная переделка стихотворения Н. А. Некрасова «В деревне» (1853 г.). Из семи строф Некрасова оставлено три. «Хозяин-большак» заменено на «хозяин большой». Обращение «Касьяновна» в песне переделано в отчество погибшего. В народной редакции содержание произведения стало еще более доступным, понятным.

153. Записана 26 сентября 1965 года от А. Т. Кальченко. Песенный вариант стихотворения поэта 30-х годов XIX века Е. П. Гребенки. В наши дни песня имеет широкое бытование в станицах. Наш текст, за исключением последней строфы, не претерпел никаких изменений. Терский вариант см.: Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 112.

154. Записана 25 сентября 1965 года от М. Ф. Доктировой и А. И. Лимановой. Фольклорная переделка переводного стихотворения И. И. Козлова «На погребение английского генерала сира Джона Мура» (1826 г.). Текст претерпел значительные изменения. Из восьми строф оставлены четыре. Терский вариант см.: Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 193.

155. Записана 4 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Ассиновской. Фольклорная переделка стихотворения А. К. Толстого (1817—1875).

156. Записана 9 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Карабулакской. Вариант: Избранный новейший песенник, содержащий в себе собрание отборных, употребительных и новейших всякого рода песен. М., 1820, ч. 1, стр. 83 (указано М. Я. Мельц).

157. Записана 15 октября 1964 года от хора казачьей песни станицы Орджоникидзевской.

158. Записана 7 августа 1965 года от М. Ф. Гайдина. Припев повторяется после каждого четверостишия.

159. Записана 20 октября 1964 года от И. Н. Леонидова. Асланбек Шерипов — сын чеченского народа, герой гражданской войны.

160. Записана 20 октября 1964 года от И. Н. Леонидова.

161. Записана 28 сентября 1965 года от А. Я. Широковой.

162. Записана 28 сентября 1965 года от А. Я. Широковой. Фольклорный вариант песни на слова поэта А. Суркова «Терская походная».

163. Записана 15 октября 1964 года от хора казачьей песни станицы Орджоникидзевской.

164. Записана 7 августа 1965 года от М. Ф. Гайдина. В нашем сборнике публикуются ноты к данной песне. См. приложение II.

165. Записана 3 декабря 1966 года от В. В. Кононенкиной.

166. Записана 7 августа 1965 года от М. Ф. Гайдина. В нашем сборнике публикуются ноты к данной песне. См. приложение II.

167. Записана 26 сентября 1965 года от А. Т. Кальченко.

168. Записана 15 октября 1964 года от хора казачьей песни станицы Орджоникидзевской.

169. Записана 15 октября 1964 года от хора казачьей песни станицы Орджоникидзевской. Припев повторяется после каждого четверостишия.

170. Записана 20 октября 1964 года от И. Н. Леонидова.

171. Записана 3 декабря 1966 года от В. В. Кононенкиной.

172. Записана 20 октября 1964 года от И. Н. Леонидова.

173. Записана 20 октября 1964 года от И. Н. Леонидова.

174. Записана 25 сентября 1965 года от В. Н. Асековой. Вариант: Песни и сказы Донбасса. Сборник А. В. Ионова. Донбасс, 1960, стр. 276.

175. Записана 28 сентября 1965 года от А. Я. Широковой.

176. Записана 4 августа 1965 года от хора казачьей песни станицы Ассиновской.

177. Записана 20 октября 1964 года от А. Т. Кальченко. Припев повторяется после каждого восьмистишия.

178. Записана 16 октября 1964 года от хора казачьей песни станицы Орджоникидзевской. Припев повторяется после каждого восьмистишия.

179. Записана 16 октября 1964 года от хора казачьей песни станицы Орджоникидзевской. Припев повторяется после каждого четверостишия.

180. Записана 16 октября 1964 года от хора казачьей песни станицы Орджоникидзевской. Припев повторяется после каждого четверостишия.

181. Записана 16 октября 1964 года от хора казачьей песни станицы Орджоникидзевской.

182. Записана 16 октября 1964 года от хора казачьей песни станицы Орджоникидзевской. Припев повторяется после каждого восьмистишия.

183. Записана 16 октября 1964 года от хора казачьей песни станицы Орджоникидзевской. Припев повторяется после каждого четверостишия.

184. Записана 16 октября 1964 года от хора казачьей песни станицы Орджоникидзевской.

185. Записана 16 октября 1964 года от хора казачьей песни станицы Орджоникидзевской.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

186. Перепечатана из Записок Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914, № 3, стр. 74. Вариант былины о Малютке Илье Муромце. См. в нашем сборнике № 35.

187. Перепечатана из Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXII. Тифлис, 1897, отд. 3, стр. 35. Вариант былины «Встреча Ильи Муромца с разбойниками».

188. Перепечатана из Сборника материалов... Вып. XXIV. Тифлис, 1898, отд. 1, стр. 89. Вариант былины «Добрыня и Маринка».

189. Перепечатана из Сборника материалов... Вып. XXVII. Тифлис, 1900, отд. 4, стр. 76. Вариант былины «Добрыня и Алеша».

190. Перепечатана из Песен гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 2. Вариант былины «Дюк Степанович».

191. Перепечатана из Записок Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914, № 3, стр. 72. Вариант былины «Данила Ловчанин».

192. Перепечатана из Сборника материалов... Вып. XXVII. Тифлис, 1900, отд. 4, стр. 80. Вариант былины «Иванушка Гордеевич».

193. Перепечатана из Сборника материалов... Вып. XXIV. Тифлис, 1898, отд. 1, стр. 110. Историческая песня XVI века.

194. Перепечатана из того же сборника, № 8. Вариант исторической песни «Казаки говорят об Азове».

195. Перепечатана из того же сборника, № 26. Вариант исторической песни «Степан Разин в казачьем кругу».

196. Перепечатана из того же сборника, № 30. Вариант исторической песни «Гребенские казаки-разинцы вспоминают Терек».

197. Перепечатана из того же сборника, № 35. Вариант исторической песни «Петр хочет казнить стрельцов».

198. Перепечатана из того же сборника, № 44. Вариант исторической песни «Шереметев и шведский майор».

199. Перепечатана из того же сборника, № 96. Вариант исторической песни «Оборона Севастополя».

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Нотное приложение подготовлено автором к печати при помощи музыковеда А. В. Кимаковской.

Содержание

Предисловие 3
Песни гребенских и сунженских казаков . 11
Обрядовые песни 43
Былины и древние эпические песни . . 69
Исторические песни 75
Лирические песни 85
Песни советского времени 165
Приложение I 189
Приложение II 207
Примечания 215

Агаджанов Юрий Георгиевич

ПЕСНИ ТЕРЕКА

Редактор **Н. К. Байбулатов**
Оформление художника **Ю. А. Шевченко**
Худож. редактор **М. Б. Магомаев**
Техн. редактор **К. А. Абубакаров**
Корректоры: **В. А. Глезденева, С. П. Ксионда**

Сдано в набор 29.V 1973 г. Подписано к печати 17.IX 1974 г
Формат 70х90 1/16. Объем 15(17,55) п. л. Уч.-изд. л. 13,21
Бумага типографская № 2
Тираж 800. СФ06157

Чечено-Ингушское книжное издательство
Управления по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли Совета Министров
Чечено-Ингушской АССР,
Грозный, 21, улица Ленина, 14

Заказ № 4559
Типография имени И. Н. Заболотного
Управления по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли Совета Министров
Чечено-Ингушской АССР,
Грозный, улица Интернациональная, 12/33
Цена 51 коп.